

Еремин С.В.

НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ 1933-1941 гг.

Монография

Нижневартовск
НВГУ
2021

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

Еремин Сергей Владимирович

**НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ
В ЗЕРКАЛЕ
СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ
1933–1941 гг.**

Монография

Нижевартовск
НВГУ
2021

Печатается по решению
Ученого совета ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»
протокол № 1 от 26 января 2021

Рецензенты: д-р истор. наук, проф. *В.Н. Ерохин*
д-р истор. наук, проф. *В.Я. Мауль*

Еремин С.В.

Е 70 **Нацистский режим в зеркале советской пропаганды 1933–1941 гг. :**
монография / С.В. Еремин. Нижевартовск: изд-во НВГУ, 2021. 176 с.

ISBN 978-5-00047-615-4

В центре внимания автора монографии находятся механизмы функционирования советских пропагандистских органов и деятельность советских пропагандистов по интерпретации политики национал-социалистского режима в Германии в 1933–1941 гг.

С момента прихода А. Гитлера к власти и до дня подписания пакта Риббентропа-Молотова 23 августа 1939 г. нацистский режим «эволюционировал» в советской пропаганде до главного врага СССР. Государственная монополия на средства массовой информации, многоуровневые информационные фильтры советской цензуры обеспечивали высокую эффективность идеолого-пропагандистского воздействия на советскую общественность.

В период дипломатической «оттепели» усилия органов пропаганды были направлены на корректировку образа нацистского режима уже как партнёрского. Политико-идеологическая компания, развернувшаяся в мае–июне 1941 г. с целью возвращения образа нацистского режима как потенциально враждебного, осталась незавершённой в следствии внезапного нападения нацистской Германии и её союзников на Советский Союз.

Монография адресована как профессиональным историкам, так и всем интересующимся дискуссионными вопросами советско-германских отношений в межвоенный период.

ББК 63.3(2)6-38

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ISBN 978-5-00047-615-4

9 785000 476154

© Еремин С.В., 2021

© НВГУ, 2021

Содержание

От автора	5
Введение. «Мягкая» и «умная» силы – инструменты пропаганды и психологической войны	6
Глава 1. Советско-германские отношения в межвоенный период в отечественной историографии	15
Глава 2. Система советской внешнеполитической пропаганды в 1930-х – начале 1940-х годов	20
Глава 3. Руководящий и кадровый состав советских органов пропаганды	30
Глава 4. Политические репрессии в органах пропаганды	36
Глава 5. Механизмы функционирования системы советской внешнеполитической пропаганды	46
Глава 6. Реакция советского руководства на приход А. Гитлера к власти (1933–1934 гг.): политико-пропагандистский контекст	62
Глава 7. Внутренняя политика, экономика, идеология и культура национал- социализма в отражении советской пропаганды	85
Глава 8. Интерпретация внешней политики нацистов	117
Глава 9. Пакт Риббентропа–Молотова, улучшение отношений СССР и Германии в советской пропаганде (23 августа 1939 – 21 июня 1941 гг.)	134
Глава 10. Неудачная попытка «культурного сближения» с Третьим рейхом	141
Глава 11. Антинацистская направленность политико-идеологической кампании мая–июня 1941 г.	153
Некоторые итоги	159
Источники	163
Приложение	174

ОТ АВТОРА

Идея опубликовать эту книгу пришла во время моей работы над кандидатской диссертацией, посвященной советскому пропагандистскому образу германского национал-социализма в 1933–1941 гг.¹. Диссертация, в свою очередь, стала продолжением исследования идейно-политического противостояния большевистского и нацистского режимов в предвоенный период².

Автор выражает благодарность докторам исторических наук – В.Д. Камынину, Л.Н. Мазур, Н.Н. Баранову, В.Н. Ерохину, В.Я. Маулю, Г.Н. Шапошникову, доктору политических наук Л.Г. Фишману, кандидату исторических наук А.В. Лямзину, кандидату филологических наук М.А. Ереминой и кандидату технических наук Б.Н. Махутову за советы и рекомендации, данные ими в ходе работы над диссертацией и подготовки монографии к публикации.

¹ Еремин С.В. Трансформация образа нацистского режима в советской пропаганде 1933–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.

² Еремин С.В. Большевизм и нацизм: идейно-политическое противостояние и «оттепель» 1939–1941 гг. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Москва, 2007. Вып. 20. С. 155–174.

Введение. «МЯГКАЯ» И «УМНАЯ» СИЛЫ ИНСТРУМЕНТЫ ПРОПАГАНДЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Эскалация геополитической напряженности, локальных конфликтов, санкционного и иных форм экономического давления сопровождается активным и конфронтационным информационным противостоянием. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации прямо указано на наращивание «рядом зарубежных стран» возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях. Также в ней говорится о расширении масштабов использования спецслужбами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия для дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации, направленной на подрыв суверенитета и нарушение территориальной целостности других государств. Это определено как «один из основных негативных факторов, влияющих на состояние информационной безопасности»³.

В международной политике произошел переход от, казалось бы, ставших традиционными инструментов «soft power» (мягкой силы) к инструментам «smart power» (умной силы). Инструменты «smart power» включают в себя как элементы «hard power»⁴ (жесткой силы), так и элементы «soft power». Это означает, что по меньшей мере в среднесрочной перспективе основные игроки на международной арене будут пользоваться комбинацией стратегий «жесткой» и «мягкой» силы⁵ с приоритетом первой, реализуемой в новой smart-форме.

Центр стратегических и международных исследований (CSIS)⁶ определяет эту форму как подход к международным отношениям и международной политике, базирующийся на наличии сильной и мобильной армии, но также активно инвестирующий во взаимодействие – альянсы, партнерства и институты всех уровней – для расширения своего влияния и утверждения легитимности [любых] своих действий, т.е. обеспечения их свободы⁷.

³ Утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // <https://clck.ru/R3fRF>

⁴ К. Уитон и П. Добрянски точно охарактеризовали локализацию стратегий «smart power» как реализуемых «между дипломатией и войной»: см. Christian Whiton, Paula Dobriansky Smart Power: Between Diplomacy and War. Potomac Books, 2013.

⁵ К. Уитон в цитируемой выше книге формулирует реалистичную (по оценке авторов) оборонную стратегию для основных современных угроз национальной безопасности США (книга вышла в 2013 г., поэтому Россия в числе угроз отсутствует, названы Иран, Китай и исламизм) с акцентом на использование «умной силы», которую он определяет как «забытые инструменты государственного управления», лежащим «между дипломатией и прямой войной». Дж. Болтон весьма точно резюмировал К. Уитона, определив по его книге сущность «умной силы» как «мирное формирование политических результатов в зарубежных странах» / Bolton John Failed State // Claremont Review of Books. Winter 2013–2014. № 14(1).

⁶ С 1962 г. – американский аналитический институт (Вашингтон, DC) при Джорджтаунском университете. Официальный сайт: <https://www.csis.org>

⁷ Разработчики американской стратегии «smart power» были озабочены падением имиджа и влияния Америки во всем мире. Чтобы сохранить лидерство США в мировых делах, необходимо было перейти от возбуждения страха и гнева (как это было раньше) к внушению оптимизма и надежды. Работавшая в рамках CSIS двухпартийная комиссия по интеллектуальной энергетике

Стратегии «smart power» были разработаны и применяются в информационном обществе для расширения задач и публичной дипломатии. На обсуждение выносятся важнейшие вопросы в области культуры, науки, техники и информации. При этом обилие коммуникационного контента диверсифицирует методы публичной дипломатической коммуникации. По своим целям стратегии «умной силы» продолжают и расширяют стратегии дипломатии «мягкой силы».

Для многополярного мира и мира вообще как состояния без войны) претензии на глобальное доминирование, навязывание своей идеологии и воли представляют серьезную опасность. Претензии германских национал-социалистов на мировое господство потерпели закономерный крах, однако сегодня миру вновь навязывается типовая, самая «демократичная» система ценностей.

Цель американской стратегии «smart power» – модернизация существующей идеологии, ценностей, а также культурной идентичности остальных наций. Насаждение американской идеологии и ценностей, утверждение глобального доминирования с наименьшими (относительно, например, военных) затратами.

В условиях многополярного мира российская внешняя политика должна учитывать сразу несколько центров силы. Так, китайская «умная сила» направлена на самосовершенствование и достижение мирного подъема, усиление национальной сплоченности Китая, его международную доступность под руководством концепции гармонии, минимизацию потенциального негативного эффекта от роста экономической и военной мощи. В этом смысле можно утверждать, что «умная сила» США экстравертна, тогда как Китая – интравертна⁸.

Своего концептуального оформления требуют и российские варианты политик «мягкой» и «умной» силы, реализуемые в глобальном информационном пространстве. Здесь как никогда будет к месту анализ исторического опыта советской пропаганды с особым вниманием к применению современных внешнеполитических стратегий и инструментов, выявлению схожих, повторяющихся в истории ситуаций.

Резкое усиление в середине 2010-х годов информационного противостояния интенсифицировало антироссийскую пропагандистскую активность на Западе, подаваемую как контрпропаганда на действия Москвы⁹. В этих условиях неизбежно возникают параллели, сопоставления и сравнения с ситуациями, произошедшими во время Второй

разработала концепцию глобального взаимодействия Америки и реализации стратегии «умной силы». В результате США должны были «стать умнее», инвестируя в глобальные блага, которые недостижимы без американского лидерства. В центре внимания стояла идея дополнения военной и экономической мощи США большими инвестициями в «мягкую силу» для формирования опорных точек и решения сложных глобальных проблем/ CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America. Center for Strategic and International Studies/ <https://www.csis.org/analysis/smarter-more-secure-america>

⁸ Cheng Guo, Yin Qun. Smart power as the factor in the sino-u. S. relations // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 2-5 (71). Pp. 4-7.

⁹ McCann Kate, Farmer Ben Britain to launch counter-propaganda war against Russia as Theresa May unveils 'Fusion Doctrine' defence plan // The Telegraph. 2018. 27 march.

мировой войны и перед ее началом. Президент России отметил закономерность поправок в «обновленную Конституцию» и особенно выделил положение о сохранении памяти защитников Отечества и сбережении исторической правды¹⁰, в ущерб которой работают пропагандистские структуры и медиаресурсы, решая за счет этого свои политические, идеологические и геополитические задачи. Именно поэтому данные поправки «получили самую большую народную поддержку».

Ключевое понятие настоящей книги – пропаганда – хорошо известно, неоднократно определено, но для современного восприятия все же требует пояснения. Именно пропаганда, наряду с демонстрацией военной мощи, играла главную роль в реализации геополитических стратегий первой половины XX в. В современной политической и психологической теории это понятие определяется как направленная на фокусную аудиторию коммуникация для продвижения определенной, важной для коммуникатора, повестки дня. Она может быть необъективной, может избирательно представлять факты, чтобы стимулировать определенное мышление или восприятие, либо использовать акценты для обеспечения эмоциональной, а не рациональной реакции на информацию. Исторически пропаганду принято ассоциировать с официальными правительственными материалами, однако она характерна и для групп активистов, компаний, религиозных организаций, средств массовой информации и даже отдельных лиц.

Анализируя советскую пропаганду военной поры, К. Бергкхоф дифференцирует ее общее понятие (манипулятивное формирование восприятия, моделирование поведения в интересах пропагандиста) с агитацией, полагая, что последняя отлична от пропаганды адресацией к эмоциям, а не к разуму, воздействием устным словом и художественным образом. В то же время автор обоснованно усматривает в СССР стирание разницы между пропагандой и агитацией¹¹.

В XX в. термин «пропаганда» был неразрывно связан с манипулятивным подходом, который определялся систематическим манипулированием убеждениями, отношениями или действиями масс¹² при помощи широкого спектра различных средств и символов, в том числе культуры и произведений искусства. Во многом такое восприятие пропаганды возникло из-за курса политики стран с тоталитарным режимом.

Исследуемая в настоящей книге советская пропаганда отличалась своей целенаправленностью и активным акцентом на манипуляции. Пропагандисты всегда имели

¹⁰ Путин В.В. Выступление на Заседании Российского организационного комитета «Победа» 20 мая 2021 г.// Президент России. Официальный сайт: <https://clck.ru/Xxqra>

¹¹ Berkhoff K. *Motherland in danger: Soviet propaganda during world war II*. Cambridge (Mass.): Harvard univ. Press, 2012. 407 p. (с. 2-3).

¹² Ключевое для пропаганды понятие «массы» трактуется с позиции развития теории С. Московичи как социальный феномен, в котором индивиды растворяются, попадая под пропагандистское внушение вождя (Московичи С. Часть I. Век толп. Глава I. Индивид и масса // Социология власти. 2009. № 6. С. 205–217). Таким образом, масса приобретает не просто психологическую, как писал С. Московичи, а политико-психологическую общность. При этом индивидуальное сознание подчиняется коллективному (одновременно и формируя его), а коллективная «бессознательность» лишь кажется таковой, так как на деле направляется пропагандой.

четко определенную цель или набор целей. Для их достижения тщательно выбранные факты, аргументы и символы представлялись таким образом, чтобы получить максимально возможный эмоциональный отклик аудитории. При этом для достижения наибольшего эффекта не стеснялись искажать факты и просто лгать. Пропагандисты подчиняли внимание реакторов (объектов воздействия) любой теме так виртуозно, что распознать пропаганду было фактически невозможно. В условиях военной угрозы цель пропаганды была очевидна. Чтобы заставить солдата воевать, и воевать самоотверженно, подчеркивает В.В. Попова, необходимо закрепить в нем уверенность в справедливости его действий (он сражается за правду), а также веру в то, что он сможет одержать победу над врагом. Убедить в этом армию и мирное население – было основной задачей пропаганды. Как отмечает В.В. Попова, с пропагандой не должно было возникнуть «никаких проблем», однако, как обосновано подчеркивает цитируемый автор, «на самом деле все было не так однозначно и просто»¹³.

В 1930–1940-е годы образование в значительной мере было подчинено пропаганде. Опытный учитель всегда стремится вариативно представить разные стороны проблемы, заложить в учениках рациональные основания для сомнений, аргументированной веры в свои или чужие утверждения и выявления преимуществ определенного мыслимого образа действий. Образование побуждает реакторов самостоятельно собирать и оценивать доказательства, используя различные методы и техники. Для пропаганды это чуждо, хотя «творческая» часть пропагандистов считает себя просветителями. Они полагают, что несут в массы истину, а искажения фактов – просто вынужденная необходимость. Для убеждения можно использовать любые методы, ведь рекомендуемые направления самые лучшие и оптимальные для реактора. Последний, принимает коннотации пропагандиста за очевидную истину, а его самого считает высокообразованным и внемлет всем его словам. Так часто происходит с «истинно верующими» догматиками. В любом обществе не все люди подвержены пропаганде, поэтому «образование» для одного может быть «пропагандой» для другого¹⁴.

Анализируя историю развития «боеприпасов разума», Ф. Тейлор проследил неразрывную связь пропаганды с войной. В этой связи пропаганде отведена роль определять моральный характер войны¹⁵.

В СССР термин «пропаганда» применялся нечасто. Как правило, ставились задачи агитации или реализации политико-идеологических кампаний, под которыми понималась официально инициируемая фокусировка коммуникации на определенной группе государственных (внутри- или внешнеполитических, идеологических) вопросов для достижения заранее сформулированных целей. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. этот

¹³ Попова В. В. Изменение образа врага в сознании жителей советского Союза в первые месяцы Великой отечественной войны // *Universum: общественные науки*. 2016. № 11 (29). С. 1.

¹⁴ Smith, Bruce L. Propaganda // *Encyclopædia Britannica*. <https://clck.ru/Xxf5Z>

¹⁵ Taylor Philip M. *Munitions of the Mind: War propaganda from the ancient world to the nuclear age*. Patrick Stephens Ltd, 1990. 352 p.

процесс осуществлялся путем активного воздействия на общественное сознание посредством политико-пропагандистских инструментов: устной агитации, печати, радио и кино.

Прежде, чем развернуть политико-идеологическую кампанию, высшему партийному руководству сначала необходимо было дать установку: определить ее характер и содержание. После чего органы пропаганды (в том числе внешнеполитической) реализовывали практические мероприятия по перестройке своей работы в соответствии с новыми указаниями. Затем подключались высшее, среднее и низовое звенья пропагандистских структур.

На втором этапе политико-идеологической кампании предпринимались попытки внедрения в общественное сознание конкретных установок, сформулированных руководством страны и распространяемых пропагандой¹⁶. На данном этапе предполагалось, что идея должна овладеть массами. Осознав эту идею, они начинали воспринимать ее как свою собственную. Модель, описанная П.Б. Гречухиным, была идеальной. Ввиду отсутствия каких-либо данных научной социологии, довольно сложно понять реальные настроения населения и его взгляды на вопросы пропаганды.

После начала Второй мировой войны начался новый этап во взаимодействиях ее участников – психологическая война (psychwar)¹⁷, – которая подразумевает использование пропаганды в военное или довоенное время и преследует следующие цели: дезориентировать или деморализовать вражеское население или войска, застигнуть их врасплох перед лицом предстоящих атак или побудить их к капитуляции¹⁸. Концепция политической войны, напрямую связанная с концепцией психологической войны, среди многих других методов включает в себя использование пропаганды в мирное время, чтобы усилить социальные и политические разногласия и посеять смятение в обществах государств-противников¹⁹.

Период Великой Отечественной войны в настоящем исследовании не рассматривается. Однако важно понимать, что психологическая война велась тогда не только специализированными органами (в том числе между собой), но и непосредственными участниками боевых действий: Вермахтом и советскими коллаборационистами с одной стороны, РККА и советскими партизанами – с другой²⁰. Очевидно, что к такой войне необходимо было готовиться даже тщательнее, чем к обычной войне.

¹⁶ Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997. С. 172–173; Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х – начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.; Небезин В.А. «Если завтра в поход...» ... С. 280–311.

¹⁷ В современных российских исследованиях с привязкой к информационному этапу развития общества также используется дефиниция информационно-психологическая война // Гаврилов Л.А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 89–98.

¹⁸ Jeff Logue The power of psychological warfare in World War II// Thought Hub. 2018. October 24. <https://clck.ru/XxfFF>

¹⁹ William L. Hosch Psychological warfare (psywar) // Encyclopædia Britannica. <https://clck.ru/XxfE6>

²⁰ Антонцева В.А., Цветков А.В. Устная советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны// Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2021. № 1. С. 8–15.

Методы, формы и технологии психологической войны разрабатывались в Германии, Великобритании и США. К разработке привлекались созданные для этого коллективы ученых и специалисты по общей и политической психологии, прикладной психолингвистике, психологии пропаганды и массовым коммуникациям²¹.

Вторая мировая война стала ярким примером психологической войны с точки зрения воздействия воевавших держав на моральные чувства солдат. Дж. Логг обоснованно назвал психологические манипуляции «одним из самых мощных аспектов» Второй мировой войны, ведь они были направлены на подрыв боевого духа и настроения армии и населения. Психологическая война ставила целью посеять в людях сомнения и нежелание бороться. От ее воздействия было сложно защититься²².

Современная политическая психология определяет термин «психологической войны» как систематический процесс воздействия на волю и направления действий людей на вражеской и оккупированной территории в соответствии с потребностями высшей стратегии. Использование пропаганды для усиления слабостей противника сформировало новую концепцию психологической войны, так называемую «Четвертую руку войны»²³.

Психологическая война была направлена на подрыв военной машины, для этого применялись такие методы, как дезинформация и агитация, подрыв политической идеологии через личные мотивы, дестабилизация противника, которая достигалась при помощи воздействия на самые уязвимые стороны человеческой природы: эмоции, чувства, личностные характеристики. Для деморализации врага пропаганда систематически эксплуатировала игру на чувствах страха, ненависти, обмана, боли, унижения и одиночества.

В этом смысле Вторая мировая положила начало ведения нового стиля войны. Она стала не просто испытанием вооружений и вооруженных сил, но и ареной интеллектуальной борьбы за умы и души солдат и населения. При подготовке к войне и на ее начальных этапах воюющие державы массированно использовали пропаганду, направляя ее на психологическое манипулирование своим населением, однако быстро обнаружилось, что такие формы убеждения могут быть столь же эффективны и против врага.

Последовав примеру Гитлера, Великобритания стремительно развернула свой курс на пропаганду. Британцы использовали ее в невиданных ранее масштабах²⁴ после того, как

²¹ Linebarger Paul M. A. Psychological Warfare: International Propaganda and Communications, 1948. Revised second edition. Duell, Sloan and Pearce, 1954. 318 p.

²² Jeff Logue The power of psychological warfare in World War II // Thought Hub. 2018. October 24. <https://clck.ru/Xxfff>

²³ Charles Greig Cruickshank The Fourth Arm: Psychological Warfare 1938-1945. Oxford University Press, 1981.

²⁴ Одной из изощренных форм психологической войны, которую вела Великобритания против Германии, стало распространение среди немцев так называемой «черной пропаганды». В начале 1941 г. С. Делмер возглавил специальный отдел Комитета политической войны PWE (Political Warfare Executive), которому ставилась задача с помощью привлеченных (завербованных) немецких беженцев организовать с британской территории вещание немецкоязычной радиостанции «Soldatensender Calais», представляя дело так, что вещание идет с территории Германии. Суть черной пропаганды сводилась к подрыву авторитета Гитлера и НСДАП, формально якобы самими

тщательно изучили психологическую уязвимость человеческого разума. Они превратили психологическую войну в науку.

Сразу отметим, что «военная психология» не была новым понятием во Второй мировой войне. Во время первой мировой войны британское правительство привлекало тысячи психологов для проведения исследований, тестирований и экспериментов с целью отбора, размещения и обучения своих солдат. Но именно во Второй мировой научное применение психологии впервые было использовано для ослабления противника и укрепления своей армии²⁵.

Только Вторая мировая война способствовала становлению социальной и культурной психологии как области науки. До войны большинство аспектов социальной психологии были чисто философскими. Когда началась кампания психологической войны, правительства начали активно привлекать психологов для участия в планировании и тестировании.

В то время, как Гитлер открыто и с энтузиазмом вовлекал психологов в свои военные планы, англичане не хотели признавать, что тоже использовали подобные методы для собственной кампании. На протяжении всей войны они избегали термина «психологическая война» и предпочитали называть ее «политической войной». При этом британцы сохраняли в тайне свои разработки психологических методов, полагаясь на США в проведении большей части психологических исследований, необходимых для американской кампании пси-войны. Методы психологической войны включали долгосрочный анализ психологически сильных и слабых сторон как отдельных людей, так и немецкого общества в целом с целью выявления их наиболее уязвимых точек. На индивидуальном уровне для этого применялась психология личности и боевая психиатрия, благодаря которым выявлялся психологический феномен, необходимый при разработке психологического оружия²⁶.

Психологическая война, которую вели США²⁷, заключалась в комплексном использовании всех средств для уничтожения воли противника и лишения его поддержки союзников. Стратегическая пропаганда была направлена против врага в оккупированных им странах и преследовала сразу две цели: подорвать волю противника к сопротивлению и морально поддержать тех солдат, кто в долгосрочной перспективе был готов перейти и сражаться на стороне своего противника.

нацистами, приверженцами режима// Delmer Sefton. «Black Boomerang»: An Autobiography, Vol. 2. Secker and Warburg, 1962. 119 p.

²⁵ Лаврентьева М.Ю. Особенности технологий и методов информационно-психологических войн СССР с Великобританией и США в период 1939–1953 гг.: дисс. ... канд. филол. наук 10.01.10. М., 2020.

²⁶ Taylor John A. Bletchley Park's Secret Sisters: Psychological Warfare in World War II. The Book Castle, 2005. 160 p.

²⁷ В 1942 г. для ведения информационной войны в структуре военного командования США было создано Управление военной информации, в руководстве которого, как и в военном командовании, не было единства мнений о путях и идеологии американской пропаганды. Доминировали два направления: пропаганды американских демократических целей и ценностей в войне и борьбы против нацизма, которое и получило приоритет. Президент Ф. Рузвельт лично руководил средствами пропаганды, сосредоточив все в своих руках // Winkler Allan M. Politics of Propaganda, The Office of War information, 1942-1945. Yale University Press, 1978. 230 p.

Тактическая или боевая пропаганда преследовала оперативные краткосрочные цели и велась против вражеских сил в передовых районах. Консолидационная пропаганда была направлена на гражданское население в тыловых районах и в районах, недавно оккупированных союзными войсками. Это помогало обеспечить дальнейшее сотрудничество союзников с местным населением. Оружием американской психологической войны были гражданские средства массовой информации в печатной (листовки), кино- и аудиоформе. Свыше 8 миллиардов листовок было сброшено самолетами союзников или доставлено их артиллерийскими снарядами по всем фронтам. На тактическом уровне США вели фронтовые радиопропагандистские программы и использовали громкоговорители и мегафоны. Почти каждая кампания на Тихоокеанском театре военных действий сопровождалась психологической войной.

Японцы моделировали свою психологическую войну, взяв за образец кампании, которые проводили англичане во время Первой мировой войны, и кампании, которые проводили немцы во время Второй мировой войны. Немцы фактически создали филиал своего министерства пропаганды в Японии, что привело к тесному сотрудничеству в области психологической войны между двумя державами Оси. В результате их пропагандистские темы были практически параллельны.

Японцы применяли трехсторонний подход к своим психопам. Во-первых, у них была стратегическая пропаганда, направленная против внутреннего фронта, политического руководства западных держав, а также их статуса в Азии. Во-вторых, оперативно-тактическая пропаганда, применяемая против вооруженных сил западных держав (бомбардировка Перл-Харбора в декабре 1941 г.) должна была не только уничтожить флот, но и деморализовать армию США. Но как показали дальнейшие события, это стало ошибкой. Оперативная и тактическая японские психологические войны для достижения поставленных целей также использовали токийские радиопередачи. Среди прочих можно выделить «Токийскую розу»²⁸ и «Нулевой час», с помощью которых транслировалась самая свежая американская музыка: Т. Дорси, Г. Миллер, Б. Кросби и др., – иногда до официальных релизов Allied broadcast.

Американские моряки оказались невосприимчивы к «Токийской Розе», хотя и транслировали вражеские радиопередачи через звуковые системы кораблей ВМС для

²⁸ Токийская Роза – псевдоним Ивы Тогури, родившейся в Лос-Анджелесе 4 июля 1916 г. Окончив медицинский факультет Калифорнийского университета, она поехала навестить больную тетю в Японии, где застряла после нападения на Перл-Харбор. Власти вынуждали ее отказаться от американского гражданства, устроили на радио, попросив вести «Нулевой час», пропагандистскую и развлекательную программу для американских солдат. Сценарий писали два британских военнопленных, сарказм и сатира которых больше воодушевляли американские войска, чем подрывали их боевой дух. После войны Тогури была интернирована в США и осуждена за измену, ей пришлось провести шесть лет в тюрьме. В 1976 г. президент Джеральд Форд помиловал Айву Тогури, она скончалась в возрасте 90 лет в 2006 г. // Haffner, Craig; Lusitana, Donne E.; Paddor, Scott; Coughlin, Brian Tokyo Rose: Victim of Propaganda. Biography. Hollywood: Greystone Communications, 1995; Goldstein, Richard D'Aquino, Convicted as Tokyo Rose, Dies at 90 // The New York Times. 2006. September 27.

прослушивания музыки. В целом японская тактическая пси-война против американских войск была признана полным провалом. Роберт Дж. Банкер обоснованно отмечал, что больше в истории не было случаев, когда трансляция для такой широкой аудитории слушателей приносила бы столь ничтожные результаты²⁹.

Опыт организации пропаганды и ведения психологической войны, накопленный за годы Второй мировой войны чрезвычайно актуален для современного исследования.

В условиях жесткого внешнеполитического и внешнеэкономического прессинга российской внешней политике уже недостаточно применения только средств soft power. Сегодня остро ощущается потребность в восстановлении и развитии системы внешнеполитической пропаганды, которая способна донести до международной аудитории информацию из первых рук об инициативах и действиях Российской Федерации во внешней политике. В этом смысле актуально исследование опыта советской пропаганды, который в 1990-е гг. в нашей стране, подвергался резкой критике³⁰. Сегодня особенно востребован позитивный опыт советских пропагандистских структур по проведению эффективной информационной политики внутри страны и за ее пределами. Необходимо изучить советскую пропаганду предвоенных лет, ее методы и приемы по формированию образа внешнего врага. Это позволит проследить эволюцию господствовавших установок советского руководства в оценке идеологических основ и политических реалий враждебного большевизму режима. Установки определяли характер функционирования деятельности пропагандистских структур СССР на фоне сложных и неоднозначных советско-германских отношений кануна Второй мировой и Великой Отечественной войн.

²⁹ Non-state Threats and Future Wars, by Robert J. Bunker (Ed.). L.A., 2002.

³⁰ Стрелец М.В., Малашук И.Н. Советская пропаганда: некоторые размышления свидетелей советской и постсоветской эпох // 1917 г. в судьбах народов России. Сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием. М., 2017. С. 351–354.

Глава 1. СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В центре внимания настоящего исследования – деятельность партийных и государственных пропагандистских структур по формированию в массовом сознании образа внешнего мира. Автор стремился показать, что представляла собой система советской внешнеполитической пропаганды в 1920–1930-е гг., направления информационной политики, квалификацию кадрового состава советских пропагандистов, влияние политических репрессий на возможности получения, качество интерпретации и репрезентации международной информации. Важно было понять, как на советской информационной политике отразились отношения с нацистской Германией, как это оценивал И.В. Сталин, какие средства были задействованы для формирования пропагандистского образа нацистского режима – особенно в период его трансформации (в 1939 г. – первой половине 1941 г.).

Советско-германские отношения – сложная и неоднозначная тема, требующая в изучении объективного и взвешенного подхода, который, по вполне обоснованной оценке Л.Е. Гришаевой, «пока редкость»³¹.

Отношения СССР и Веймарской республики, по оценке советских, российских³², нацистских³³ и немецких исследователей, хотя и были противоречивыми, но в целом вплоть до 1933 г. их можно было назвать «нормальными»³⁴. С 1933 г., когда возглавлявший национал-социалистическую рабочую партию (НСДАП)³⁵ Гитлер стал канцлером Германии, нацизм перестал выполнять лишь роль маргинального идеологического течения³⁶, получив статус государственной идеологии. Курс бескомпромиссного антикоммунизма во внешней и внутренней политике гитлеровского правительства, антисоветские выпады германских СМИ потребовали от советского руководства принятия ответных действий в области межгосударственных отношений и информационной политике³⁷.

³¹ Гришаева Л. Е. Начало и итоги Второй мировой войны: спорные вопросы // Дипломатическая служба. 2019. № 6 (87). С. 15–41.

³² Залепеев В.Н. На пути к конфронтации: 1933 год в советско-германских отношениях // Реалии и иллюзии советского общества накануне Великой отечественной войны. Материалы международного научно-практического форума. 2018. С. 168–176.

³³ Munch H. Arbeit und Brot durch Sowjetische Produktionsauftrage (1929–1932). Berlin, 1937. S. 23.

³⁴ 27 февраля 1933 г. посол Германии в СССР Г. фон Дирксен заверил зам. наркома иностранных дел Н. Крестинского, что внешняя политика в отношении СССР не изменится, и будет сохранена преемственность // Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI. С. 119.

³⁵ Нем. – Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP); далее в тексте – НСДАП.

³⁶ Nicklaus K. Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung. Eine studi uber die deutsch – sowjetischen Beziehungen der Jahre 1929 bis 1935. Bonn, 1966. S. 20.

³⁷ Именно это обусловило необходимость формирования советской пропагандой образа нацистского режима, находившегося в зависимости от развития советско-германских отношений и накала информационно-пропагандистского противостояния между СССР и нацистской Германией. Нападение Германии на СССР (22 июня 1941 г.) завершило процесс формирования пропагандистского образа нацистского режима в предвоенных условиях.

По мнению историка С.З. Случа, после прихода Гитлера к власти в Германии Сталин придерживался мнения о его ограниченной самостоятельности и недолговечности правления. Именно И.В. Сталину принадлежала, по выражению цитируемого автора, «догматическая оценка фашизма как орудия монополистического капитала»³⁸, сформулированная на XIII-м пленуме Исполкома Коминтерна. Советский вождь получал информацию о том, что представители немецкой военной элиты и дипломатии считали возможным контролировать или в определенной степени влиять на А. Гитлера и национал-социалистическую партию.

Все это наряду с поступающими от советских дипломатов из Берлина предложениями жестко ответить на выпады нацистского режима против представителей СССР, – предполагал С.З. Случ, – могло повлиять на решение И.В. Сталина о разрыве военного сотрудничества с Германией, установленного еще в период Веймара. Историк не без основания полагал, что командование рейхсвера сохраняло заинтересованность в продолжении военно-технического сотрудничества с СССР. Учитывая это, советское руководство сделало попытку использовать данный рычаг давления на правительство А. Гитлера, чтобы принудить его к возвращению к нормальным взаимоотношениям³⁹.

Тезисы С.З. Случа и солидарных с ним авторов, по мнению Б. Бонвеча и С. Кудряшова, представляют «никоим образом не обязательную модель интерпретации и побудительных мотивов Сталина»⁴⁰ во взаимоотношениях с Гитлером после прихода национал-социалистов к власти в Германии. Большая часть принимавшихся в тот период конкретных мер, – указывали названные авторы, – а также «засвидетельствованных источниками высказываний», на которые делал ссылку С.З. Случ, «вполне допускают и другую интерпретацию»⁴¹.

В качестве примера Б. Бонвеч и С. Кудряшов рассматривали причину, по которой прекратилось военное сотрудничество между СССР и Германией. Авторы считали, что к 1933 г. оно утратило конкретную ценность. После признания Англией и Францией в 1932 г. своего равноправия в вопросе о вооружениях с Германией, немцы больше не считали необходимым разработку тайных проектов вооружений за границей. Со своей стороны, СССР уже не видел особой пользы от немецкой активности. Москва не желала отягощать и без того натянутые отношения с Берлином.

Прекращение сотрудничества между СССР и Германией в военной области, – писали Б. Бонвеч и С. Кудряшов, – было осуществлено при совокупном участии Москвы и Берлина⁴². Исследователи констатировали, что не разделяют взгляды тех авторов (в первую

³⁸ Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечеств. история. 2005. № 1. С. 99. Судя по воспоминаниям П. Тольятти, именно И.В. Сталин был автором определения фашизма как открытой террористической диктатуры «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала» (Лейбзон Б.М., Шириня К.К. Поворот в политике Коминтерна (ноябрь–декабрь 1933 г.). М.: Мысль, 1975. С. 163).

³⁹ Случ С.З. Указ. соч. С. 99.

⁴⁰ Бонвеч Б., Кудряшов С. Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг.: Док. из Архива Президента России // СССР–Германия: 1933–1941. М., 2009. С. 8.

⁴¹ Там же. С. 9

⁴² Там же. С. 15.

очередь имелся в виду С.З. Случ⁴³), которые считали жалобы и протесты, подобные высказанным В.М. Молотовым в упомянутой беседе с Г. фон Дирксеном, лишь «показной» стороной политики И.В. Сталина, не говорящей ничего о его подлинных намерениях в отношении Германии. «Истинные намерения советской политики необходимо выяснять в каждой конкретной ситуации. И, к сожалению, это не всегда можно сделать со стопроцентной уверенностью», – подытожили Б. Бонвеч и С. Кудряшов⁴⁴.

По мнению Г.А. Бордюгова, ни усилия дипломатов в раскрытии фашистской опасности, ни инициативы в подписании конвенции об определении агрессора, ни установление дипломатических отношений с рядом стран, ни вступление СССР в Лигу Наций, ни «переориентация» на Францию и Польшу не смогли заслонить главного. Приоритет в стратегических интересах советского руководства в 1933–1934 гг. состоял исключительно в отстаивании *собственной* внешнеполитической позиции⁴⁵.

Анализ вопросов, выдвигавшихся на повестку дня Политбюро ЦК ВКП(б) в 1933–1934 гг., дал основание Г.А. Бордюгову сделать следующий вывод: Германия благодаря экономическим связям в 1933 г. была на первом месте в числе европейских государств, различные аспекты взаимоотношений с которыми отразились в решениях Политбюро ЦК ВКП(б). Но уже в 1934 г. эта страна, по словам Бордюгова, «практически исчезла из сферы интересов сталинской верхушки: оставался лишь экономический мост между Москвой и Берлином»⁴⁶.

Так, В.А. Невежин предпринял попытку конкретизировать представление об организационных основах советской пропаганды второй половины 1930-х – начала 1940-х гг. и показать реальную значимость задействованных в ней представителей руководящего состава и рядовых исполнителей. Историк ввел в оборот ранее неизвестные архивные документы из фондов РГАСПИ и РГАЛИ, которые позволили ему дать обобщенную картину проходившей под строгим партийным руководством пропагандистской деятельности по идеологической подготовке населения СССР к грядущей войне. В его исследованиях затрагивался и вопрос о специфике советской внешнеполитической пропаганды⁴⁷.

Это направление анализа прослеживается у А.В. Боркова⁴⁸, А.Г. Гасюка⁴⁹, С.Ю. Маркелова⁵⁰, а также в коллективном труде, посвященном механизму формирования

⁴³ Случ С.З. Указ. соч.

⁴⁴ Бонвеч Б., Кудряшов С. Указ. соч. С. 18.

⁴⁵ Бордюгов Г.А. Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства, 1933–1934 годы // Отечеств. история. 1999. № 2. С. 28–29.

⁴⁶ Там же. С. 30.

⁴⁷ Невежин В.А. Указ. соч.; Он же. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М.: Эксмо–Яуза, 2007. 320 с.

⁴⁸ Борков А.В. Создание и деятельность основных советских органов внешнеполитической пропаганды и информации (1917–1945 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 1997. 41 с.

⁴⁹ Гасюк А.Г. Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 199 с.

⁵⁰ Маркелов С.Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП(б), 1939–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 212 с.

внешнеполитических стереотипов в общественном сознании⁵¹. Данные исследования базировались на солидной источниковой базе, в которую вошли не только мемуары непосредственных участников событий, но и впервые введенные в научный оборот архивные материалы.

Историки пришли к выводу, что в 1930-е гг. в СССР возникла развернутая система внешнеполитической пропаганды, основной целью которой было формирование у широких масс картины мира (частично отражавшей реальность, а частью мифологизированной), отвечавшей конкретным, хотя и менявшимся время от времени, основополагающим целям большевистского руководства⁵². К концу 1990-х гг. были предприняты первые практические шаги по изучению данной системы, а также определению роли в этом процессе конкретных функционеров.

Одновременно развернулся процесс исследования формирования образа нацистского режима пропагандистскими средствами. Ю.В. Галактионов, как представляется, верно определил «болевые точки» в разработке данной темы. Рассуждая о характере советской пропаганды, он отмечал, что на протяжении 1933–1939 гг. «миллионы советских людей воспитывались в духе боевого антифашизма»⁵³. Однако историк подчеркивал также следующее обстоятельство: не всегда в этой пропаганде все было продуманно и «било в цель». По мнению Галактионова, «общий вектор усилий экономистов, философов, историков, юристов и т.д. был направлен на формирование в сознании людей представлений о фашизме (о нацизме главным образом) как о смертельном враге, который готовится развязать агрессивную войну, о Гитлере как о чудовищном диктаторе». В то же время историк специально акцентировал внимание на тех метаморфозах, которые произошли в советской внешней политике, пропаганде и, главное, в общественном сознании в 1939–1941 гг., когда Сталин и Гитлер пошли на сближение. Ю.В. Галактионов так оценил данный период: «Степень аберрации общественного сознания советских людей в связи с внешней политикой этих лет и нагроможденной вокруг нее ложью еще не изучена, можно лишь предположительно сказать, что она была большой». После подписания пакта Риббентропа–Молотова в советской внешней политике и пропаганде произошел «поворот на 180 градусов». Относительно этих событий историк сделал знаменательный вывод: «Очевидно, что общественное сознание развивается по своим законам, далеко не синхронно с экономикой и политикой, и оно явно не поспевало за сталинскими политическими кульбитами рубежа 1930–1940-х гг. Здесь нужны, конечно, специальные исследования...»⁵⁴.

⁵¹ Россия и Запад: Формирование внешнеполит. стереотипов в сознании рос. о-ва первой половины XX века. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1998. 335 с.

⁵² Россия и Запад ... С. 69.

⁵³ Здесь и далее ссылка дается на второе издание книги Ю.В. Галактионова, увидевшее свет после кончины автора: Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма (1920-е годы – первая половина 1990-х годов). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. С. 134–135.

⁵⁴ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 135.

Курс на сближение с нацистской Германией, выбранный И.В. Сталиным в августе 1939 г., активно внедрялся в общественное сознание советской пропагандой, был квалифицирован в исследовательской литературе как «идеологическая аномалия»⁵⁵.

В современных исследованиях присутствуют разноречивые, а порой и диаметрально противоположные оценки советско-германского сближения. Так, С.А. Миронова оценивает международную деятельность СССР в это время «как эффективную для себя, но агрессивную по отношению к странам Восточной Европы»⁵⁶. «Ошибочность сближения СССР с германским правительством» отмечают С.Ю. Каргапольцев и И.Ю. Лапина⁵⁷. Е. Панин видит исключительно германскую инициативу в деле улучшения двусторонних отношений. Сравнительно новым взглядом на этот период считается отрицание так называемого «совместного военного парада» частей Вермахта и Красной армии в Польше. Как полагает Е. Панин, парад «как такового не было»⁵⁸.

В то же время в оценках политики пропаганды взгляды историков и политологов более схожи. Заслуживает внимания попытка О.И. Григорьевой проследить процесс формирования образа нацистской Германии советской пропагандой в 1930-е – начале 1940-х гг.⁵⁹

Советское руководство не ожидало столь скорого нападения гитлеровской Германии. Поэтому перед пропагандистскими органами оно поставило задачу постепенного изменения пропагандистских установок в отношении Германии, то есть дало сигнал к разворачиванию новой политико-идеологической кампании⁶⁰.

Международные исследования активно затрагивают аспекты взаимных контактов между СССР и Германией в межвоенный период в дипломатической, политической, культурной областях. Это прежде всего сборник статей российских и немецких авторов⁶¹.

Российские историки, в отличие от своих предшественников советской поры, много сделали для выявления роли пропагандистской системы в создании представлений о нацистской Германии, акцентировав внимание на периоде действия пакта Риббентропа–Молотова.

⁵⁵ Невежин В.А. Синдром наступательной войны ... С. 52–67.

⁵⁶ Миронова С.А. Советско-германские отношения в 1940–1941 гг. // *Мировая наука*. 2020. № 9 (42). С. 98–102.

⁵⁷ Каргапольцев С.Ю., Лапина И.Ю. Советско-германские отношения в 1939–1940 гг. // *Вопросы истории*. 2020. № 6. С. 43–83.

⁵⁸ Панин Е. Спорные вопросы советско-германских отношений: 1938–1939 гг. // *Дипломатическая служба*. 2020. № 6. С. 45–51.

⁵⁹ Григорьева О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 28 с.

⁶⁰ Григорьева О.И. Указ. соч. С. 23.

⁶¹ Россия и Германия в XX веке. В 3 т. Т. 2. Бурные порывы и надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. М.: АИРО–XXI, 2010. 894 с.

Глава 2. СИСТЕМА СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В 1930-х – НАЧАЛЕ 1940-х ГОДОВ

Советская система внешнеполитической пропаганды создавалась под влиянием и для обеспечения советских интересов в международных событиях конца 1920-х – начала 1930-х гг., когда СССР после длительного периода непризнания его западными державами стал постепенно входить в систему международного сообщества⁶². Важным фактором на пути ее становления стало вступление Советского Союза в Лигу Наций после того, как из этой международной организации вышла нацистская Германия⁶³.

В августе 1930 г. в ЦК ВКП(б) было проведено совещание редакторов центральных газет по вопросу о постановке иностранной информации в печати. Это совещание оказалось знаковым событием, поскольку впервые была сформулирована проблема организации советской внешнеполитической пропаганды. Она стала рассматриваться в качестве прерогативы большевистского руководства⁶⁴.

Складывавшаяся в 1930-е годы система внешнеполитической пропаганды отличалась сложной структурой. При этом порой довольно трудно разделить в мощном пропагандистском комплексе СССР того периода органы внутренней и внешней пропаганды: между ними существовала тесная взаимосвязь. Публикации в советских газетах были рассчитаны не только на «своего», но и на зарубежного читателя, а проводившиеся пропагандистские мероприятия и акции на международной арене имели ярко выраженный идеологический подтекст⁶⁵. Всё это требовало усиления контроля над системой советской внешнеполитической пропаганды.

По решению XVII-го съезда ВКП(б) (январь 1934 г.) произошла реорганизация структуры партийного аппарата всех уровней: в ней был осуществлен переход от функционального к производственно-отраслевому принципу. Существовавшие ранее функциональные отделы культуры и пропаганды (Культпроп), агитации и массовых кампаний (Агитпроп) ликвидировались. Вместо них были образованы отраслевые отделы, и среди них – преобразованный Отдел культуры и пропаганды (Культпроп)⁶⁶. Так власть трансформировалась, превращалась из прежней двуединой (партийно-советской) в партийную, однако более сложную, многоступенчатую⁶⁷.

Новые задачи пропаганды и агитации требовали более эффективного управления. 13 мая 1935 г. постановлением ЦК ВКП(б) был реорганизован Отдел культуры и пропаганды

⁶² Белковец Л.П. Ликвидация дипломатической изоляции СССР (от признания де-факто к признанию де-юре) // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. Т. 6. № 8-1. С. 9–24.

⁶³ Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011. 608 с.

⁶⁴ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 46–47.

⁶⁵ Там же. С. 48–49.

⁶⁶ Жуков Ю.Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2003. С. 49–50.

⁶⁷ Максименков Л.В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. М.: Юрид. кн., 1997. С. 54.

(Культпроп). Он был разделен на пять самостоятельных отделов: партийной пропаганды и агитации; печати и издательств; школ; культурно-просветительной работы; науки, научно-технических изобретений и открытий.

В составе отдела печати и издательств функционировало Бюро международной информации (БМИ)⁶⁸. БМИ – засекреченная аналитическая структура ЦК ВКП(б). Первоначально подчинялось Особому сектору ЦК и было связано с внешнеполитической и военной разведкой. 16 мая 1932 г. Политбюро приняло решение о задачах Бюро международной информации.

БМИ собирало информацию по международным делам в ЦК ВКП(б) через каналы советских учреждений; извлекало ее из иностранной прессы и литературы; получало из других иностранных источников, проверяло результаты всей предыдущей работы через собственных корреспондентов. Полученные информационные материалы должны были использоваться для ежедневной информации ЦК; накапливаться для разработки в случае необходимости новых, крупных вопросов, не решаемых в данный момент; по указанию Секретариата ЦК быть информационным источником для советской прессы. Деятельность БМИ не была открытой⁶⁹. 19 мая 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) под грифом «Особая папка» приняло постановление «Об Информационном Бюро», которое теперь вошло в структуру ЦК ВКП(б)⁷⁰.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 13 мая 1935 г., Отдел печати и издательств стал выполнять три основные функции: транслировал в советскую печать партийные директивы; контролировал средства массовой информации и вел аналитическую работу по выработке новых форм, методов и приемов организации печати. Эта работа велась в 11-ти секторах, в том числе в секторах партийной печати, советской печати, печати зарубежных «братских партий», иностранной печати⁷¹. Таким образом, был установлен полный идеологический контроль над информацией, свободный оборот которой исключался.

Важной вехой развития партийной пропаганды стал выход Краткого курса Истории ВКП(б). 14 ноября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», где особое внимание уделялось изменению структуры партийного аппарата всех уровней. Путем объединения отделов партийной пропаганды и агитации, печати и издательств ЦК был создан новый Отдел пропаганды и агитации, под контроль которого попали печатные издания, в том числе произведения литературы и искусства⁷².

Централизация дела пропаганды и агитации закономерно завершилась в 1939 г., когда по решению XVIII съезда ВКП(б) 3 августа 1939 г. было учреждено Управление пропаганды

⁶⁸ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923–1939. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. С. 283.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 62.

⁷¹ Еремин С.В. Советская пресса и цензура в 20-е – 30-е годы (источниковед. аспект) // Науч. тр. Нижневарт. гос. пед. ун-та. Сер. «История». Нижневартовск, 1999. Вып. 1. С. 130.

⁷² Еремин С.В. Указ. соч. С. 99.

и агитации ЦК ВКП(б) (УПА). Оно объединило все отрасли и направления идеологической партийной работы. Новый орган контролировал выполнение СМИ и творческими союзами официальных идеологических установок⁷³, а также руководил пропагандой и агитацией, теоретической подготовкой и воспитательной работой с номенклатурой.

В структуру Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) были включены следующие отделы: марксистско-ленинской подготовки кадров, партийной пропаганды, печати, агитации и культурно-просветительских учреждений, – а в его штате насчитывалось 115 чел. Деятельность УПА ЦК ВКП(б) во внешнеполитической пропаганде ориентировалась на идеологическую, а не информационную составляющую⁷⁴. УПА ЦК ВКП(б) подчинялись отделы пропаганды и агитации, отделы печати ЦК Компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, городские и районные отделы пропаганды и агитации. Один из секретарей республиканских и местных партийных комитетов всегда занимался исключительно идеологической работой⁷⁵.

Официальным изданием и печатным органом ЦК ВКП(б)⁷⁶ была основанная в 1912 г. В.И. Лениным газета «Правда». Центральными партийно-политическими изданиями были также журналы «Партийное строительство», «Спутник агитатора», «Большевик», «В помощь марксистско-ленинскому образованию», «Большевицкая печать». Журнал «Большевицкая печать» «боролся за повышение качества советских газет и журналов с учетом опыта зарубежной печати»⁷⁷.

В марте 1919 г. был основан III (Коммунистический) Интернационал, его Исполнительный комитет (ИККИ) издавал два журнала – «Коммунистический Интернационал» (с 1929 г.) и «Под знаменем марксизма (с 1928 г.). Первый из них был оперативным печатным органом; публиковал наряду с общеполитическими статьями материалы о текущих событиях, о деятельности компартий, давал обзоры печати компартий. Второй помещал на своих страницах важнейшие материалы по теоретическим вопросам. Он выходил как двухмесячный философский и общественно-экономический журнал, печатавшийся в издательстве ЦК ВКП(б) «Правда»⁷⁸.

Журнал «Коммунистический Интернационал» как теоретический и политический орган Коминтерна по решению Президиума ИККИ выходил на русском языке два раза в месяц, а на других языках – один раз в месяц. Согласно постановлению Секретариата ИККИ от 8 февраля 1938 г., журнал выпускался в двух изданиях: заграничном и русском. Основным изданием считалось заграничное. При его редактировании следовало стремиться разъяснять

⁷³ Советская пропаганда ... С. 13.

⁷⁴ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 52.

⁷⁵ Маркелов С.Ю. Указ. соч. С. 46.

⁷⁶ 15 июня 1934 г. писатель В. Киршон в письме на имя И.В. Сталина и Л.М. Кагановича назвал ее «ЦО», то есть «Центральным органом». Сталин отреагировал немедленно. В своей записке, направленной Л.М. Кагановичу и ответственному редактору газеты Л.З. Мехлису, он уточнял: «У нас нет «ЦО партии», – у нас имеется «Орган ЦК» «Правда». Это далеко не одно и то же» // Большая цензура ... Док. № 243.

⁷⁷ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 51.

⁷⁸ Там же. С. 163.

политику и тактику Коминтерна, в которых центральное место занимала «борьба за единство рабочего класса и антифашистского народного фронта»; организовывать проработку теоретических проблем рабочего движения и марксистско-ленинское освещение важнейших политических событий и вопросов международной политики; публиковать документы Коминтерна и его секций. Заграничное издание журнала «Коммунистический Интернационал» выходило на немецком, французском, испанском и английском языках.

Русскоязычное издание редактировалось особо, причем в него входила часть статей, предназначавшихся для заграничного издания, и, кроме того, он включал разностороннюю информацию о заграничье.

25 февраля 1940 г. Секретариат ИККИ принял постановление о работе журнала «Коммунистический Интернационал», который являлся его политическим, теоретическим и директивным печатным органом. При этом русское издание журнала должно было шире знакомить читателя с проблемами международного рабочего движения, а иностранные издания – больше внимания уделять проблемам СССР, ВКП(б) и задачам социализма. Г.М. Димитров регулярно направлял И.В. Сталину наиболее важные статьи и материалы для просмотра⁷⁹.

Пропагандистские функции за рубежом, кроме УПА ЦК ВКП(б), выполнял и ряд народных комиссариатов СССР (иностранных дел, внешней торговли и т. д.). Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) координировал действия структур государственной власти в области внешней политики, что априори входило в число задач внешнеполитического ведомства.

В структуру наркомата внешней торговли входило объединение «Международная книга», которое активно использовалось при решении за границей пропагандистских задач в рамках сотрудничества в области книгообмена⁸⁰.

Народный комиссариат иностранных дел СССР НКИД играл важную роль в организации внешнеполитической пропаганды СССР в 1930-е гг.⁸¹, особенно его Отдел печати в связи с тем, что в СССР тогда не было официального органа, ведавшего международной информацией и координирующего информационную политику. Отдел печати НКИДа выполнял часть этих функций, но не мог сравниться с аналогичными иностранными аналитическими ведомствами, располагавшими аппаратом в составе нескольких тысяч человек⁸².

Отдел печати НКИДа не имел четко определенных функций, занимаясь издательской деятельностью: публикацией брошюр и книг, которые разъясняли советскую

⁷⁹ Адиебеков Г.М., Шахназаров Э.Н., Шириня К.К. Указ. соч. С. 139.

⁸⁰ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 49.

⁸¹ Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2009. С. 66.

⁸² Пальгунов Н.Г. Указ. соч. С. 229.

дипломатическую линию широкой публике. Такого рода издания имели объем не менее 100 страниц и выходили большими тиражами⁸³.

Ситуация изменилась после того, как 2 октября 1939 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об освещении в советской печати вопросов международной политики». На Отдел печати НКВД отныне возлагался контроль над иностранными отделами ТАСС, центральными газетами (кроме главного печатного органа ЦК ВКП(б) – газеты «Правда»), журналом ИККИ «Коммунистический Интернационал» и Инорадиовещанием. Отдел печати наркомата иностранных дел с этого времени по существу стал руководить печатью в области внешней политики⁸⁴.

С этого момента Отдел печати НКВД превратился в координирующий орган внешней информационно-пропагандистской политики, но действовал исключительно под контролем и по поручениям высшего партийно-государственного руководства и УПА ЦК ВКП(б)⁸⁵.

Лишь в 1934 г. (решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1934 г.) Телеграфное агентство Советского Союза, созданное по постановлению ЦИК и СНК СССР от 10 июля 1925 г., стало исполнять функции центрального информационного органа страны, получив исключительное право распространения за границей информации о СССР (редакция информации для заграницы (РИДЗ)), а в его пределах – иностранной и общесоюзной информации⁸⁶. ТАСС входил в состав Отдела печати и издательств ЦК ВКП(б) на правах самостоятельного структурного подразделения.

Будучи исполнительным звеном внешнеполитической информационно-пропагандистской системы, ТАСС занималось не только передачей, но и сбором информации за рубежом, в том числе и конфиденциальной, совмещая информационные, разведывательные и контрпропагандистские функции⁸⁷.

Информацию об СССР за рубежом также могли распространять Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и Литературное агентство, входившее в состав объединения «Международная книга».

8 августа 1925 г. по постановлению ЦИК и СНК СССР было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Учредителями общества являлись ЦИК, Народный комиссариат иностранных дел, Академия наук СССР, ВЦСПС, Народный комиссариат просвещения РСФСР, Академия художеств, Музей революции, Всесоюзная книжная палата и другие организации, а также отдельные видные представители науки и культуры. В Уставе ВОКСа его главная задача определялась следующим образом: содействие «установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза

⁸³ Дюллен С. Указ. соч. С. 76.

⁸⁴ Невежин В.А. Синдром наступательной войны ... С. 41.

⁸⁵ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 53.

⁸⁶ Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М.: Ин-т российской истории РАН, 2004. С. 66.

⁸⁷ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 61, 65.

ССР и заграницы»⁸⁸. Для этого ВОКС устанавливал контакты с различными организациями с целью обмена информацией; содействовал образованию Обществ дружбы с СССР в зарубежных странах, а также научному обмену, организации выставок и гастролей; публиковал материалы о культуре, науке, быте в СССР и передавал их за границу⁸⁹. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей наделялось правом непосредственного сношения с зарубежными организациями и частными лицами по вопросам культурных связей, имело своих представителей за рубежом. ВОКС финансировался из государственного бюджета.

В структуру ВОКС входили правление, бюро, секретариат и референтура. С 1930-х гг. начал издаваться журнал «ВОКС». Для активизации внешнеполитической пропагандистской деятельности в 1933 г. было создано Информационное бюро ВОКС.

В 1934 г. была утверждена новая структура Общества по принципам, заимствованным у Наркомата иностранных дел. Таким образом обеспечивалось сочетание функциональных и территориальных отделов. Из 5 территориальных отделов, 3 занимались решением задач советской культурной дипломатии в континентальной Европе: 1-й, 2-й, 3-й Западные. Наряду с этим начали работу функциональные отделы: печати, выставок, книгообмена, а также секретариат правления, ученый секретариат и управление делами. В октябре 1935 г. был создан протокольный отдел, ведавший приемом и обслуживанием иностранцев⁹⁰. Также в составе отдела культуры ВОКС были образованы секции. В секциях (литературной, театральной, изобразительной, кино и др.) работали на общественных началах видные советские писатели, актеры, художники. Таким образом ширилась многосторонняя деятельность, направленная на развитие культурных связей с СССР, руководство которыми стремилось замкнуть на себе ВОКС⁹¹.

В 1930-е гг. в СССР фактически была провозглашена монополия внешних культурных связей, в рамках которой ВОКС стал монополистом, выполняющим задачу внешнеполитической пропаганды за границей. Таким образом, собственно культурные связи были замещены политическими задачами⁹².

Важную роль во внешнеполитической пропаганде играло радиовещание. В СССР непрерывно росло число радиоточек. Если в 1928 г. их насчитывалось 32 тыс., то в 1941 г. – уже 5,8 млн. В пользовании граждан имелся 1 млн. радиоприемников⁹³.

Центральное радиовещание ежедневно передавало в эфир более 30-ти печатных листов текста. Преимущественно этим занимался Иностранный отдел (отдел Инорадио),

⁸⁸ Голубев А.В., Небезин В.А. ВОКС в 1930–1940-е годы // Минувшее : Ист альм. М.; СПб., 1993. Вып. 14. С. 313.

⁸⁹ Киселёва Н.В. Общество культурных связей с зарубежными странами (ВОКС) в борьбе за прорыв культурной блокады СССР // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVI Международной научной конференции: в 2 частях. 2017. С. 57–61.

⁹⁰ Голубев А.В., Небезин В.А. Указ. соч. С. 314.

⁹¹ Верченко А.Л. Роль вокс в формировании образа СССР в Дунбэе после окончания Второй мировой войны // Современные востоковедческие исследования. 2019. Т. 1. № 1. С. 50–55.

⁹² Там же. С. 315.

⁹³ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 71.

функционировавший в рамках созданного 31 января 1933 г. Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (ВРК).

Регулярное радиовещание из СССР на зарубежные страны началось в 1929 г. В 1940 г. радиовещание из Москвы шло на 13-ти языках, 31 час ежедневно. 1 мая 1933 г. вступила в строй радиостанция им. Коминтерна, которая работала на длинных волнах. 1 августа вышла в эфир коротковолновая радиостанция РВ-96. Всего накануне Великой Отечественной войны вещание на иностранных языках осуществлялось через 9 длинноволновых, 16 средневолновых и 16 коротковолновых радиостанций. К началу 1940-х гг. СССР использовал 19 радиотелеграфных и 2 радиотелефонные международные линии, соединявшие его с 15-ю иностранными государствами⁹⁴.

Структура аппарата иновещания в основном строилась по языковому принципу. Главную роль здесь играли вещательные редакции. С 1940 г. к ним стали добавляться и программные редакции («Русская редакция», «Международная группа», «Литературно-художественная группа»). В качестве дикторов, переводчиков, редакторов работали иностранные граждане (как правило, либо члены зарубежных компартий, либо политэмигранты, владевшие иностранными языками)⁹⁵.

Для ведения советской внешнеполитической пропаганды активно использовалась периодическая печать. Так, газета «Известия», орган советского правительства, также формально представала (по воле советского руководства) в глазах Запада как независимое печатное издание. Например, 11 мая 1939 г., когда в Москве начались советско-англо-французские переговоры, целью которых было достижение договоренности о военном сотрудничестве в деле предотвращения агрессии со стороны Германии, в «Известиях» была опубликована передовая статья, одна из формулировок которой фактически отрицала наличие пакта о взаимопомощи между СССР и Францией. Временный поверенный в делах Франции в Советском Союзе Ж. Пайяр обратился к наркому иностранных дел В.М. Молотову за разъяснением, поскольку к тому времени сохранял свое действие советско-французский договор о взаимной помощи, заключенный в мае 1935 г. В беседе с Пайяром Молотов пытался утверждать, что в данной формулировке «Известий» было выражено не мнение советского правительства, а мнение самой газеты. Поскольку, уверял В.М. Молотов французского дипломата, «Известия» являются органом Советов депутатов трудящихся, газету нельзя считать советским правительственным официозом⁹⁶.

Орган профессиональных союзов – газета «Труд» – в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 2 октября 1939 г. должна была использовать свой иностранный отдел для «неофициального освещения» вопросов международных отношений⁹⁷.

⁹⁴ Прохорова С.В. История и перспективы развития иновещания // Проблемы современного радиовещания. Материалы первой научно-практической конференции. М., 2015. С. 93–97.

⁹⁵ Борков А.В. Указ. соч. С. 30–31.

⁹⁶ Маркелов С.Ю. Указ. соч. С. 48.

⁹⁷ Невежин В.А. Синдром наступательной войны ... С. 197.

В 1936 г. Международное Объединение Революционных Писателей (МОРП) было преобразовано в Иностранную Комиссию Союза Советских Писателей (ИК ССП). 10 декабря 1939 г. президиум ССП утвердил Положение о ней⁹⁸. В задачи этой Комиссии, в частности, входило осуществление связи ССП с международными органами, иностранными писателями и другими деятелями культуры, а также с отдельными зарубежными писателями. Она же была призвана организовывать «в порядке гостеприимства Союза Советских писателей» приезды в СССР иностранных писателей, равно как и содействовать советским писателям в их поездках за границу»⁹⁹.

Также в «Положении...» регламентировало, что сотрудники ИК ССП осуществляли переписку, изучали литературный процесс в капиталистических странах, реферировали по этим вопросам прессу, составляли тематические досье и общие обзоры движения по странам, готовили материалы и предложения для правления ССП СССР по вопросам международного писательского движения и литературы. Они готовили и отсылали по запросам иностранных писательских организаций, периодических изданий или отдельных писателей материалы о советской литературе и о печатающихся в СССР произведениях иностранных писателей.

Когда в этом была политическая необходимость, Иностранная комиссия ССП содействовала привлечению зарубежных писателей к работе в советской прессе, а также к составлению киносценариев и театральным либретто. Она должна была организовывать вечера, посвященные творчеству иностранных писателей, литературе отдельных стран, а также литературные выставки. Наконец, в ее задачу входили сбор переводов иностранных писателей, выходящих в СССР, книг по вопросам современной иностранной литературы, произведений советских писателей о жизни за рубежом¹⁰⁰.

Органом советской внешнеполитической пропаганды являлся печатный орган Союза писателей СССР – журнал «Интернациональная литература». Он издавался на четырех языках: русском, английском, немецком и французском. В декабре 1940 г. тираж немецкого издания составлял 5500 экз., английского – 4700 экз.; французского – 2500 экз.¹⁰¹

В феврале 1941 г. было проведено объединение секретариата Иностранной Комиссии ССП и редколлегии журнала «Интернациональная литература». И в Иностранной Комиссии, и в редколлегии «Интернациональной Литературы» работали референты по иностранной прессе¹⁰².

Внешнеполитической пропагандой повседневно занимались иностранные отделы центральных газет («Труд», «За индустриализацию», «Крестьянская газета», «Гудок» и др.)¹⁰³.

В 1933 г. в связи с невозможностью распространения ее тиража в нацистской Германии прекратила существование немецкоязычная газета «Москауер рундшау». По постановлению

⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 76. Л. 64.

⁹⁹ Там же. Л. 66.

¹⁰⁰ Там же. Л. 67.

¹⁰¹ Там же. Д. 32. Л. 104.

¹⁰² Там же. Д. 76. Л. 60.

¹⁰³ Шейнис З.С. Указ. соч.; Большая цензура ... Примеч. 1. С. 475.

Политбюро от 20 января 1934 г. было решено издавать франкоязычную газету «Журналь де Моску». Руководство ею возлагалось на НКИД. Первый номер «Журналь де Моску» вышел в апреле 1934 г. общим тиражом 27000 экз.¹⁰⁴

Внешнеполитическая пропаганда подвергалась политической цензуре. Цензорские функции возлагались на образованное в июне 1922 г. декретом СНК РСФСР Главное управление по делам литературы и издательств Наркомпроса РСФСР (Главлит). Главлит осуществлял предварительный и текущий контроль над издательской деятельностью, а также ввозом поступающей из-за границы литературы.

Советская цензура отличалась развитостью как предварительного, так и последующего контроля, причем ее карательные функции имели буквальное значение. Непосредственное участие в аппарате Главлита принимали представители ГПУ/НКВД. Возникшая в Советской стране первоначально как военная, в дальнейшем цензура стала развиваться как предварительная, традиционная¹⁰⁵.

Приход к власти в Германии Гитлера заставил руководство СССР предпринять меры по укреплению обороны и безопасности государства. 15 сентября 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело проект постановления «Об усилении охраны военных тайн». Заведующий Главлитом был назначен одновременно уполномоченным СНК СССР по охране военных тайн в печати. В результате организации военной цензуры в этой части своей деятельности Главлит стал подчиняться СНК СССР¹⁰⁶.

26 февраля 1934 г. Совнарком РСФСР постановил переименовать Комитет по контролю за репертуаром в Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром (ГУРК), а так же передать его в состав Наркомпроса РСФСР. В постановлении излагались Общие положения, регламентировавшие деятельность, предметы ведения, определялись местные органы ГУРК. В его обязанности входил политико-идеологический контроль над репертуаром кино, театра, а также – над исполнением музыкальных произведений. Репертком оказался отделенным от Главлита и превратился действовавшее под непосредственным руководством Наркомпроса структурное подразделение¹⁰⁷.

17 января 1936 г. был образован Комитет по делам искусств (КДИ) при СНК СССР, в ведении которого остался Репертком. На КДИ возлагалось руководство всеми видами искусства. Ему подчинялись театры и другие зрелищные предприятия, кино- и фотоорганизации, музыкальные, художественно-живописные учреждения и т. д. Комитет по делам искусств при СНК СССР осуществлял государственный контроль над репертуаром всех театров, кино, цирков, концертных и эстрадных программ, звукозаписью, а также

¹⁰⁴ Дюллен С. Указ. соч. С. 168.

¹⁰⁵ Зеленов М.В. ЦК ВКП(б) И Главлит: октябрь 1937 – февраль 1938 г. // История книги и цензуры в России. Четвертые Блюмовские чтения. Материалы IV Международной научной конференции, посвященной памяти А. В. Блюма. науч. ред. М.В. Зеленов. 2018. С. 203–234.

¹⁰⁶ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002. С. 206.

¹⁰⁷ Нежежин В.А. «Если завтра в поход... С. 58.

контроль за зрелищными и культурными мероприятиями, организуемыми различными учреждениями¹⁰⁸.

25 сентября 1939 г. СНК СССР утвердил новое положение о Комитете по делам искусств. КДИ осуществлял организационное и идеологическое руководство всеми видами искусства в СССР, за исключением кинематографии. Помимо управленческих функций, он осуществлял и цензурные. В частности, в ведении КДИ находился контроль над зрелищами и репертуаром (театр, музыка, эстрада, цирк), зрелищной рекламой, художественно-звуковой записью, художественным радиовещанием, над произведениями живописи и скульптуры¹⁰⁹.

Таким образом, к началу 1940-х гг. в СССР сложилась разветвленная система внешнеполитической пропаганды. Для нее были характерны предельная централизация, жесткий партийно-государственный контроль и руководство всеми вопросами пропагандистской стратегии и тактики; подавление всех альтернативных информационных источников, – как внутренних, так и внешних, – а также предельная идеологизация и политизация пропаганды.

¹⁰⁸ Невежин В.А. Указ соч. С. 59.

¹⁰⁹ Горяева Т.М. Указ соч. С. 215.

Глава 3. РУКОВОДЯЩИЙ И КАДРОВЫЙ СОСТАВ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ПРОПАГАНДЫ

Личные, психологические особенности руководителей советских пропагандистских структур во многом объясняли специфику работы советских внешнеполитических пропагандистов¹¹⁰. В то же время остается актуальным определение формальных и неформальных причин снятия с должностей, а также репрессий, которые во второй половине 1930-х гг. служили способом разрешения конфликтов, возникавших на разных уровнях управления¹¹¹. Не претендуя на широкий охват всех органов советской пропаганды, попытаемся сосредоточить внимание на функционерах, решавших задачи внешнеполитической пропаганды.

Общий контроль над всеми партийными пропагандистскими органами ВКП(б) и деятельностью Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала осуществлял лично И.В. Сталин. К середине 1930-х годов установилась традиция, согласно которой именно он курировал Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б)¹¹². Также имели значение указания его ближайших соратников: М.И. Калинина, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова, выступления которых с оценкой главных событий внешней политики, транслировались по радио и перепечатывались в газетах и журналах. М.И. Калинин, занимавший с 1938 г. пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, встречался с представителями СМИ, выступал с докладами по вопросам агитации и внешнеполитической пропаганды.

После прихода В.М. Молотова к руководству Совнаркомом его место в Секретариате ЦК ВКП(б) занял Л.М. Каганович. Во время отпусков И.В. Сталина, которые он проводил преимущественно на Северном Кавказе, именно Каганович осуществлял общее руководство работой Политбюро: председательствовал на его заседаниях и в многочисленных комиссиях высшего партийного органа¹¹³. Он был прямо причастен к рассмотрению и решению от имени Политбюро ЦК ВКП(б) важнейших вопросов, в том числе – внешнеполитических. Согласно постановлению Секретариата от 17 января 1934 г., прием и увольнение всех без исключения работников аппарата ЦК ВКП(б) должны были производиться лишь с утверждения Л.М. Кагановича или И.В. Сталина¹¹⁴.

XVII съезд ВКП(б) принял решение о реорганизации структуры партийного аппарата всех уровней и о переходе в ней к производственно-отраслевому принципу с максимальным использованием коммунистов, причем не только тех, у кого были «прошлые заслуги», но и

¹¹⁰ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 50.

¹¹¹ Бонюшкина Л.Е. Опыт изучения становления профессиональной советской элиты (СНК 1937–1941 гг.) // Мир России. 1995. № 3-4. С. 108.

¹¹² Максименков Л. Указ. соч. С. 52–53.

¹¹³ Сталин и Каганович ... С. 5.

¹¹⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 195–196.

имевших высшее образование¹¹⁵. Согласно постановлению от 13 мая 1935 г. «О реорганизации Культпропа ЦК ВКП(б)», вновь созданный Отдел пропаганды и агитации возглавил А.И. Стецкий. 10 февраля 1934 г. он был избран членом Оргбюро ЦК. Одним из следствий процесса перераспределения власти, который начался после XVII съезда ВКП(б), стало выделение тех функционеров, которые имели возможность «выходить» непосредственно на И.В. Сталина. Одним из них оказался А.И. Стецкий¹¹⁶

Отдел печати и издательств ЦК возглавил Б.М. Таль, который стремился систематизировать внешнеполитическую пропаганду¹¹⁷. С 1933 г. он стал ответственным редактором газеты «За индустриализацию».

Каждый из секторов Отдела печати и издательств ЦК ВКП(б) помимо постоянных штатных сотрудников располагал большим количеством нештатных специалистов из числа руководящих работников различных центральных учреждений и организаций. К решению задач внешнеполитической пропаганды привлекались, в частности, представители Коммунистической академии, Института красной профессуры, Коминтерна, редакций центральных органов печати, Государственного издательства, военного ведомства, отдела печати Народного комиссариата иностранных дел СССР и других организаций и учреждений¹¹⁸.

В 1932–1936 гг. заведующим Бюро международной информации был К.Б. Радек (1885–1939), который считался непревзойденным коммунистическим журналистом. Он активно сотрудничал с редакциями центральных газет и журналов, по поручению И.В. Сталина писал статьи на самые злободневные темы, связанные с текущими международными событиями¹¹⁹.

В августе 1935 г. на VII Конгрессе Коминтерна был избран новый состав Президиума и Секретариата ИККИ. Генеральным секретарем ИККИ стал Г.М. Димитров (1882–1949), который с февраля 1934 г. жил в СССР. На посту Генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитров находился вплоть до его роспуска в 1943 г. В Секретариат ИККИ также были переизбраны член ЦК ВКП(б) Д.З. Мануильский (1883–1959) и О.В. Куусинен (1881–1964). И.В. Сталину принадлежала решающая роль в реализации установок VII Конгресса Коминтерна, направленных на перестройку аппарата ИККИ. Большое значение имело и то, что была создана новая структура руководящих органов Коминтерна во главе с Генеральным секретарем и секретарями ИККИ, которая обладала доверием со стороны Сталина¹²⁰.

В 1930-е годы советские дипломаты играли важную роль в системе внешнеполитической пропаганды. Пост Народного комиссара иностранных дел СССР в 1930–1939 гг. занимал М.М. Литвинов (1876–1951). В период с февраля 1934 по февраль 1941 гг. Литвинов был членом ЦК ВКП(б). Принадлежность к кругу соратников

¹¹⁵ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 49.

¹¹⁶ Там же. С. 129.

¹¹⁷ Максименков Л.В. Указ. соч. С. 55.

¹¹⁸ Дюллен С. Указ. соч. С. 9.

¹¹⁹ Большая цензура ... С. 276, 288–289, 294–295, 372–373.

¹²⁰ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.И., Шириян К.К. Указ. соч. С. 181.

М.М. Литвинова по Народному комиссариату иностранных дел определялась, во-первых, дружескими отношениями, завязанными еще в дореволюционный период, которые облегчали совместную работу, а, во-вторых, – профессиональной компетентностью, особенно знанием иностранных языков¹²¹.

Опираясь на решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 августа 1933 г. о ликвидации коллегий в наркоматах, М.М. Литвинов добился освобождения от должностей двух своих заместителей – Г.Я. Сокольников и Л.М. Карахана. Одновременно он сумел завершить важную смену полпредов в ключевых для создания Восточного блока государствах. По его инициативе полпредами были назначены: в Берлин – Я.З. Суриц, в Варшаву – Я.Х. Давтян, в Прагу – С.С. Александровский, в Париж – В.П. Потемкин¹²². 10 мая 1934 г. первым заместителем М.М. Литвинова был утвержден Н.Н. Крестинский (1883–1938), а вторым – Б.С. Стомоняков (1882–1941).

Н.Н. Крестинский происходил из семьи учителя. Член большевистской партии с 1903 г. Высшее образование получил на юридическом факультете Петербургского университета (1907). В 1921–1927 гг. – полпред в Германии, участник «новой оппозиции». С 1930 г. – заместитель народного комиссара иностранных дел СССР. Б.С. Стомоняков являлся членом РСДРП (большевик). В 1920–1925 гг. работал торгпредом в Берлине¹²³. Таким образом, оба первых заместителя народного комиссара иностранных дел имели опыт дипломатической работы в Германии 1920-х годов.

Заместители М.М. Литвинова обладали широкими полномочиями. Так, на Н.Н. Крестинского возлагались контакты с партийным и государственным руководством СССР, а также с разведывательными службами в Москве. Он ведал кадровой политикой НКИДа, которая определялась совместно с Оргбюро ЦК ВКП(б), и отвечал за бюджет своего наркомата. Крестинский также обеспечивал контакты с Отделом международных связей Коминтерна. В его ведение входили консульские вопросы, строго контролировавшиеся иностранным отделом ОГПУ–НКВД СССР. Вместе с заведовавшим в 1932–1936 гг. 2-м западным отделом НКИДа Д.Г. Штерном Н.Н.Крестинский осуществлял регулярную переписку с советскими полпредами в Берлине – Л.М. Хинчуком и Я.З. Сурицем¹²⁴.

Профессиональный опыт и навыки при подборе своих сотрудников М.М. Литвинов ставил превыше всего. Знание иностранных языков для них считалось преимуществом, причем два языка (чаще всего – французский и немецкий) были минимумом¹²⁵.

В ноябре 1934 г. при НКИДе был создан Институт по подготовке дипломатических и консульских работников. Слушатели Института в течение трехмесячного срока обучения получали знания по истории, географии, праву, социологии¹²⁶.

¹²¹ Дюллен С. Указ. соч. С. 60.

¹²² Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 77.

¹²³ Пашева И.И. Биография и основные направления деятельности Н.Н. Крестинского на министерском посту // Качество в производственных и социально-экономических системах. сборник научных трудов 7-й Международной научно-технической конференции. 2019. С. 44–46.

¹²⁴ Дюллен С. Указ. соч. С. 68–69.

¹²⁵ Там же. С. 57, 62.

В 1936 г. в штате НКВД состояло около 1000 сотрудников, из которых 60% постоянно находились за границей. Это была своеобразная элита, сохранившая черты и свойства революционного авангарда царских времен. В то же время ее представители обладали рядом особенностей, характерных для «буржуазных специалистов».

К этому времени в НКВД СССР существовало два поколения дипломатов. Представители первого начали свою карьеру в период НЭПа. Эта генерация составляла около 1/3 руководящих постов в советских полпредствах в европейских странах. Молодое поколение, как правило, обладало стажем работы менее пяти лет. Они сделали первые шаги на дипломатическом поприще под руководством М.М. Литвинова, занимая половину ответственных должностей в наркомате и способствуя формированию образа новой администрации. В ее составе преобладали 35–45-ти летние. 60% сотрудников НКВДа имели высшее образование¹²⁷.

В полпредствах СССР за рубежом был установлен строгий иерархический принцип организации работы аппарата. Главенство политического представителя над всеми остальными советскими ответственными лицами, работавшими под его началом, было закреплено юридически. В случае нарушения правила иерархии полпред имел право обращаться с жалобой в Центральную Контрольную комиссию¹²⁸.

Советские дипломаты жили и действовали в атмосфере жестких ограничений под многоуровневым партийно-идеологическим контролем. В наркомате и в полпредствах партийные активисты следили за словами и делами своих начальников. Идеологические работники ЦК ВКП(б) чутко реагировали на кампании, которые проводились дипломатами с целью разъяснения основных вопросов внешней политики гражданам СССР. Наконец, рядовые и руководящие члены Коминтерна в Европе отслеживали выступления и разговоры дипломатов и порой выступали с их критикой¹²⁹. Следует помнить и об особой роли НКВД СССР, неустанно надзиравшего за советскими дипломатическими сотрудниками в условиях обострения международной обстановки и нагнетания ксенофобии в общественном сознании граждан СССР, оказавшихся в «капиталистическом окружении».

В 1931–1935 гг. заместителем заведующего, а затем заведующим Отделом печати НКВД был К.У. Уманский. Его заменил Е.А. Гнедин. Гнедин родился в Дрездене (Германия) в семье деятеля российской и германской социал-демократии А. Парвуса. В раннем детстве вместе с матерью переехал в Россию. В 1920-е гг. работал в центральном аппарате НКВД референтом по Германии, занимаясь одновременно журналистикой. В 1931–1935 гг. сотрудничал с газетой «Известия», приобрел известность как один из ведущих журналистов-международников. С февраля 1935 по 1937 гг. Е.А. Гнедин – первый секретарь советского полпредства в Берлине. В его ведение первоначально входили только вопросы, связанные с деятельностью прессы. Однако позднее круг деятельности расширился, и ему даже

¹²⁶ Там же.. С. 58.

¹²⁷ Там же. С. 54–57.

¹²⁸ Там же. С. 69.

¹²⁹ Там же. С. 71.

приходилось недолго заменять временного поверенного в делах СССР в Германии¹³⁰. С июля 1937 по май 1939 гг. Е.А. Гнедин занимал должность заведующего Отделом печати НКВД.

В 1925–1937 гг. ответственным руководителем Телеграфного Агентства при СНК СССР являлся Я.Г. Долецкий. В одной из телеграмм, направленных И.В. Сталиным на имя Л.М. Кагановича из Сочи в августе 1936 г., утверждалось: «ТАСС – дело большое, а оно засорено всякой мелкобуржуазной тварью»¹³¹. Данное послание Сталина было связано с обсуждением вопроса о назначении заместителя ответственного руководителя ТАСС. На эту должность выдвигался Я.С. Хавинсон¹³², который в 1932–1934 гг. работал заместителем заведующего Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б). В 1934–1936 гг. он занимал должность заведующего Отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома и обкома ВКП(б).

И.В. Сталин видел на посту первого заместителя ответственного руководителя ТАСС «человека более крупного», «владеющего языками, способного вычистить из ТАСС всю мерзость и органически связанного с «Правдой»». В данной связи генсек предложил кандидатуру Б.Д. Михайлова, который с июня 1936 г. работал заведующим иностранным отделом газеты «Правда». «Надо бы, – подчеркивал Сталин в телеграмме на имя Л.М. Кагановича от 24 августа 1936 г., – дать человека вроде Михайлова плюс два-три Хавинсонов»¹³³.

В начале ноября 1936 г. в высшей партийной инстанции вновь был поставлен на повестку дня вопрос о состоянии кадров ТАССа. В своем письме от 3 ноября на имя И.В. Сталина и секретарей ЦК КП(б) Б.М. Таль вносил следующее предложение: поручить возглавлявшемуся им Отделу печати и издательств совместно с Организационно-издательским отделом ЦК в течение месяца подобрать 35–40 кандидатур работников для укрепления центрального аппарата Информационного Агентства Советского Союза и его зарубежных отделений. 22 ноября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О работе ТАСС», текст которого являлся по содержанию ответом на запрос Таля¹³⁴.

В представлении И.В. Сталина, его ближайших соратников все имевшие контакты с зарубежным миром люди превращались (независимо от их воли) в потенциальных предателей. Так, на встрече с руководством Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР в марте 1935 г. Н.И. Ежов заявил, что «не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей»¹³⁵. Тенденция недоверия в отношении ответственных редакторов советских газет, бывших в эмиграции, постепенно стала проявляться и на практике. Ситуация усугублялась тем, что в дело, причем довольно грубо, вмешивались органы НКВД.

¹³⁰ Гнедин Е. Указ. соч. С. 375–376.

¹³¹ Сталин и Каганович ... Док. № 767.

¹³² Там же. Док. № 766.

¹³³ Сталин и Каганович ... Док. № 767.

¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1128. Л. 166.

¹³⁵ Соловьев А.Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) / публ. подгот.: Н. Зелов, С. Вакунов, Н. Тесемникова // Неизвестная Россия. XX век: архивы, письма, мемуары. М., 1993. Вып. 4. С. 178.

К этому времени влияние НКИДа было ограничено существованием других организаций, также имевших отношение к внешнеполитической пропаганде и защищавших свои собственные интересы. Однако у дипломатов еще был силен собственный «корпоративный дух». Одним из последствий корпоративной сплоченности сотрудников наркомата иностранных дел являлось соперничество с другими ведомствами, которым управляли, порой поощряя его, выступавшие в роли арбитров высшие властные инстанции¹³⁶.

¹³⁶ Дюллен С. Указ. соч. С. 11.

Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ОРГАНАХ ПРОПАГАНДЫ

Существенный урон кадровому составу органов советской внешнеполитической пропаганды нанесли репрессии. В результате которых были физически уничтожены либо оказались в заключении представители руководящего состава и рядовые сотрудники, значительно снизился общий профессиональный уровень пришедших им на замену кадров.

Репрессии в системе внешнеполитической пропаганды развернулись в 1936 г. и продолжались до конца 1939 г.

Большие потери понес Коминтерн. Только в январе-сентябре 1937 г. из состава сотрудников Коминтерна выбыло 256 человек, то есть половина от общей его численности. Многие из них были арестованы. Так, аресту подверглись свыше 40 сотрудников аппаратов секретарей ИККИ. 34 человека было арестовано в Отделе международной связи (ОМС), 6 человек – в Отделе пропаганды и массовых организаций, 5 человек – в редакции журнала «Коммунистический Интернационал». Среди арестованных оказалась даже А. Куусинен – жена секретаря и члена Президиума ИККИ О. Куусинена¹³⁷. Исследователи не исключают, что при помощи репрессий сталинское руководство планировало широкомасштабное уничтожение (в физическом смысле) Коминтерна и в целом коммунистической эмиграции в СССР¹³⁸.

Центральной составной частью политических репрессий в сфере внешнеполитической пропаганды была кампания по дискредитации и физическому уничтожению старых большевиков: Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и Н.И. Бухарина.

Г.Е. Зиновьев, ранее состоявший членом редколлегии журнала «Большевик», был арестован 16 декабря 1934 г. 16 января 1936 г. на открытом судебном процессе по делу так называемого «Московского центра» был приговорен к 10-ти годам тюремного заключения. В августе 1936 г. Г.Е. Зиновьев оказался одним из фигурантов открытого политического процесса по делу так называемого «Анτισоветского троцкистско-зиновьевского центра», был приговорен к высшей мере наказания и 25 августа 1936 г. расстрелян. Такая же трагическая судьба постигла другого сталинского политического оппонента – Л.Б. Каменева. Он был признан виновным на процессе 1936 г. и расстрелян в один день с Г.Е. Зиновьевым.

31 августа 1936 г. в телеграмме на имя Л.М. Кагановича из Сочи И.В. Сталин предложил отдать газету «Журналь де Москоу» «под ответственность Бухарина и Радека»¹³⁹. Однако, как оказалось, оба эти функционера, непосредственно причастные к журналистской деятельности в области внешнеполитической пропаганды, уже были избраны жертвами сталинской «чистки».

¹³⁷ Пантелеев М.М. Репрессии в Коминтерне (1937–1938 гг.) // Отечеств. история. 1996. № 6. С. 161–162.

¹³⁸ Studer B., Unfried B. Der stalinistische Parteikader: Identitätsstiftende Praktiken und Diskurse in der Sowjetunion der Dreissiger Jahre. Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 83.

¹³⁹ Сталин и Каганович ... Док. № 618.

Вначале был арестован К.Б. Радек. К моменту его ареста Бюро международной информации ЦК ВКП(б), созданное, по мнению историка Ю.Н. Жукова, «для сохранения и поддержания» былой роли Радека в партии, доживало «свои последние дни»¹⁴⁰. 20 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О Радеке». Он был освобожден от должности заведующего БМИ. Временно наблюдение за работой Бюро международной информации было возложено на Б.М. Талья¹⁴¹.

Затем наступила очередь ответственного редактора газеты «Известия» Н.И. Бухарина, который занимал эту должность с 20 февраля 1934 г. 11 августа 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) своим решением утвердило новые кадровые назначения в газете. Первым заместителем ответственного редактора «Известий» был назначен Б.М. Таль, вторым заместителем оставался Я.Г. Селих. Коллегиальная система руководства газетой была ликвидирована. Политбюро предписывало «привести в порядок аппарат «Известий», в частности, секретарский аппарат «Известий»»¹⁴².

Кульминацией кампании, направленной уже непосредственно против Н.И. Бухарина, – последнего видного сталинского политического оппонента, задействованного в системе внешнеполитической пропаганды, – стало решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Об «Известиях» ЦИК СССР» от 16 января 1937 г. Согласно этому решению, Н.И. Бухарин был освобожден от обязанностей ответственного редактора советского печатного официоза. Принималась коллегиальная форма редактирования газеты «Известия»: она стала выпускаться за подписью «редакционная коллегия». Б.М. Талю было предложено представить на утверждение ЦК ВКП(б) новый редакционный состав и доложить о результате¹⁴³. Однако выполнить данное задание Б.М. Талю так и не удалось.

27 февраля 1937 г. на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) было принято решение исключить Н.И. Бухарина из состава кандидатов в члены ЦК и из большевистской партии. Вслед за этим Бухарин был незамедлительно арестован¹⁴⁴.

Репрессии в НКВДе проходили в несколько этапов. Первый – 1936–1938 гг. – был связан с открытыми политическими судебными процессами. После ареста Н.Н. Крестинского летом 1937 г. в наркомате иностранных дел развернулась по-настоящему масштабная «чистка» руководящего состава. В сентябре 1937 г. был арестован полпред СССР в Германии К.К. Юренев (1888–1938), вслед за ним – работавший с 1933 г. советником полпредства СССР в Германии С.А. Бессонов (1892–1941).

Е.А. Гнедин, назначенный в июле 1937 г. заведующим Отделом печати НКВДа, в первый же день прихода на службу заметил «следы опустошения» в стенах наркомата. Буквально все руководящие работники Отдела печати были арестованы. Когда Гнедин принял этот отдел, он застал там группу молодых сотрудников, окончивших или

¹⁴⁰ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 268.

¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1123. Л. 33.

¹⁴² Там же. Оп. 163. Д. 1118. Л. 78.

¹⁴³ Там же. Оп. 3. Д. 983. Л. 31.

¹⁴⁴ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 342–343.

заканчивавших Институт по подготовке дипломатических и консульских работников: «Эти молодые люди травили и выживали старых работников в надежде занять их места. Они строчили доносы и ораторствовали на собраниях»¹⁴⁵.

Очередная волна арестов сотрудников НКВД последовала во второй половине 1938 г. и достигла своего пика, когда М.М. Литвинова освободили от должности наркома (3 мая 1939 г.). На сей раз репрессии обрушились на головы ближайших соратников Литвинова: Б.С. Стомонякова, Е.А. Гнедина и многих других.

По воспоминаниям Л. Бать, сотрудницы «Журналь де Моску», во второй половине 1930-х гг. в газете сменилось несколько главных редакторов: «Международники крупного масштаба, назначавшиеся на эту должность, долго на ней не задерживались, почти все они подвергались репрессиям. «Журналь де Моску» был своего рода последним этапом их жизни на воле...»¹⁴⁶.

В сентябре 1936 г. освободили от должности и арестовали ответственного редактора «Журналь де Моску» С.А. Раевского. Ему на смену пришел писатель и журналист В.П. Кин (Суровикин) (1903–1938), до этого в 1931–1936 гг. занимавший должности корреспондента ТАСС в Риме и в Париже. Работавший вместе с ним во Франции М. Чарный впоследствии вспоминал, что ко времени возвращения в Москву из длительной зарубежной командировки Кин оказался «таким знатоком международных дел, настолько хорошо усвоил Францию и французский язык, что вскоре был назначен ответственным редактором «Журналь де Моску»»¹⁴⁷. Однако и В. Кин пал жертвой политических репрессий.

Судьбу С.А. Раевского и В. Кина в 1936–1937 гг. разделили другие журналисты-международники: Д.П. Бухарцев (с мая 1934 г. – корреспондент «Известий» в Берлине); В.А. Лосьев (с июня 1935 г. заведовал иностранным отделом «Труда»), Т.П. Танин-Каплан (заведующий иностранным отделом газеты «За индустриализацию»), Н.И. Гайснер (заведующий иностранным отделом газеты «Гудок»)¹⁴⁸. Из Берлина в Москву был отозван заведующий отделением ТАСС И.К. Ситковский. В течение некоторого времени Ситковский работал заведующим редакцией журнала «Народное творчество», был репрессирован в 1938 г.

В 1930-е годы дважды поменялось руководство Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. В 1934–1937 гг. во главе правления Общества стоял большевик «ленинского призыва» А.Я. Аросев. Аросев обучался на философско-филологическом факультете Льежского университета (Бельгия), владел в совершенстве несколькими иностранными языками, был полпредом СССР в Литве (1927–1929) и в Чехословакии (1929–1933). Дипломатический опыт оказался для него полезным в период руководства ВОКСом.

¹⁴⁵ Гнедин Е.А. Указ. соч. С. 380.

¹⁴⁶ Бать Л. В трудный год // Всегда по эту сторону: Воспоминания о В. Кине. М., 1966. С. 232.

¹⁴⁷ Чарный М. Виктор Кин в Париже // Всегда по эту сторону: Воспоминания о В. Кине. М., 1966. С. 226.

¹⁴⁸ Большая цензура ... С. 475.

А.Я. Аросев стал инициатором структурной перестройки Общества, которая была произведена в 1934 г. В мае 1937 г. Аросев предложил пересмотреть устав ВОКСа, намеревался провести новую крупную реорганизацию и сменить само название Общества. Однако реализовать эти планы ему было не суждено: он стал жертвой репрессий. Вслед за арестом А.Я. Аросева подверглись политической «чистке» его бывшие подчиненные. В октябре 1937 г. в качестве первоочередной задачи Общества была выдвинута «ликвидация последствий аросевщины»¹⁴⁹.

Политические репрессии 1937–1938 гг. усугубили и без того критическую ситуацию с кадровым составом органов цензуры. За три месяца 1937 г. из центрального аппарата Главлита было уволено 11 человек, в том числе – первый заместитель начальника и заведующий Отделом военной цензуры. В целом же «под нажимом» Отдела печати ЦК ВКП(б) центральный аппарат цензурного ведомства лишился 60-ти человек, из которых 17 исключили из рядов ВКП(б). Из 19-и представленных на утверждение ЦК кандидатур цензоров центральных газет почти половину составляли «политически сомнительные люди»¹⁵⁰.

После репрессий 1937–1938 гг., которые только в центральном аппарате Главлита затронули треть сотрудников «качественный состав работников цензуры был значительно укреплен» (как утверждал новый начальник Главлита Н.Г. Садчиков)¹⁵¹. Однако на практике наблюдалась совершенно другая тенденция. В 1938 г. 75,7% сотрудников Главлита имели среднее и высшее образование; в 1939 г. – 73%; в 1940 г. – лишь 55%. При этом 60% работников цензуры обладали стажем работы до 1 года, и только 12% работали в цензуре более трех лет.

Неудивительно поэтому, что имели место такие казусы, как, например, предложение одного из районных цензоров г. Ворошиловска об изъятии из местного музея бюста Аристотеля. В Московской области произошел курьезный случай, когда на радио запретили трансляцию произведений композитора Шуберта на том основании, что «автор райлиту неизвестен, а он может быть троцкист»¹⁵².

Сталинские выдвиженцы, стремясь выделиться на фоне остальных, особенно активно вели себя на волне политических репрессий, демонстрируя преданность вождю практическими действиями по «выкорчевыванию» политических «неблагонадежных». Особенно таким поведением отличился Л.З. Мехлис. 4 сентября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) без всякой мотивации освободило М.Б. Таля от заведования Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б), оставив его «в распоряжении ЦК». На эту должность и был назначен ответственный редактор газеты «Правда» (занимал этот пост с 1931 г.) Л.З. Мехлис¹⁵³.

¹⁴⁹ Голубев А.В., Невежин В.А. Указ. соч. С. 315.

¹⁵⁰ Невежин В.А. «Если завтра в поход...». С. 76.

¹⁵¹ Так же. С. 77.

¹⁵² Невежин В.А. Синдром наступательной войны ... С. 45.

¹⁵³ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 470.

В январе 1936 г. Мехлис в «покаянном письме» на имя И.В. Сталина сообщал: «Руководить приходится в обстановке, когда нет секретаря редакции, нет утвержденного зама...»¹⁵⁴. В этом же письме он самокритично признавал: «Не может руководить «Правдой» человек, который нездоров и пребывает в вечном недосыпании, отстаёт от жизни, не следит за экономической и художественной литературой, не бывает в театре»¹⁵⁵.

Однако уже в 1937 г. Л.З. Мехлис благодаря своей энергии и целеустремленности оказался «на хорошем счету» у И.В. Сталина¹⁵⁶. На посту ответственного редактора «Правды» он приобрел опыт идеологической работы. Ему удалось привлечь к сотрудничеству в газете известных писателей и публицистов. В марте 1938 г. Л.З. Мехлис вошел в состав Оргбюро ЦК ВКП(б), став заведующим Отдела печати.

Сразу после своего назначения заведующим Отделом печати ЦК ВКП(б) Мехлис с особым рвением обрушился на аппарат газеты «Известия». 17 декабря 1937 г. на основании его докладной записки Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О засоренности аппарата «Известий»». Из этого документа следовало, в частности, что в течение ряда лет советский официоз служил «объектом троцкистско-бухаринского вредительства» и до конца еще «не очищен от радековско-бухаринских и талевских корешков». В результате было снято с работы несколько членов редколлегии газеты «Известия»¹⁵⁷.

В записке Л.З. Мехлиса, датированной октябрем 1937 г., подчеркивалось, что «кадры газетной цензуры засорены политически ненадежными людьми». В частности, один из цензоров иностранных газет владел 9-ю иностранными языками, до 1927 г. посетил Литву, Германию, Англию, и уже поэтому якобы нуждался «в серьезной проверке»¹⁵⁸. Также Мехлис был лично причастен к репрессиям в аппарате органов цензуры. Именно с его «подачи» подвергся аресту как политически «неблагонадежный» начальник Главлита С.Б. Ингулов.

Доносы и подобные методы карьерного роста, которые использовали Л.З. Мехлис, А.Е. Никитин и некоторые другие сталинские выдвиженцы в деле «устранения» своих оппонентов, оказывались весьма эффективными. С их помощью порой весьма болезненным способом также «гасились» межличностные конфликты, которые иногда достигали «уровня номенклатурной истерики»¹⁵⁹. Подобного рода конфликты не миновали, например, руководство ТАСС.

В воспоминаниях сотрудников ТАСС, опубликованных в период «перестройки», можно обнаружить идеальные портреты двух его руководителей – Я.Г. Долецкого и Я.С. Хавинсона, представлявших различные поколения номенклатуры советской внешнеполитической пропаганды. По мемуарам ветерана ТАСС И.М. Лапицкого,

¹⁵⁴ Большая цензура ... Док. № 301.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Юрганов А.Л. Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 200–221.

¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1178. Л. 62.

¹⁵⁸ История советской политической цензуры. С. 68–69.

¹⁵⁹ Кремлевский кинотеатр, 1928–1953. С. 44.

Я.Г. Долецкий «олицетворял дореволюционную партийную гвардию, поскольку состоял в РСДРП с 1904 года». Это был настоящий профессиональный революционер: за революционную деятельность его сослали в Сибирь; он «работал в польских и русских социал-демократических организациях за границей, в 1917 г. был членом Петербургского комитета большевиков, а затем – его Исполнительной комиссии». На смену Я.Г. Долецкому пришел Я.С. Хавинсон – «энергичный человек, проработавший до этого много лет в органах партийной пропаганды». По словам И.М. Лапицкого, Хавинсон «был хорошим оратором, умел убеждать и увлекать своими идеями аудиторию»¹⁶⁰.

Мемуарист, вероятно, не знал, что Я.Г. Долецкий в письме на имя Сталина от 10 февраля 1937 г. обвинял своего заместителя Я.С. Хавинсона в том, что тот «ненормальный либо психически больной». Из-за «сумасшедших и сумасбродных действий Хавинсона» Долецкий, по его словам, не мог «оставаться ни одного дня на работе вместе с полусумасшедшим (это самая легкая характеристика)»¹⁶¹. В свою очередь, Я.С. Хавинсон в уже упоминавшейся докладной записке на имя вождя от 19 июня 1937 г. уверял, что именно в результате «деятельности Долецкого корреспондентская сеть ТАСС за границей находится в исключительно тяжелом положении»¹⁶². В конечном счете Я.С. Хавинсону удалось добиться ареста Я.Г. Долецкого и занять его руководящее место. 4 декабря 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило Хавинсона ответственным руководителем ТАСС¹⁶³.

В конце 1930-х годов в результате политических репрессий был освобожден путь к партийному и государственному руководству политико-идеологической сферой новым сталинским выдвиженцам. Особенно удачно на этом поприще продвинулись А.А. Жданов и А.С. Щербаков.

А.А. Жданов был заметной фигурой в системе руководства политико-пропагандистской деятельностью в СССР. После гибели С.М. Кирова в 1934 г. Жданов стал секретарем ЦК ВКП(б), одновременно – секретарем Ленинградского городского и областного комитетов партии. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1935 г., а с марта 1939 г. – член ЦК ВКП(б)¹⁶⁴.

А.А. Жданов играл важную роль в организации советской внешнеполитической пропаганды. Он контролировал связи между ТАСС и зарубежными информационными агентствами, следил за подготовкой антифашистских конгрессов деятелями культуры, за выработкой правил, которые регламентировали выступления в прессе и устанавливали, как давать интервью советским гражданам за рубежом. Деятельность по цензурному надзору и контролю над советской периодической печатью, в том числе, находившейся в ведении

¹⁶⁰ Лапицкий И.М. Указ. соч. С. 91, 94.

¹⁶¹ Кремлевский кинотеатр, 1928–1953. С. 44.

¹⁶² Большая цензура ... Док. № 340.

¹⁶³ Невежин В.А. Синдром наступательной войны ... С. 39.

¹⁶⁴ Вольнец А. Н. Жданов. ЖЗЛ. Вып. 1636 (1436). М.: Молодая гвардия, 2013. 618 с.

Коминтерна, все более сосредоточивалась в руках Жданова. Так, в апреле 1938 г. именно к нему поступала вся информация о малейших ошибках газеты «Журналь де Моску»¹⁶⁵.

А.С. Щербаков начал работать в аппарате ЦК ВКП(б) в 1932 г. Он обучался в Коммунистическом университете им. Свердлова, а также окончил полный курс обучения в Институте красной профессуры (ИКП). После расформирования Агитпропа Щербаков в 1935–1936 гг. возглавлял Отдел культурно-просветительной работы ЦК ВКП(б). В 1938 г. он был избран Первым секретарем Московского городского и областного комитетов ВКП(б).

В августе 1939 г. А.А. Жданов возглавил Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Таким образом, он получил возможность осуществлять полный контроль над всей партийно-идеологической сферой. С марта 1939 г. А.С. Щербаков – член ЦК ВКП(б), с 21 февраля 1941 – кандидат в члены Политбюро, с 4 мая 1941 – секретарь ЦК ВКП(б). 6 сентября 1940 г. по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) на А.А. Жданова было возложено общее наблюдение за работой Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), начальником которого был назначен Г.Ф. Александров. Он закончил Историко-философский литературный институт (ИФЛИ), затем учился в Институте красной профессуры, в Коммунистическом университете преподавателей общественных наук (КУПОН), возглавлял Редакционно-издательский отдел ИККИ. С образованием УПА ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров стал заместителем начальника отдела, а затем заведовал Отделом партийной пропаганды. В феврале 1941 г. на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) Г.Ф. Александрова избрали кандидатом в члены ЦК¹⁶⁶.

В 1939–1940 гг. заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (руководителем группы печати) был П.Н. Поспелов, член ЦК ВКП(б) с 1939 г. В 1940 г. П.Н. Поспелов был назначен ответственным редактором газеты «Правда».

Кадровые перестановки в годы политических репрессий привели на должность ответственного руководителя Телеграфного Агентства при СНК СССР (штат 761 человек) Я.С. Хавинсона¹⁶⁷. Низкий уровень подготовки отрицательно влиял на «период освоения» обстановки (промежуток времени со дня приезда корреспондента в назначенный пункт до дня передачи им информации) выезжавших для журналистской работы за границу. Этот период продолжался порой несколько месяцев. Между тем многие корреспонденты до отправления за границу в течение длительного времени «находились в резерве центрального аппарата ТАСС, и могли бы за это время быть хорошо подготовлены при условии соответствующей организации этого дела»¹⁶⁸.

Я.С. Хавинсон слабо готовил и инструктировал журналистов перед зарубежными командировками. В результате некоторые из них «допускали крупные политические ошибки – давали интервью иностранным корреспондентам о политике Советского Союза и выражали

¹⁶⁵ Дюллен С. Указ. соч. С. 218.

¹⁶⁶ Шарапов Ю.П. Лицей в Сокольниках: Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (1931–1941 гг.). М.: АИРО–XXI, 1995. С. 122–124.

¹⁶⁷ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 65.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 57. Л. 38–39.

«особое мнение» по ряду политических вопросов». Эти высказывания немедленно появлялись в иностранной печати, где «всячески извращались и преподносились как заявления официальных представителей»¹⁶⁹.

В 1936 г., после отъезда в СССР В.Н. Кина заместителем заведующего отделом ТАСС в Париже стал Н.Г. Пальгунов. В упомянутой докладной записке Я.З. Хавинсона на имя И.В. Сталина от 19 июня 1937 г. было подчеркнуто, что Пальгунов не справляется со своей работой и должен быть вызван в Москву «для партийной проверки»¹⁷⁰.

20 сентября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о предварительном утверждении в должностях в ЦК партии ряда работников наркоматов, в том числе – внешнеполитического ведомства¹⁷¹. Это касалось и отдела печати НКВД. Н.Г. Пальгунов благополучно прошел «партийную проверку» и был утвержден заместителем, а 17 июня 1941 г. – заведующим Отдела печати НКВД¹⁷².

8 марта 1940 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) председателем правления ВОКС был назначен В.С. Кеменов – директор Третьяковской галереи. Р.Д. Либерзон (Орлова), работавшая с Кеменовым, так описывала его внешний вид: «Когда впервые пришла в ВОКС, в большом кабинете, отделанном красным деревом, сидел молодой человек в расстегнутой рубашке, без галстука, сидел не в резном кресле, а на краешке стола, болтая ногами. Такого начальника я видела впервые»¹⁷³.

В двух секторах ВОКС – научно-техническом и художественной культуры – сотрудничали на общественных началах научные работники, литераторы, деятели искусств. Уполномоченные ВОКС назначались из числа работников различных советских организаций за рубежом – полпредств, торгпредств, Центросоюза и др.

В 1940 г. по штату в составе Всесоюзного общества культурной связи с заграницей числилось 129 человек, из которых 47 были «ответственными работниками» (председатель, два его заместителя, заведующие отделами, редакторы и референты). Из общего числа сотрудников ВОКСа 28 были членами и кандидатами в члены ВКП(б). По мнению представителя Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), кадры Общества не имели необходимой «деловой и политической квалификации»: референтами работали дантисты, машинистки, стенографистки, физкультурник и т. д.¹⁷⁴

Особый статус имели цензоры. Согласно приказу Комитета по делам искусств при СНК СССР от 8 декабря 1938 г., работникам системы государственной цензуры было запрещено всяческое перемещение на другие должности и совмещение цензурных функций с другими обязанностями. 8 февраля 1939 г. вышел еще один приказ КДИ, запрещающий начальникам

¹⁶⁹ Там же. Л. 39–40.

¹⁷⁰ Большая цензура ... Док. № 340.

¹⁷¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Док. № 27.

¹⁷² Невежин В.А. Синдром наступательной войны ... С. 42.

¹⁷³ Орлова Р. Указ. соч. С. 122.

¹⁷⁴ Голубев А.В., Невежин В.А. Примеч. 27. С. 318.

управлений и отделов искусств без согласования с Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром смещать уполномоченных ГУРК и начальников реперткомов¹⁷⁵.

В сентябре 1939 г. заведующим иностранным отделом газеты «Труд» был назначен З.С. Шейнис. В штат отдела входили три сотрудника и секретарь¹⁷⁶. В конце 1939 г. постоянными авторами газеты «Труд» стали известные советские дипломаты А.А. Трояновский и Б.Е. Штейн (под псевдонимом Б. Запорожский), С.М. Мирный. К сотрудничеству в газете были приглашены И.Г. Эренбург, карикатурист Б.Е. Ефимов (В. Борисов)¹⁷⁷.

Председателем Иностранной Комиссии ССП выступал А.А. Фадеев. В ее состав вошли также писатели К.А. Федин и В.В. Вишневский, литературный критик А.Я. Аплетин, редактор журнала «Интернациональная литература» Т.А. Рокотов. Рабочий аппарат Иностранной Комиссии ССП состоял из 3-х референтов по реферированию иностранной прессы и одного научного консультанта.

В феврале 1941 г. после объединения секретариата Иностранной Комиссии ССП и редколлегии журнала «Интернациональная литература» в состав последней вошли Е.В. Стасова, Т.А. Рокотов и И.Р. Бехер¹⁷⁸.

Редактором русскоязычного издания этого журнала, исполняющим обязанности редактора англоязычного издания «Интернациональной литературы» являлся Т.А. Рокотов. Е.Д. Стасова была ответственным редактором французского издания, И. Бехер – немецкого издания (с 1935 г.).

По состоянию на февраль 1941 г. в составе редакции русского издания «Интернациональной литературы» числилось 17 человек, немецкого – 6, французского – 4, английского – 3 человека¹⁷⁹.

Особенностью немецкого издания журнала, как показала проверка, проведенная по заданию УПА ЦК ВКП(б) в феврале 1941 г., являлось то, что все его сотрудники, немецкие эмигранты, члены КПГ, не владели русским языком либо плохо знали его. Та же проверка выявила незнание английского языка редактором англоязычного издания «Интернациональной литературы» Т.А. Рокотовым¹⁸⁰.

Видная роль в ведении внешнеполитической пропаганды принадлежала Институту мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, который с 1927 г. возглавлял академик Е.С. Варга (1879–1964).

Таким образом, кадровый состав руководящего и исполнительского звена органов советской внешнеполитической пропаганды в 1930-е годы претерпел значительные изменения.

¹⁷⁵ Горяева Т.М. Указ. соч. С. 214.

¹⁷⁶ Шейнис З.С. Указ. соч. С. 98–99.

¹⁷⁷ Там же. С. 102–106.

¹⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 76. Л. 61.

¹⁷⁹ Там же. Д. 32. Л. 126.

¹⁸⁰ Там же. Л. 126, 127.

XVII съезд ВКП(б) ставил задачу при реорганизации структуры партийного аппарата всех уровней и переходе к производственно-отраслевому принципу максимально привлекать коммунистов, не только имеющих «прошлые заслуги», но и тех, у кого есть высшее образование и кто является высококвалифицированным сотрудником. На практике кадровая смена вылилась в конфликт между прежними руководством из «старых большевиков» и молодым поколением сталинских выдвиженцев. Нередко этот конфликт имел личностный характер. «Хирургическим» путем разрешения такого рода конфликтов выступали политические репрессии, которых не избежали и советские органы внешнеполитической цензуры. Серьезный урон кадровому составу ИККИ, Народному комиссариату иностранных дел СССР, ТАСС, редколлегиям центральных и районных газет, органам цензуры в центре и на местах нанесли репрессии 1936–1939 гг.

В результате периодических «чисток» были физически уничтожены либо оказались в заключении ценные кадры, руководители и квалифицированные сотрудники, что значительно снизило общий профессиональный уровень, сформировало тип пропагандиста безынициативного, готового выполнить любое указание сверху.

К началу 1940-х годов основу руководящего состава системы внешнеполитической пропаганды составляли функционеры, лично преданные и близкие к И.В. Сталину (В.М. Молотов, А.А. Жданов, А.С. Щербаков), либо имевшие непосредственный «выход» на вождя и на его соратников (Г.Ф. Александров, А.И. Большаков, В.С. Кеменов, Я.С. Хавинсон), что гарантировало работу системы исполнения, но исключало инициативу и творчество.

Глава 5. МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Эффективность системы внешнеполитической пропаганды зависела от качества управления, объемов и релевантности поступающей информации, способности сотрудников ее интерпретировать и репрезентовать.

В СССР 1930-х годов сбором и анализом зарубежной информации для высшего руководства страны занималось Бюро международной информации ЦК ВКП(б) (БМИ). В постановлении Политбюро от 16 мая 1932 г. ставилась его основная задача – задействовать все имеющиеся в наличии учреждения, работавшие над экономическими, политическими и военными проблемами капиталистических стран, выдавая им конкретные задания, «заказывать работы знатокам вопросов»¹⁸¹ с целью использования полученных от них материалов в дальнейшей информационно-пропагандистской деятельности.

Каналом получения зарубежной информации и использования ее в пропагандистских целях был Коминтерн. Исполком Коминтерна (ИККИ) получал часть зарубежной информации из советских полпредств, так или иначе она касалась коммунистических партий.

Советские дипломаты знакомились с зарубежной прессой, но не располагали обширными политическими знакомствами, что затрудняло доступ к необходимой информации. В отличие, например, от британских, германских или французских коллег, связи которых в странах пребывания были широкими. Даже после вступления СССР в Лигу Наций (сентябрь 1934 г.) и подписания дружественного договора с Францией (май 1935 г.), враждебное отношение к Советскому Союзу оставалось довольно сильным¹⁸², хотя количество сочувствующих СССР на Западе несколько возросло.

Центром европейской информации в 1930-х годах был Париж, где по словам Н.Г. Пальгунова, накануне войны «не только скапливалась мировая информация, но и творилась мировая политика»¹⁸³. Здесь в поле советских интересов попали Ж. Табуи (1892–1985), журналистка издания «Эвр», располагавшая обширным кругом знакомств среди политиков и дипломатов; хроникер «Эко де Пари» Пертинакс (настоящее имя А. Жеро); внешнеполитический обозреватель агентства Гавас Ф. Килиси; глава «Эр нувель» Л. Габорио; главный редактор «Пти журнал» А. Малле; внешнеполитический обозреватель К. Валле. Все они регулярно посещали советское полпредство в Париже, стремясь добыть там информацию и, соответственно, принося туда интересные для полпреда сведения. Именно через призму взглядов этих представителей правого («Эко де Пари», «Пти журнал») и радикального («Эвр», «Эр нувель») крыла парижской политической прессы советское полпредство воспринимало политическую жизнь Франции, атмосферу и тенденции, существовавшие в МИДе Франции. Вместе с тем М.М. Литвинов не доверял

¹⁸¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа ... С. 282.

¹⁸² Там же. С. 151, 167.

¹⁸³ Пальгунов Н.Г. Указ. соч. С. 122.

сведениям, поступавшим от Ж. Табуи, которую полпредство нередко упрекало в пустословии.

В целом политическое влияние Ж. Табуи и Пертинакса, которое признавали за ними советские дипломаты, явно льстило этим французским журналистам. Стремившиеся к признанию общества и политического истеблишмента, они высоко оценивали собственную значимость¹⁸⁴.

Важную роль в советской внешнеполитической пропаганде играли отделы печати, имевшиеся в каждом полпредстве СССР за рубежом. Сотрудники этих отделов стремились повлиять на западную прессу и с этой целью расширяли контакты с зарубежными журналистами. Для этого НКВД располагал специальными фондами, размер которых определялся Политбюро ЦК ВКП(б), а сами средства поступали из резервного фонда СНК СССР.

Парижское полпредство имело в своем распоряжении 60–65% от общей суммы упомянутых секретных фондов. В 1935 г. специальный бюджет, предназначавшийся для французской прессы, составлял свыше 110 тыс. франков в месяц. Больше всего (40 000 франков) получала газета «Тан», близкая к МИДу Франции. Радикальным «Эвр» и «Эр нувель» перечислялось по 10 000 франков ежемесячно. В 1936 г. регулярные субсидии от советского полпредства получали 17 органов французской печати. Помимо этого, деньги выделялись и на индивидуальные субсидии известным интеллектуалам – журналистке Ж. Табуи и писателю Р. Роллану.

Руководство НКВД, не желая останавливаться на достигнутом, считало возможным приобрести влияние на большинство французских газет, в том числе на одну из наиболее враждебных СССР – «Матэн». Однако средства, выделяемые полпредствам, не позволяли выйти за пределы сравнительно узкого круга контактов¹⁸⁵.

По свидетельству Е.А. Гнедина, прямого отношения к сбору внешнеполитической информации для руководства СССР возглавлявшийся им Отдел печати НКВД не имел. Однако располагая сильным радиоприемником, вместе со своим заместителем Г.Н. Шмидтом Е.А. Гнедин принимал передачи западных информантов. Самые важные факты из полученных таким путем включались в сводку, предназначавшуюся для передачи «в верх». В тот период существовали «белый ТАСС» (материал для печатания), а также «красный ТАСС» (сводка телеграмм не для печатания). М.М. Литвинов часто направлял Е.А. Гнедину «красные» сводки, в которых было помечено, что именно можно публиковать. В начале 1939 г. существовал перечень членов Политбюро ЦК ВКП(б), которым ежедневно посылались сводки наиболее интересных телеграмм советских корреспондентов, работавших за рубежом. Таким образом, далеко не все члены Политбюро и правительства получали полную внешнеполитическую информацию. Что касается сотрудников НКВД, то они были, по свидетельству Е.А. Гнедина, лишены элементарной информации подобного характера¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Дюллен С. Указ. соч. С. 152–154, 159.

¹⁸⁵ Там же. С. 168–169, 171–172.

¹⁸⁶ Гнедин Е.А. Указ. соч. С. 378.

В начале 1930-х годов М.М. Литвинов высказал убеждение, что бюллетени ТАСС мало говорили «о сложных проблемах дипломатического характера». Однако мнение наркома несколько изменилось после того, как ему удалось добиться от Я.Г. Долецкого назначения представителями Телеграфного агентства СССР за границей компетентных журналистов, одним из которых был В.П. Кин (Суровикин). В 1934 г. Кин возглавил отделение ТАСС в Париже. К этому времени он свободно владел французским языком¹⁸⁷.

М. Чарный, работавший помощником В. Кина в Париже, следующим образом описывал порядок отбора информации, которая извлекалась из парижской периодической печати, а затем направлялась в Москву. Втроем (вместе с ними работал француз по фамилии Газо) сотрудники парижского бюро ТАСС просматривали за день порядка 60-ти газет и журналов. В ходе просмотра прессы отмечалась самая важная на их взгляд информация, делались вырезки, затем распределялись по темам, в числе которых особенно выделялись международные. Кин довольно быстро овладел тонкостями французского политического языка (пресса Франции отличалась большим многообразием не только с точки зрения тематической, но и по стилю изложения материала). Это позволяло ему легко «расшифровывать» как прямые высказывания, так и намеки, скрытое иносказание, полемическую казуистику.

Собрав воедино все вырезки из газет и заметки, которые они делали по ходу чтения, В. Кин и М. Чарный переходили к следующему этапу работы: печатали корреспонденции, после чего они направлялись в Москву. Большинство корреспонденций отправлялось по телеграфу, поэтому кириллический текст приводился в латинской транскрипции. Позднее была налажена телефонная связь между Парижем и Москвой, что ускорило передачу информацию непосредственно в ТАСС¹⁸⁸.

Н.Г. Пальгунов, сменивший в 1936 г. В. Кина в парижском представительстве ТАСС, впоследствии вспоминал: «В Париже насчитывалось свыше 600 корреспондентов различных иностранных телеграфных агентств, агентств прессы, радиокомпаний, газет, журналов – со всех концов мира. Информации в Париже было много и чисто французской, и международной»¹⁸⁹.

Раз в неделю общественная организация «Аккей франсез» приглашала журналистов на коктейль в компании французских государственных и общественных деятелей. На таких коктейлях кто-либо из виднейших людей страны для разъяснения политики правительства выступал перед журналистами с короткой, но обычно очень содержательной пятиминутной речью, после которой завязывалась беседа.

Полезные сведения корреспонденты информационных агентств, в том числе ТАСС, могли почерпнуть и получив приглашение на чай к министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ¹⁹⁰. Французский МИД регулярно устраивал для них пресс-конференции¹⁹¹.

¹⁸⁷ Кин Ц. Наша молодость // Всегда по эту сторону: Воспоминания о В. Кине. М., 1966. С. 65.

¹⁸⁸ Чарный М. Указ. соч. С. 201–231.

¹⁸⁹ Пальгунов Н.Г. Указ. соч. С. 151.

¹⁹⁰ Там же. С. 152.

Помимо перечисленных выше источников информации, имелся и еще один: регулярно пересылаемые журналистам и редакторам иностранных газет бюллетени отделов печати и пресс-бюро эмигрантских организаций, объединявших политических беженцев из нацистской Германии.

С началом Второй мировой войны информация из Парижа могла направляться корреспондентом ТАСС только по телеграфу на французском языке и лишь после просмотра ее цензурой¹⁹².

14 декабря 1940 г. Н.Г. Пальгунов и сотрудник УПА ЦК ВКП(б) В.С. Кружков (1905–1991) направили Г.Ф. Александрову докладную записку под заголовком «Иностранная информация ТАСС», в которой изложили свои «заключения и выводы» по данному вопросу¹⁹³. В докладной записке, в частности, перечислялись четыре основных канала получения такого рода информации:

1. По радио (с помощью аппаратов Хэлл и Морзе) от агентств Рейтер, ДНБ, Гавас, Стефания и других. В среднем она составляла порядка 300 листов в день (50% от всех получаемых из-за рубежа материалов); из этого количества использовалось лишь от 30 до 50%.

2. Телеграфная корреспонденция от этих же агентств (60 листов ежедневно, то есть 10% от общего поступления); эффективность использования – 100%. Телеграфная корреспонденция корреспондентов ТАСС за рубежом составляла 150 листов (25% от всего информационного потока); из нее использовалось 50–60%.

3. Телефонная связь с собственными корреспондентами Телеграфного Агентства СССР, работавшими в Берлине, Праге, Белграде, Софии, Бухаресте и в других европейских столицах. Телефонных корреспонденций редакция ИНО ТАСС получала в среднем 150 листов в день (25% от общего поступления), а использовалось из нее 70%¹⁹⁴.

4. Радиоперехваты (20–25 листов в день). В 1939 г. прослушивалось 30 различных радиопередач. К этой работе было привлечено 16 сотрудников ИККИ¹⁹⁵. В подавляющем большинстве такой материал не представлял никакого интереса. Отсутствовала его редакционная обработка и необходимый отбор. «Этот материал используется мало»¹⁹⁶, – комментировали Н.Г. Пальгунов и В.С. Кружков.

Служебные бюллетени ТАСС, отмечали они в своей докладной записке «Иностранная информация ТАСС», постоянно росли по своему объему (в среднем объем каждого бюллетеня составлял от 100 до 130 листов). Рост объема этого бюллетеня происходил не только за счет увеличения количества корреспонденций, принятых по телефону и телеграфу от журналистов ТАСС, но и благодаря публикации радиопередач, принятых на слух.

¹⁹¹ Там же. С. 180–181.

¹⁹² Там же. С. 193.

¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 157.

¹⁹⁴ Там же. Л. 158.

¹⁹⁵ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 127.

¹⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 159

Последние занимали в среднем от 20-ти до 30-ти листов (с общим количеством заметок от 40 до 70-ти листов).

Однако подчеркивали Н.Г. Пальгунов и В.С. Кружков, колоссальные объемы служебных бюллетеней не способствовали повышению качества содержащейся в них информации¹⁹⁷. До 90% ее составляли телефонные и телеграфные передачи, полученные от собственных корреспондентов. Это был пересказ газетных сообщений, официальной информации. При этом значительное место занимали радиопередачи и материалы, принятые по телефону и по телеграфу, они были заимствованы у ДНБ, Ассошиэйтед Пресс, Юнайтед Пресс, Рейтер, Стефани, а также материалы из германских и румынских газет.

По этому поводу Пальгунов и Кружков делали следующее заключение: «По существу, и бюллетени ТАСС в целом, и большинство корреспондентов ТАСС за границей представляют собой всего лишь рупор иностранной пропаганды – иностранных агентств и газет»¹⁹⁸. Кадры заграничных корреспондентов ТАСС в большинстве своем обладали слабой журналистской подготовкой либо совсем ее не имели, плохо знали язык страны пребывания. В силу этого материал, поступавший от инкорров, очень часто был низкого качества. Например, из Берлина поступало много информации, но отсутствовал ее серьезный отбор: количество превалировало над качеством. «Вообще, – согласно заключению Н.Г. Пальгунова и В.С. Кружкова, – от корреспондентов [ТАСС] очень мало поступает ценного материала с серьезным анализом, например, внутрисполитического положения в стране и т. д.»¹⁹⁹. Аналогичные недостатки были присущи и бюллетеням информации, не подлежащей оглашению²⁰⁰.

В целом вывод Н.Г. Пальгунова и В.С. Кружкова об иностранной информации Телеграфного агентства СССР сводился к следующему: передаваемая ТАССом в печать иностранная информация по необходимости представляет собой вид «документированной информации» и оперирует в основном материалами, почерпнутыми из официальных и официозных иностранных источников, а также и из иностранной печати. Задача ТАСС сводится к достаточно искусному использованию этих материалов, с соблюдением всех тех особенностей, которые проистекают из проводимой правительством СССР политики мира и нейтралитета. Как подчеркивалось в упомянутом документе, сравнительно хорошо освещался ход боевых действий начавшейся Второй мировой войны. Однако в получаемой ТАССом информации отсутствовали сообщения о настроениях народных масс в капиталистических странах, забастовочной борьбе рабочего класса, вообще слабо освещалось его реальное положение²⁰¹.

Выше уже отмечалось, что большинство корреспондентов ТАСС за границей, назначенных после политических репрессий, не отвечало требованиям, предъявляемым к

¹⁹⁷ Там же. Л. 159.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же. Л. 160.

²⁰⁰ Там же. Л. 162.

²⁰¹ Там же. Л. 164–165.

журналистам-международникам. Понятно, что такие корреспонденты присылали мало информационных материалов, поскольку оказались всецело зависимыми от переводчиков-иностранцев. Качество подобного рода материалов также оставляло желать лучшего²⁰².

Ежедневно корреспонденты ТАСС, работавшие в одних странах, посылали информацию о событиях в других странах, дублируя ее по несколько раз. В результате впустую тратилась валюта, вносимая за передачу телеграмм, а также оказывался перегруженным аппарат Иностранной редакции в Москве²⁰³.

Согласно заключению Пащенко и Разинкова, иностранная информация ТАСС в большинстве случаев представляла собой перевод (порой не совсем верный) статей и сообщений из иностранных газет. Как правило, она начиналась со стандартной формулировки: «Как сообщает корреспондент Юнайтед Пресс...». «Собственная оригинальная информация почти совершенно отсутствует», – делали вывод Пащенко и Разинков²⁰⁴. В результате огромные суммы в валюте, отпускавшиеся для корреспондентских пунктов ТАСС за рубежом, себя не оправдывали²⁰⁵.

У референтов Иностранной Комиссии ССП не было специального допуска для чтения зарубежной литературы. Однако существовала договоренность с Главлитом о допуске их к чтению такого рода литературы. Редакция русскоязычного издания журнала «Интернациональная литература» собирала «материалы литературного порядка» из иностранной прессы. Информационный архив Иностранной Комиссии ССП достиг большого объема: рефераты и другие материалы тщательно обрабатывались и подытоживались. Они представляли собой большую ценность, но использовались мало, поскольку их содержание не подлежало оглашению, а хранение и допуск к ним не были оформлены соответствующим образом²⁰⁶.

Полученная по дипломатическим каналам через корреспондентов ТАСС путем радиоперехвата сотрудниками ИККИ информация перед публикацией ее в СССР и зарубежных СМИ тщательно отбиралась и отсеивалась.

31 июля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило правила обращения с секретными докладами и сообщениями БМИ. Получавшие подобного рода материалы сотрудники имели право знакомить с их содержанием лишь узкий круг членов ВКП(б), которым это было необходимо по роду работы²⁰⁷.

В своей повседневной деятельности представители руководства НКИДа постоянно сталкивались с «цензорами» ЦК ВКП(б), то есть функционерами, ведавшими печатью и издательской политикой. В то же время между Отделом культуры и пропаганды ЦК и наркоматом иностранных дел в лице его Отдела печати существовало своеобразное разделение ролей. Отдел печати зачастую выступал с апологетическими публикациями в

²⁰² Там же. Д. 57. Л. 38.

²⁰³ Там же. Л.39.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. Л. 41.

²⁰⁶ Там же. Д. 32. Л. 128.

²⁰⁷ Большая цензура ... С. 276.

адрес М.М. Литвинова. Со своей стороны, партийные «цензоры» не упускали случая раскритиковать его сотрудников за политическую небрежность и ошибки²⁰⁸.

Реальным и постоянным было влияние ЦК ВКП(б) и НКВД на деятельность печатных органов ИККИ, которое принимало главным образом организационные формы. Так, в 1937–1939 гг. заведующему Отделом печати наркомата иностранных дел Е.А. Гнедину регулярно присылались на просмотр гранки номеров журнала «Коммунистический Интернационал». При этом ответственный редактор журнала О.В. Куусинен, как правило, без оговорок принимал все редакционные замечания Гнедина²⁰⁹.

О непростых взаимоотношениях между Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Отделом печати НКВД и редколлегией журнала «Коммунистический Интернационал» свидетельствует докладная записка ответственного секретаря журнала Я.Ц. Мирова-Розкина от 3 февраля 1941 г., направленная Г.М. Димитрову. 5 февраля Димитров переслал ее А.А. Жданову со следующим комментарием: «Посылая Вам записку ответственного секретаря редакции нашего журнала [...] насчет просмотра материала журнала в отделе печати НКВД, считал бы – как я уже по этому поводу с Вами говорил – очень нужным упорядочить работу по просмотру журнала, чтобы в будущем не создавались имеющие до сих пор место лишние затруднения и несуразности. Самым большим облегчением для редакции журнала, а также для товарищей, которые обязаны просматривать журнал, было бы своевременно знать основные установки, о том, что и как²¹⁰ в данный момент надо бы избегать писать, чтобы редакция могла это учесть при составлении и обработке материалов для данного номера журнала»²¹¹.

По словам Я.Ц. Мирова-Розкина, редколлегия журнала «Коммунистический Интернационал» стремилась добиться в своей работе наибольшей согласованности с Отделом печати НКВД, считая это в создавшихся условиях одной из важнейших задач. Однако, судя по его письму, добиться понимания со стороны этого органа внешнеполитического ведомства не удалось. Претензии редколлегии русскоязычного издания журнала «Коммунистический Интернационал» к заведующему Отделом печати НКВД Н.Г. Пальгунову состояли в том, что подготовительные материалы подолгу задерживались и не публиковались. Задержки порой достигали 10-ти дней. Случалось, так, что работа в редакции над очередным номером уже заканчивалась, а Отдел печати НКВД так и не возвращал после просмотра ни одной статьи. Это обстоятельство, подчеркивал Я.Ц. Мирова-Розкин в своей докладной записке на имя Г.М. Димитрова, не только задерживало работу редакции журнала, но и ставило ее в затруднительное положение, поскольку она до последнего момента не знала, что именно «пойдет в номере, и какие сокращения будут проведены в каждой статье», а следовательно, не имела возможности «составить окончательной разметки номера».

²⁰⁸ Дюллен С. Указ. соч. С. 79–80.

²⁰⁹ Гнедин Е.А. Указ. соч. С. 366.

²¹⁰ Подчеркнуто в тексте документа – С.Е.

²¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 61. Л. 10.

Готовый к публикации материал подвергался двойному просмотру. После визирования каждой статьи весь номер в сверке по предложению Н.Г. Пальгунова снова отправлялся в Отдел печати. Я.Ц. Мирон-Розкин просил внести ясность «в вопрос о том, что можно и чего нельзя давать в журнале»²¹².

8 февраля 1941 г. Г.Ф. Александров сообщил А.А. Жданову о том, что Управлению пропаганды и агитации ЦУК ВКП(б) удалось договориться с Н.Г. Пальгуновым и Г.М. Димитровым о порядке просмотра журнала «Коммунистический Интернационал» в отделе печати НКИДа²¹³.

В период политических репрессий, по мнению Е.А. Гнедина, Отдел печати НКИДа больше влиял, в отличие от предыдущих лет, на освещение международной ситуации в советской прессе. Это объяснялось тем, что из редакций ряда газет «исчезли» многие квалифицированные специалисты по международным вопросам, а «оставшиеся были подавлены и осторожны». В создавшихся условиях их редакции (кроме газеты «Правда») стали систематически посылать на просмотр в Отдел печати НКИД свои материалы, прислушиваясь к предложенным советам его сотрудников. Согласно оценке Е.А. Гнедина, полезным инструментом в описываемой деятельности этого структурного подразделения являлся еженедельник «Журналь де Моску»²¹⁴.

Как отмечали в своей докладной записке «Иностранная информация ТАСС» (от 14 декабря 1940 г.) Н.Г. Пальгунов и В.С. Кружков, существовала многоступенчатая система прохождения и обработки поступавшего из-за границы материала. Он проходил через следующие инстанции: Секретариат Инотасс; выпускающий; заведующий территориальным сектором; редактор в секторе; заведующий территориальным сектором; выпускающий; заведующий редакцией; ответственный руководитель ТАСС; ротаторская, корректура и т. д.; экспедиция.

В результате обработка и доведение до экспедиции одного листа информации занимала в лучшем случае 2,5–3 часа²¹⁵.

Вслед за получением и тщательным отбором информации на международные темы наступал этап ее распространения в СССР и за границей. Процесс доведения ее до советской и иностранной аудитории являлся, по сути, важнейшим в деятельности всей системы внешнеполитической пропаганды.

В 1930-е годы советская периодическая печать активно использовалась для ведения внешнеполитической пропаганды. Так, сталинское руководство использовало станицы газеты «Правда» не только для официальной трактовки внешнеполитического курса СССР, но и для публикации в газете передовых статей без подписи, авторство или редактирование которых принадлежало И.В. Сталину, В.М. Молотову либо А.А. Жданову. В «Правде» была

²¹² Там же. Л. 12–13.

²¹³ Там же. Л. 15.

²¹⁴ Гнедин Е.В. Указ. соч. С. 381–383.

²¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 164.

опубликована статья²¹⁶, текст которой был подготовлен Ждановым и отредактирован Сталиным, что стало своеобразным сигналом для развертывания в сентябре 1939 г. антипольской кампании, имевшей место в преддверии и в ходе «освободительного похода» Красной армии в Западную Белоруссию и в Западную Украину²¹⁷.

23 августа 1940 г. в «Правде» появилась передовая статья «Годовщина советско-германского пакта». Текст ее был написан сотрудниками газеты и опубликован после того, как И.В. Сталин внес в него свои поправки²¹⁸. Статьи в «Правде» служили задаче формирования общественного мнения о внешней политике СССР. Порой они также содержали намеки и предложения, которые адресовались непосредственно руководству иностранных государств. В таких случаях «Известия» порой печатали материалы, которые могли не совпадать с официально провозглашенной Кремлем политикой. Так, в редакционной статье «К международному положению», опубликованной в «Известиях» 11 мая 1939 г., в условиях, когда Москва проводила зондаж о возможности достичь взаимопонимания с нацистской Германией, содержалось утверждение о том, что СССР не имеет пактов взаимопомощи с Францией и Англией. Между тем заключенный в 1935 г. франко-советский договор, к тому времени сохранял свое действие²¹⁹.

Во второй половине 1930-х годов возникла идея использования СМИ для того, чтобы неофициально, завуалированно декларировать отношение к событиям международного плана. Инициатива в этом деле принадлежала М.М. Литвинову. 2 ноября 1936 г. он обратился к И.В. Сталину со следующей просьбой: «В области внешнеполитической пропаганды буржуазные правительства имеют перед нами то преимущество, что независимо от существующих между ними и другими государствами официальных отношений, они могут через частную прессу говорить этим государствам весьма неприятные вещи. Они этим пользуются иногда даже в отношении самых близких союзников. Советская же пресса, являющаяся правительственными или партийными органами, вынуждена к большей сдержанности в отношении стран, с которыми у нас существуют более или менее честные отношения, лишена возможности высказывать по их адресу необходимые горькие истины. Правда, некоторой свободой пользуется газета «Журналь де Моску», но она выходит только раз в неделю и поэтому не всегда может откликаться на события.

М.М. Литвинов предложил в некоторой мере устранить это неравенство, предложив «Известиям» и «Правде» открыть рубрику «Письма в редакцию». Такая система весьма распространена в Англии и даже в таких крупных газетах, как «Таймс», «Морнинг Пост» и «Манчестер Гардиан», весьма видное место занимает отдел «Письма в редакцию»²²⁰.

²¹⁶ О внутренних причинах военного поражения Польши // Правда. 1939. 14 сент.

²¹⁷ Невежин В.А. «Если завтра в поход...» ... С. 157.

²¹⁸ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 195.

²¹⁹ Маркелов С.Ю. Указ. соч. С. 48.

²²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 163. Л. 167–168.

Просьба М.М. Литвинова была удовлетворена. 4 ноября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «Об открытии в «Правде» и «Известиях» отдела «Письма в редакцию»»²²¹.

Советские газеты, перепечатававшие на своих страницах материалы на международные темы из зарубежных СМИ, должны были неукоснительно придерживаться следующего правила: при перепечатке обязательно ссылаться на источник информации. Это правило было закреплено в постановлениях Политбюро ЦК ВКП(б) «О помещении в «Ленинградской правде» без указания источника статьи Т. Гарри Поллита об Абиссинии» (от 8 октября 1935 г.)²²² и «О порядке опубликования иностранной информации» (от 10 марта 1936 г.)²²³.

Большое значение имело действие «передаточных механизмов», которые должны были способствовать более эффективному функционированию советской периодической печати. Еще до того, как выработывалась избранная ЦК линия поведения по тому или иному вопросу, руководство пропагандистскими органами проводило производственные совещания с приглашением ведущих специалистов и с детальным обсуждением предстоящих целей и задач. На этих совещаниях обсуждалось не «что делать» (это было прерогативой ЦК ВКП(б)), а «как делать» и решался коренной вопрос, как сделать так, чтобы от предстоящей кампании получить наиболее эффективные психологические и практические результаты. Предоставлялось широкое поле инициативы и для каждого конкретного участника подобного рода совещаний, и для самих сотрудников органов периодической печати. Такого рода совещание имело место, например, 25 июня 1940 г. (собрано по инициативе Оборонной комиссии ССП, редакций журнала «Знамя» и газеты «Красная звезда»)²²⁴.

Серьезные нарекания вызывали у высшей партийной инстанции случаи не выверенных публикаций ТАСС, касающихся конкретных персоналий западных политических деятелей. На сей счет, в частности, было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О работе ТАСС» (от 22 ноября 1936 г.)²²⁵.

В мае 1934 г. был регламентирован порядок выступлений в зарубежной прессе. Отныне все советские граждане, находившиеся за границей, (в первую очередь сотрудники НКВД и НКВТ), не имели права давать интервью или делать заявления в иностранной печати без предварительного согласия полпредов. Последним вменялось в обязанность проверять содержание подобного рода выступлений²²⁶.

Одной из важнейших функций ТАСС стало направление за рубеж информации о международных событиях. Например, во Франции сообщения такого рода принимались и

²²¹ Там же. Л. 169.

²²² Большая цензура ... С. 399–400.

²²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976. Л. 6.

²²⁴ Невежин В.А. «Если завтра в поход...» ... С. 229–231.

²²⁵ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919–1952. В 3 т. Т. 2. 1930–1939: каталог. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. С. 828.

²²⁶ Дюллен С. Указ. соч. С. 70.

распространялись агентством Гавас. Непосредственно французским газетам ТАСС информации не поставлял²²⁷.

Помимо этого, ТАСС мог выступать по поручению высшего руководства с официальными заявлениями, давать комментарии внутри- и внешнеполитических акций Москвы. Опубликование материалов ТАСС, в которых специально оговаривалось, что изложение официальной точки зрения поручено именно ему («Заявление ТАСС», «Сообщения ТАСС», «Опровержение ТАСС»), подтверждало его высокий статус²²⁸.

Декларации как один из методов идеологического воздействия широко применялись сталинским руководством в конце 1930-х – начале 1940-х гг. А.А. Жданов в выступлении перед партийным активом Ленинграда (ноябрь 1940 г.) прямо призывал слушателей следить стилем и за характером «Опровержений ТАСС», которые давали возможность лучше судить о международном положении СССР²²⁹.

Зачастую использование таких материалов преследовало не только пропагандистские и контрпропагандистские цели, но и цели зондирования руководящих кругов на предмет ответной реакции, по которой можно было судить об их истинных намерениях²³⁰. ТАСС стремилось быстро реагировать на события, происходившие за рубежом, на недружественные действия в отношении СССР.

Также ТАСС готовил специальные обзоры советской прессы для зарубежной аудитории²³¹. В составе Агентства функционировало так называемое «Радио московской/советской прессы» (с 1926 г. его называли «Всем, всем, всем»), которое вело свои передачи на французском языке. Оно, в частности, освещало события, прямо или косвенно касавшиеся СССР. В то же время деятельность Редакции информации для заграницы (РИДЗ) ТАСС не была лишена и существенных недостатков. О них сообщалось в уже упоминавшейся в докладной записке Н.Г. Пальгунова и В.С. Кружкова от 14 декабря 1940 г. на имя Г.Ф. Александрова и переадресованной А.А. Пузину. В документе, в том числе, сообщалось, что почтовый материал, поступающий за границу, проходил с большим замедлением, поскольку неоднократно визировался представителями руководящего состава ТАСС. Вначале он попадал к одному из редакторов, который его обрабатывал и визировал. Затем материал считывался и визировался заведующим сектором, заместителем заведующего редакцией и, наконец, заведующим редакцией. Следовательно, текст на русском языке должен был иметь четыре визы. Завизированный четырехкратно русский текст затем поступал в переводческое бюро при телеграфной редакции. После перевода материал обрабатывается редактором переводов и, наконец, заместителем заведующего редакцией. Дважды завизировав его, последний отправлял готовый печатный материал в экспедицию. Таким образом, окончательная судьба документа, посылаемого за границу, как

²²⁷ Пальгунов Н.Г. Указ. соч. С. 193.

²²⁸ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 62.

²²⁹ Невежин В.А. «Если завтра в поход...» ... С. 280.

²³⁰ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 61–62. Подробнее об этом см.: Невежин В.А. «Если завтра в поход...».

²³¹ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 64.

подчеркивали В.С. Кружков и Н.Г. Пальгунов, находилась целиком в руках заместителя, заведующего редакцией. Впрочем, имелось и одно преимущество: никакой цензуре Главлита переведенный материал не подвергался²³².

Из общего количества информационных материалов, передаваемых РИДЗ за границу в адрес телеграфных агентств, 35% были посвящены вопросам международной жизни, положению в капиталистических странах, их внешней политике и т. д. РИДЗ передавал в сутки довольно ограниченное количество сообщений – от 18 до 25–30-ти²³³. Н.Г. Пальгунов и В.С. Кружков высказали следующее суждение о качестве такого рода информации: она страдала отсутствием оригинальных текстов, «полученных ТАССом от собственной заграничной корреспондентской сети». Эти оригинальные сообщения составляли лишь незначительную часть всей передаваемой по данному разделу информации. В большинстве же телеграммы на международные темы являлись своего рода «резкспортом» информации, поступившей от иностранных, главным образом американских, телеграфных агентств и пересказом сообщений иностранной печати»²³⁴.

Недостатки имелись и в работе Инорадио. О них, в частности, сообщал Д.З. Мануильский в своей докладной записке от 12 ноября 1940 г., адресованной А.А. Жданову²³⁵. Поскольку в ЦК ВКП(б) намечалось обсуждение вопроса о радиовещании, Мануильский как один из членов ИККИ, посчитал необходимым сообщить Жданову «некоторые соображения о работе Инорадио, имеющиеся у товарищей, работающих в аппарате Коминтерна и соприкасающихся с Инорадио».

По сведениям, получаемым «от братских компартий и от заграничных слушателей», передачи Московского радио как по содержанию, так и по форме не соответствовали необходимым запросам и уровню зарубежной аудитории. При этом самым большим недостатком Инорадио был признан тот, что в его передачах с большим запозданием (порой на 2–3 дня) сообщалось о событиях, о которых до этого уже информировали иностранные радиостанции²³⁶.

В результате зарубежные радиослушатели, параллельно систематически получавшие свежую информацию по военно-политической тематике из Лондона и Берлина, были вынуждены довольствоваться почти всегда уже устаревшими известиями, переданными из Москвы. По Инорадио передавалась лишь небольшая часть появившихся в советской печати сообщений о международных событиях, причем чаще всего большинство из них не представляло никакого интереса.

Значительный массив передаваемых Инорадио материалов ссылался на Германское Информационное Бюро (ДНБ); остальные официальные сообщения порой просто вычеркивались из программы радио. Московское Инорадио избегало передавать даже

²³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 156.

²³³ Там же. Л. 151.

²³⁴ Там же. Л. 152.

²³⁵ Там же. Д. 11. Л. 64–76.

²³⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 64.

официальную информацию о важнейших международных событиях, опубликованную в советской печати²³⁷.

Аналогичным образом иностранный отдел газеты «Труд» с началом Второй мировой войны публиковал сводки с Западного фронта, стараясь соблюсти «объективность»: вначале давались сообщения английского и французского командования, а затем – германского²³⁸. В «Труде» также перепечатывались статьи из американского журнала «Нейшн», английского еженедельника «Нью стейтсмен энд нейшн»²³⁹. Однако с расширением боевых действий в Европе зарубежная пресса, из которой сотрудники иностранного отдела «Труда» могли черпать интересующие их материалы, приходила все с большим опозданием, разрозненно²⁴⁰.

Для местной советской печати насущной проблемой был дефицит профессиональных работников. Несмотря на репрессии, в центральной печати к концу 1930-х годов работали более квалифицированные работники, чем в местной. Поэтому в средствах массовой информации на местах порой выявлялись досадные недочеты, которым придавался большой политический смысл.

Например, в газете «Колхозный призыв» (Калининская область) 2 июня 1939 г. был напечатан переданный по каналам ТАСС доклад В.М. Молотова «О международном положении и внешней политике». При его перепечатке редакция газеты допустила грубейшее искажение смысла выступления главы Советского правительства. В упомянутом докладе Молотова утверждалось, что, судя по некоторым признакам, советско-германские переговоры могут возобновиться, а газета «Колхозный призыв» ошибочно сообщала: «переговоры не могут возобновиться»²⁴¹.

В условиях «капиталистического окружения», политико-идеологического противоборства между СССР и остальным миром Москва часто использовала в своей внешнеполитической пропаганде «газетные бои». К этому методу контрпропаганды она прибегла, например, осенью 1933 г., когда между Советским Союзом и Германией возникли определенные трения по вопросу об освещении в советских средствах массовой информации Лейпцигского судебного процесса о поджоге рейхстага²⁴².

Одним из действенных методов, применявшихся в ходе регулярно проводившихся «газетных боев», являлась политическая карикатура, то есть карикатура на международные темы. Один из деятелей Коминтерна, Ф. Кон, в 1931 г. так определял политического карикатуриста: «Часовой, вооруженный карандашом и зорко наблюдающий за готовящим новую интервенцию классовым врагом и разоблачающим его приемы»²⁴³.

Выступая на втором пленуме Оргкомитета ССП (12 февраля 1933 г.), накануне своего назначения полпредом в Испанию, А.В. Луначарский, в частности, следующим образом

²³⁷ Там же Л. 67–68.

²³⁸ Шейнис З.С. Указ. соч. С. 100.

²³⁹ Там же. С. 113–114.

²⁴⁰ Шейнис З.С. Указ. соч. С. 114.

²⁴¹ Маркелов С.Ю. Указ соч. С. 52.

²⁴² Подробнее на этом мы остановимся ниже.

²⁴³ Лицо врага. Рисунки Б. Ефимова. М., 1931. С. 3.

определил задачи этого изобразительного жанра: «Карикатурой, сатирой, сарказмом мы должны бить врага, дезорганизовывать его. Унизить – если можем – в его собственных и, во всяком случае, в наших глазах, развенчать его святыню, показывать, как он смешон»²⁴⁴. Никто не удивляется, продолжал свою мысль Луначарский, если Б.Е. Ефимов или кто-либо другой из карикатуристов «в самые неожиданные положения ставит», например, британского политического деятеля Д.Р. Макдональда, хотя «в действительности он никогда таким не был». «Но, – заключал А.В. Луначарский, – мы очень хорошо знаем, что это большая правда, чем самая лучшая фотография Макдональда, потому что она этим искусственным положением, неправдоподобным положением выясняет внутреннюю правду больше, чем какой бы то ни было другой прием».

В 1930-е годы политическая карикатура являлась действенным оружием в локальных «газетных боях», например, против нацистской Германии²⁴⁵ (о чем более подробно будет сказано в Гл. 2 настоящего исследования), а также накануне и в ходе «освободительных походов» Красной армии против Польши (1939) и «зимней войны» против Финляндии (1939–1940)²⁴⁶.

К началу 1940 годов, когда в СССР полностью сложилась система партийно-государственного управления страной вообще и внешнеполитической пропагандой в частности, были отрегулированы механизмы принятия решений и организации политических кампаний, способных в короткий срок мобилизовать огромные массы населения²⁴⁷. После подписания пакта о ненападении и договора о дружбе и границе между СССР и Германией и вплоть до начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе прошло несколько политико-идеологических кампаний, которые в первую очередь были направлены на поддержание и развитие курса СССР на международной арене. Этот процесс в конце 1930-х годов осуществлялся путем активного воздействия на общественное сознание с использованием всех имеющихся политико-пропагандистских инструментов, начиная от устной агитации и заканчивая средствами массовой информации.

Выбор тех или иных форм пропагандистской активности, как правило, диктуется конкретными политическими условиями. В любом случае должна быть определенная отдача от пропагандистских усилий, которая отнюдь не всегда поддается точной оценке. Несмотря на некоторую условность, существуют определенные критерии эффективности пропаганды. Применительно к советской внешнеполитической пропаганде 1930-х годов можно указать, по крайней мере, четыре источника, с помощью которых хотя бы приблизительно определяется степень ее влияния на общественное сознание: 1) уровень печатаемости;

²⁴⁴ Между молотом и наковальней ... С. 195.

²⁴⁵ Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом»: Германия и немцы в советской политической карикатуре (1922–1939 гг.) // Россия и Германия в XX веке: в 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 85–105.

²⁴⁶ Токарев В.А. Польская тема (1939) за пределами «Правды»: Советская сатирическая графика в столичных и провинциальных изданиях // *Polacy i rosjanie: przezwycieżanie uprzedzeń* = Поляки и русские: преодоление предубеждений. Łódź, 2006. S. 287–300; Невежин В.А. «Если завтра в поход...» ... С. 162–163, 172–179, 195.

²⁴⁷ Горяева Т.М. Указ. соч. С. 14.

2) наличие и содержание писем-откликов; 3) сводки настроений, составлявшихся органами НКВД, в которых фиксировались высказывания отдельных граждан; 4) дневники, переписка, мемуары современников и участников событий.

Проблема оценки эффективности пропагандистской деятельности СССР в 1930-е годы является важной, но сложной для объективного и всестороннего изучения. Ясной картины о реальном влиянии советской информации на зарубежную аудиторию в 1930-е годы нет, поэтому весьма проблематично восстановить полную картину.

В данной связи следует отметить, что отдельные попытки определения пропагандистской эффективности советской прессы в Германии предпринимались в 1940–1941 гг. советником полпредства А.А. Смирновым. Он завел следующий порядок: каждое утро составлял для своих коллег краткий доклад о сообщениях печати. Прежде всего, им преследовалась цель отслеживать и фиксировать реакцию германских СМИ на появлявшиеся в советской прессе статьи на международные темы²⁴⁸.

Что касается степени печатаемости ТАССовских сообщений, то она была различной, однако даже в самое благоприятное время не превышала 15% от общего объема информационных материалов, отсылаемых ТАССом за границу. Это было далеко не самым лучшим результатом, особенно в сравнении с соответствующими показателями крупнейших информационных агентств (Юнайтед Пресс, Рейтер, Гавас, ДНБ).

В конце 1930-х годов руководство ТАСС оставалось в неведении относительно результативности распространения своих информационных материалов за границей. Так, в упоминавшейся докладной записке В.С. Кружкова и Н.Г. Пальгунова от 14 декабря 1940 г. прямо констатировалось, что РИДЗ слабо информирована о количестве использованных материалов, отправленных в ту или иную страну, поскольку «единственно верным источником такого рода сведений может быть только сообщение корреспондентов ТАССа»²⁴⁹. Они же, подчеркивали Кружков и Пальгунов, в большинстве своем не выполняли указаний руководства ТАСС об информировании своего руководства по этому вопросу; другие же просто не принимали активного участия в продвижении информации за границу²⁵⁰.

Что касается писем, адресованных в СМИ отдельными гражданами, суждений на внешнеполитические темы, зафиксированных в сводках о настроениях, готовившихся органами НКВД, а также в источниках личного происхождения (в дневниках, переписке и в мемуарной литературе), то они довольно дискретны.

В целом система советской внешнеполитической пропаганды 1930-х годов имела сложный и многоступенчатый механизм функционирования. Основной ее задачей был сбор, отбор и передача информации на международные темы, эта задача решалась главным образом при активном участии ИККИ, редакции иностранной информации ТАСС (РИДЗ), ВОКСа, Инорадио, Иностранной Комиссии ССП, сотрудников полпредств СССР и корреспондентов Телеграфного Агентства Советского Союза за границей. Большое внимание

²⁴⁸ Гасюк А.Г. Указ. соч. С. 89.

²⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10. Л. 153.

²⁵⁰ Л. 154–155.

уделялось при этом отбору полученной из иностранных источников информации, которая проходила строгую предварительную цензуру.

Важнейшим этапом стало распространение информации международного характера за границей и внутри СССР. Она передавалась по каналам ТАСС, Инорадио, путем публикации ее в советских СМИ. В процессе отбора и передачи за рубеж информации на международные темы советские внешнеполитические ведомства встречались с такими затруднениями, как их излишняя бюрократизация, слабая оперативность, неспособность конкурировать с западными информационными агентствами в вопросе об эксклюзивности передаваемых сообщений.

Внешнеполитическая пропаганда активно использовалась в ходе разного рода локальных кампаний в СМИ, связанных с решением актуальных задач взаимоотношений с соседними государствами, в частности, в период их обострения («газетные бои»).

Наконец, ее методы брались на вооружение в период проведения широких политико-пропагандистских кампаний сталинского руководства конца 1930-х – начала 1940-х гг., когда использовался весь ранее накопленный опыт использования печатной пропаганды и устной агитации в конкретных политических целях.

Глава 6. РЕАКЦИЯ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА НА ПРИХОД А. ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ (1933–1934 гг.): ПОЛИТИКО-ПРОПАГАНДИСТСКИЙ КОНТЕКСТ

28 января 1933 г. канцлер Германии К. фон Шлейхер подал в отставку. 30 января президент П. фон Гинденбург провозгласил лидера Национал-социалистической рабочей партии Германии А. Гитлера канцлером, однако не предоставил ему чрезвычайных полномочий. Заручившись согласием Гинденбурга, Гитлер добился решения о проведении новых выборов, которые были назначены на 5 марта 1933 г.²⁵¹

Руководители НСДАП использовали пожар рейхстага в ночь на 27 февраля 1933 г. как удобный предлог для устранения с политической арены своих политических противников – прежде всего коммунистов. Именно на них А. Гитлер поспешил возложить обвинение в поджоге, хотя на месте преступления был задержан полицией безработный голландец М. ван дер Люббе (1909–1934)²⁵². Вслед за этим арестам подверглись (якобы за соучастие в поджоге рейхстага) председатель Коммунистической партии Германии Э. Тельман, члены ЦК КПГ Э. Торглер, В. Штекер и Э. Шнеллер²⁵³. Были задержаны многие функционеры Коммунистической партии Германии среднего звена. 2 марта 1933 г. Г. Геринг открыто заявил: «Коммунисты не ожидали, что уже спустя 48 часов [после поджога рейхстага. – С.Е.] 2000 их главных проходимцев будут сидеть за решеткой <...>. Мне больше не нужен поджог рейхстага, чтобы выступить против коммунистов»²⁵⁴.

9 марта полиция арестовала видного деятеля Болгарской коммунистической партии (БКП) Г.М. Димитрова, членов БКП болгарина Б. Попова и македонца В. Танева. Их обвинили в причастности к поджогу рейхстага. Нацистская пропаганда утверждала, что налицо международный заговор против «национального возрождения» Германии, организаторами которого якобы являются коммунисты, подлежащие подавлению железной рукой²⁵⁵.

В 1933 г. вышла в свет так называемая «Коричневая книга»²⁵⁶. Она была написана в кратчайшие сроки немецкими коммунистами, находившимися в эмиграции во Франции, при посредничестве МОПРа, Межрабпома, Международного комитета помощи жертвам

²⁵¹ Марченко А.Н. Эволюция государственного строя Германии в период нацистского господства 1933–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014.

²⁵² Броснат М. Тысячелетний рейх: Триумф НСДАП и рождение империи. М.: Эксмо–Яуза, 2004. С. 127–128.

²⁵³ Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2001. С. 120.

²⁵⁴ Максимычев И.Ф. Дипломатия мира против дипломатии войны: очерк сов.-герм. дипломат. отношений в 1933–1939 годах.: Междунар. отношения, 1981. С. 39.

²⁵⁵ Шириня К.К. Георгий Димитров – герой Лейпцигского процесса // Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. Первая крупная морально-политическая победа над фашизмом. М.: МГПУ, 2004. С. 8.

²⁵⁶ Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре. М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1933.

германского фашизма. Работа над этой книгой велась под непосредственным руководством члена КПГ В. Мюнценберга. Он был основателем Межрабпома, создателем так называемого «концерна Мюнценберга», который издавал книги и газеты, занимался производством кинофильмов. Это издательство выпускало газеты «Дер Геген-Ангрифф» и «Ди Цукунф». Перу В. Мюнценберга принадлежали книги «Третий фронт», «Может ли Гитлер вести войну», «Пропаганда как оружие»²⁵⁷.

«Коричневая книга» была переведена на 20 языков мира, в том числе на русский, и разошлась в разных странах общим тиражом 500000 экз. Естественно, ее авторы не смогли учесть всей совокупности фактов и документов, относящихся к поджогу рейхстага. Они выполняли политический заказ, стремясь представить в качестве поджигателей и устроителей грандиозной провокации самих нацистов. Поэтому сюжеты, касавшиеся собственно поджога рейхстага, грешили рядом нестыковок. В то же время в «Коричневой книге» впервые был представлен подробный очерк истории германского фашизма, который содержал многочисленные сведения о его преступлениях, неприглядном прошлом нацистских главарей. В целом эта книга способствовала формированию антифашистских настроений у западной общественности²⁵⁸.

5 марта 1933 г. состоялись выборы в рейхстаг. В выборах приняло участие 88% избирателей. Национал-социалисты получили 17277200 голосов (почти 44% от числа голосовавших). Это позволило им увеличить представительство в рейхстаге со 196-ти до 288-ми мест²⁵⁹.

Выборы в рейхстаг дали А. Гитлеру возможность разрешить поставленную им важнейшую задачу: обеспечить новому национал-социалистическому правительству «плебисцитную» легитимность. При помощи этого мандата парламентская демократия фактически узаконила авторитарное руководство.

14 марта деятельность Коммунистической партии Германии оказалась под запретом. А. Гитлер приказал аннулировать депутатские мандаты депутатов от КПГ. В результате предлагаемые им чрезвычайные декреты стали проходить в рейхстаге без промедления. 24 марта вступили в действие два декрета такого рода. Первый из них – «Закон о защите народа и рейха»; второй – «Закон о полномочиях»²⁶⁰. В Германии, согласно «Закону о защите народа и рейха», временно отменялись важнейшие статьи германской Конституции, принятой в 1919 г., кроме 48-й, дававшей право правительству (с благословения президента) ограничивать права и свободы граждан. Именно П. фон Гинденбург дал добро на применение данной статьи. Тем самым все «формальности» для введения упомянутых чрезвычайных законов были соблюдены.

²⁵⁷ Хавкин Б. Л. Германский национал-социализм // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 183–193.

²⁵⁸ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 65–66.

²⁵⁹ Michalka W. Deutsche Geschichte: Dokumente zur Innen und Außenpolitik, 1933–1945. Frankfurt a / M.: Fischer, 1993. S. 342.

²⁶⁰ Hofer W. Der Nationalsozialismus: Dokumente, 1933–1945. Frankfurt a / M.: Fischer, 1959. S. 53–54.

Согласно «Закону о полномочиях», правительство Германии оказалось независимым не только от президентских правовых актов, но и свободным от союза с консервативными партиями. Тем самым устранилась сама возможность как организованной борьбы за власть, так и против нового режима.

События конца февраля-марта 1933 г., в результате которых Гитлеру удалось прийти к власти, в последующий период стали поворотным пунктом в развитии советско-германских политических и дипломатических отношений в худшую сторону. «Инициатором» этих изменений был сам Гитлер.

Однако следует отметить, что практические шаги германского правительства в направлении нагнетания напряженности во взаимоотношениях с СССР сопровождались рядом маневров, способных навести на мысль о его приверженности курсу на сотрудничество, которого придерживался Берлин в период Веймарской республики.

На первом же заседании нового состава рейхстага (23 марта 1933 г.) Гитлер выступил с речью, в которой декларировал намерение «поддерживать дружеские, выгодные для обеих сторон отношения» с СССР. Касаясь вопроса о борьбе с коммунизмом в Германии, он объявил эту борьбу «внутренним делом», которое якобы не влияет на германскую политику, проводимую на международной арене²⁶¹.

В апреле 1933 г. германским правительством было принято решение о ратификации протокола (от 24 июня 1931 г.) о продлении Берлинского торгово-экономического договора 1926 г. 5 мая 1933 г. в Москве произошел обмен ратификационными грамотами.

9 марта 1933 г. влиятельная газета, являвшаяся органом деловых кругов «Берлинер берзенцайтунг» писала о намерении нового руководства «сохранить прежние германо-советские отношения»²⁶². 21 марта 1933 г. было опубликовано интервью Г. Геринга, выдержанное точно в таком же ключе²⁶³. 9 мая 1933 г. нацистский официоз, газета «Фелькишер беобахтер», выступила в пользу сохранения дружественных взаимоотношений с СССР «в интересах взаимной пользы»²⁶⁴.

Однако подобного рода «примирительные» в отношении СССР декларации представителей нацистского руководства и подконтрольных ему средств массовой информации шли вразрез с практическими действиями Берлина. Национал-социалисты весной 1933 г. развернули антисоветскую кампанию, в ходе которой, в частности, были предприняты незаконные акции в отношении служащих из СССР, работавших в Германии. В том числе тех, кто обладал дипломатической неприкосновенностью. Германской стороне были заявлены протесты по всем подобным конкретным случаям²⁶⁵. Всего за 1933 г. полпредство СССР в Берлине направило в МИД Германии 217 нот протеста по поводу

²⁶¹ Hitler A. Op. cit. S. 236.

²⁶² Максимычев И.Ф. Указ соч. С. 45.

²⁶³ Там же. С. 52.

²⁶⁴ Там же. С. 54.

²⁶⁵ Arten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP) ... Dok. № 456.

различных антисоветских акций, не считая устных представлений. Однако в большинстве случаев все эти документы оставались без внимания с германской стороны²⁶⁶.

Представители высшего партийного руководства, лично И.В. Сталин получали исчерпывающую информацию о положении в Германии. В своей повседневной деятельности они имели доступ к нескольким ценным видам источников информации о Германии. В первую очередь это были важнейшие документы, имевшие отношение к советской дипломатии вообще и к взаимоотношениям с Германией в частности; докладные записки наркома иностранных дел; записи бесед в посольствах; шифровки полпредов; разведсводки и др., которые пересылались Сталину либо ограниченному числу членов ЦК ВКП(б).

М.М. Литвинов был в менее выгодном положении, чем И.В. Сталин и другие партийные руководители в том, что относилось к получению информации недипломатического происхождения. В распоряжении Литвинова находилась лишь часть документов, поступавших от ИНО НКВД и службы внешней разведки. Более того, подобного рода материалы он получал позже, чем Сталин и другие партийные руководители. До последних регулярно доводились обзоры иностранной прессы и сводки, которые составляли сотрудники Бюро международной информации ЦК ВКП(б), возглавляемого К. Радеком.

Однако к чести М.М. Литвинова, он компенсировал недостаток необходимой информации прекрасным знанием и пониманием реалий, имеющих отношение к дипломатическим, экономическим, политическим и военным аспектам внешней политики, находясь по сути в центре всей системы сведений о внешнем мире. Именно на нем лежала обязанность осуществления синтеза сведений о состоянии международного положения СССР²⁶⁷.

Вариант политического развития, по которому пошла Германия в 1933 г., был прямо противоположным ожидаемому советским руководством. Его надежды на пролетарскую революцию в этой стране становились все более призрачными. В то же время Германия оставалась традиционным стратегическим партнером СССР в первую очередь в хозяйственной области. В создавшихся условиях Москве было необходимо определить линию своего поведения в отношении нацистского правительства. С одной стороны, соотношение прагматических (дипломатических) и идеологических (коммунистических) доминант не позволяло открыто, на официальном уровне объявить новый режим власти в Германии враждебным СССР. С другой стороны, нельзя было сразу отказаться от формулы «национал-фашизма», что означало бы признание ошибкой прежнюю стратегию Коминтерна в его борьбе за «голоса и души немецких рабочих». Было необходимо определенное время для подготовки к изменению стратегии и тактики советской дипломатии и пропаганды в отношении Германии. Подготовка обеспечения нового курса путем создания благоприятного для реализации данной задачи информационного пространства была возложена советским руководством на средства массовой информации.

²⁶⁶ Документы внешней политики. Т. 16. С. 814–815.

²⁶⁷ Дюллен С. Указ. соч. С. 25.

В представлении Сталина политическая борьба в Германии осложнялась якобы предательской позицией Социал-демократической партии Германии (СДПГ). 20 марта 1933 г. он получил от И.А. Пятницкого проект письма ИККИ, адресованного Германской Коммунистической партии²⁶⁸. Вождь подверг этот текст тщательному редактированию. В частности, И.В. Сталин вычеркнул из представленного текста замечание о том, что фашистский террор направлен отчасти и против социал-демократии, внося уточнение: установление фашистской диктатуры в конечном счете является исключительно виной социал-демократов, результатом их сотрудничества с другими буржуазными партиями.

В то же время Сталин, как следует из редакторской правки им указанного документа, более трезво оценивал положение в нацистской Германии, чем руководство ИККИ. Хотя он оставил в тексте мысль о нарастании революционного подъема в этой стране, однако счел необходимым добавить: «Нынешнее затишье после победы фашизма есть временное явление». И.В. Сталин подчеркнул красным карандашом предложение, в котором утверждалось, что революционный подъем в Германии будет нарастать, а также уточняющие слова «еще более быстрым темпом» и на полях написал: «Нечего хорохориться. Надо признать, что они [национал-социалисты. – С.Е.] победили пока что»²⁶⁹.

29 марта 1933 г. переработанный с учетом сталинских замечаний текст, который теперь имел заголовок «Резолюция Президиума ИККИ по докладу о положении в Германии» вновь был направлен И.В. Сталину, а также В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу. В сопроводительной записке И.А. Пятницкий просил прочесть этот текст и дать указания, «какие изменения нужно в него внести». После новой сталинской редакторской правки окончательный текст документа был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) 31 марта 1933 г.²⁷⁰

Применительно к реалиям политической борьбы в Германии в тексте упоминавшейся выше «Резолюция Президиума ИККИ по докладу о положении в Германии»²⁷¹ употреблялись как формулировки, «привязанные» к дефинициям «национал-социалисты» («установление власти национал-социалистов»; «вооруженные банды национал-социалистов»), так и определения, бравшие начало от термина «фашисты» («установление фашистской диктатуры»; «боевые организации фашистской буржуазии») ²⁷². В первом абзаце проекта этого документа содержалось утверждение о том, что «германская буржуазия передала осуществление открытой фашистской диктатуры Адольфу Гитлеру и партии «национал-социалистов». После внесения сталинской правки приведенный пассаж стал выглядеть следующим образом: «...германская буржуазия передала осуществление открытой фашистской диктатуры *фашисту* [здесь и далее курсив мой. – С.Е.] Гитлеру и *его “национал-социалистической партии”*»²⁷³.

²⁶⁸ Коминтерн против фашизма. Док. № 77.

²⁶⁹ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 4.

²⁷⁰ Там же. Док. № 5, 6.

²⁷¹ Правда. 1933. 9 апр.

²⁷² СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 6.

²⁷³ Там же. С. 55.

Таким образом, из сталинских установок следовало, с одной стороны, что хотя применительно к партии, руководимой А. Гитлером, подходило определение «национал-социалистический», с другой стороны, они нацеливали пропагандистский аппарат на использование в отношении его режима термина «фашистский». Подобные установки рассматривались как директивные органами советской пропаганды.

Завизировав документ Коминтерна, содержащий прямые антинацистские выпады и лозунг уничтожения «фашистской диктатуры путем вооруженного восстания», Сталин, однако, изъял из него призывы к свержению правительства Гитлера²⁷⁴.

В данной связи следует привести один примечательный факт, который лишний раз свидетельствует о сталинском политическом прагматизме. Л.З. Мехлис 2 марта 1933 г. направил И.В. Сталину (со ссылкой на английскую газету «Дейли геральд») текст сообщения ее стокгольмского корреспондента, призванного дискредитировать Г. Геринга (правой руки) А. Гитлера. Газета писала о том, что в 1925 г. Геринг находился в сумасшедшем доме в Стокгольме. В упомянутой газетной заметке недвусмысленно упоминалась причина, по которой ближайший соратник Гитлера по НСДАП подвергся принудительному лечению: пристрастие к наркотикам.

В сопроводительной записке к публикации, помещенной в «Дейли геральд», Л.З. Мехлис задавал И.В. Сталину вопрос: стоит ли перепечатывать эту заметку в советской прессе? Сталинская резолюция была сколь лаконичной, столь и категоричной: «Не печатать»²⁷⁵.

Весной 1933 г. в связи с развернувшейся в Германии кампанией против коммунистов и против СССР в ряде документов, составленных членами Советского правительства, типичными являлись формулировки, которые свидетельствовали о неприятии политики национал-социалистического руководства.

Так, М.М. Литвинов отмечал в состоявшейся 3 апреля 1933 г. беседе с германским послом в СССР Г. фон Дирксеном (который тогда еще не являлся сторонником НСДАП)²⁷⁶: «В Германии мы сейчас имеем дело не с отдельными локальными случаями, а с массовой травлей всего, что носит название советского»²⁷⁷.

7 апреля 1933 г. заместитель Народного комиссара внешней торговли СССР И.Я. Вейцер в письме на имя наркома А.П. Розенгольца излагал те мотивы, которыми, по его мнению, определялись враждебные СССР акции нацистского руководства. Основная задача нацистов состояла в искоренении германских коммунистов, которых поддерживала Москва. Перед лицом этой главной задачи «терпимость к русским» была просто недопустима: необходимо было «разбить их позиции, могущие сыграть роль очага немецкого коммунизма».

²⁷⁴ Там же. С. 60.

²⁷⁵ Большая цензура ... Док. № 206.

²⁷⁶ Линке Х.Г. Общность судеб? Советский Союз политических расчетах германских послов в Москве с 1922 по 1941 гг. // Россия и Германия в XX веке: в 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 151.

²⁷⁷ Документы внешней политики. Т. 16. Док. № 106.

В то же время Вейцер обратил внимание на очень важный торгово-экономический аспект политики нацистского руководства в отношении СССР, который не позволял А. Гитлеру допустить открытого разрыва с Москвой. По его мнению неопределенность международной обстановки и неясность «перспектив по сколачиванию международных блоков» заставляли нацистское руководство поддерживать с Советским Союзом «более или менее “нормальные” отношения, не доводя их до открытого разрыва».

В записке И.Я. Вейцера излагались факты, связанные с ситуацией, сложившейся вокруг советско-германской компании «Дероп», занимавшейся продажей нефтяных продуктов. В Германии был совершен ряд обысков и налетов на ее отделения и склады, производились аресты сотрудников компании и т. д. и т. п. По словам главы берлинского гестапо Р. Дильса, «Дероп» в условиях «острой борьбы с коммунистами» являлся той ячейкой, которая при наличии советских сотрудников сохраняла и поддерживала их кадры, «обладая при этом разветвленной по всей Германии сетью». Дильс заявил советским представителям, что упомянутая компания якобы готовила кадры для борьбы с национал-социалистическим строем. Он был убежден: необходимо произвести коренные изменения в «Деропе». Р. Дильс предлагал значительно сократить число советских сотрудников; поставить во главе отдела кадров немца, который произведет «чистку» аппарата компании; прикомандировать специального германского представителя «для облегчения проведения необходимых мероприятий»²⁷⁸.

8 апреля 1933 г. М.М. Литвинов направил Сталину записку с просьбой опубликовать в советской печати сообщение ТАСС в связи с антисоветскими провокациями в Германии, совершенными, в частности, против советских сотрудников компании «Дероп». Эта просьба М.М. Литвинова была удовлетворена²⁷⁹. Министр иностранных дел Германии К. фон Нейрат проявил обеспокоенность в связи с донесениями германского посла в Москве Г. фон Дирксена о развернувшейся в советской печати антигерманской кампании. 16 апреля Нейрат обратился в Министерство внутренних дел с требованием информировать его обо всех акциях внутри страны, которые затрагивают интересы Советского Союза. 28 апреля МВД Германии дало, согласно просьбе внешнеполитического ведомства, необходимое предписание²⁸⁰. Одновременно А. Гитлер впервые принял советского полпреда Л.М. Хинчука²⁸¹.

Хинчук считал необходимым продолжать следовать установкам Рапалльского договора 1922 г. В своей записке на имя И.В. Сталина от 27 мая 1933 г. он констатировал, что приход Гитлера к власти сопровождался волной «бесчинств и безобразий по отношению к советским организациям и гражданам Германии»²⁸². Однако, отмечал полпред, эта волна «отнюдь не прекратившись, все же несколько спала» после ратификации Берлинского протокола и

²⁷⁸ Москва – Берлин ... Т. 3. Док. № 4.

²⁷⁹ Там же. Док. № 5.

²⁸⁰ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP) ... Dok. № 456.

²⁸¹ Документы внешней политики. Т. 16. Док. № 138.

²⁸² СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 9.

аудиенции, которую устроили ему А. Гитлер и Г. Геринг. В связи с чем Л.М. Хинчук предлагал рассмотреть вопрос о размещении в Германии советских заказов при условии предоставления немцами СССР длительных кредитов.

Более откровенно свое кредо в отношении перспектив дальнейших взаимоотношений между Советским Союзом и Германией Хинчук изложил в записке на имя Л.М. Кагановича (8 июля 1933 г.): «Я считаю, что нам тоже, сближаясь с Францией, Польшей и другими государствами, не следует прежде времени *сбрасывать маску* [курсив наш. – С.Е.] и начинать безудержную антигерманскую кампанию. Здесь необходимо соблюдать известные пропорции, которые целиком определяются внешнеполитической целесообразностью. Если мы открыто признаем, что от советско-германских отношений осталось пустое место, то это лишь понизит нам цену в глазах противников Германии»²⁸³.

К этому времени завершился процесс запрещения альтернативных НСДАП политических партий. 23 июня Г. Геринг издал циркуляр, в котором, в частности, утверждалось, что Социал-демократическая партия своим поведением проявила себя как враждебная народу и государству Германии организация. Члены СДПГ лишались своих мандатов в рейхстаге. Нацисты устроили гонения на партию в целом²⁸⁴.

Вскоре после запрета КПГ и СДПГ на основании «Закона об образовании новых партий» от 14 июля 1933 г. НДАП объявлялась единственной политической партией в Германии²⁸⁵. Таким образом, пришел конец основам многопартийности Веймарской демократической республики, и установился однопартийный режим НСДАП.

4 августа 1933 г. германский посол Г. фон Дирксен был принят главой Советского правительства В.М. Молотовым. В ответ на упрек Дирксена в том, что «во внешней политике Советского Союза произошел резкий поворот в отношении Германии и притом в крайне отрицательном отношении», Молотов заявил следующее: «Мы стремимся сохранить дружественные отношения с Германией, но если мы встречаем со стороны официальных германских деятелей [имелись в виду А. Гитлер и другие нацистские бонзы. – С.Е.] неоднократные враждебные СССР выступления, то это заставляет нас настороженно относиться к новым тенденциям их политики и внимательно изучать, насколько глубоко эти выступления отражали истинные намерения»²⁸⁶.

Между тем процесс о поджоге рейхстага, по которому в качестве обвиняемых проходили М. ван дер Люббе, германский коммунист Э. Торглер, члены Болгарской коммунистической партии Г.М. Димитров, Б. Попов и В. Танев, был передан в Лейпцигский суд (IV-й уголовный сенат). Члены этого суда пытались изобразить из себя инстанцию,

²⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 107. Л. 87.

²⁸⁴ Ministerialblatt für die Prussische innere Vier Waltung. 1933. № 1. S. 160–164.

²⁸⁵ Щепетов К.П. Димитров против Геринга: (Крах фашистских измышлений Геринга против КПГ и Коминтерна) // Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. Первая крупная морально-политическая победа над фашизмом. М., 2004. С. 30.

²⁸⁶ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 12.

действующую в соответствии с правовыми нормами, уголовным и уголовно-процессуальным кодексами²⁸⁷.

В Москве внимательно наблюдали за подготовкой и ходом Лейпцигского процесса, который продлился с 21 сентября по 23 декабря 1933 г. Сталин с 18 августа по 4 ноября находился на отдыхе в Сочи. Поэтому все решения, связанные с освещением в советской печати событий, связанных с поджогом рейхстага и Лейпцигского процесса, предварительно формулировались Л.М. Кагановичем и другими ближайшими сталинскими соратниками по Политбюро ЦК ВКП(б), остававшимися на партийном «хозяйстве» в Москве.

Накануне Лейпцигского процесса А.И. Стецкий подготовил проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О печати в связи с процессом о поджоге рейхстага»²⁸⁸. Документ состоял из 2-х пунктов. В первом пункте формулировалась задача широкого использования советскими газетами в своих публикациях «Коричневой книги о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре», а также материалов международной следственной комиссии («контрпроцесса» в Лондоне). Кроме того, А.И. Стецкий предлагал опираться на данные зарубежной прессы с разоблачением «фашистских инсценировок» пожара рейхстага и суда над Э. Торглером и болгарскими коммунистами. При этом, газета «Известия» не публиковала материалы, касавшиеся «лично членов германского правительства».

Советская печать разоблачала нацистский суд; обвинения, выдвинутые им против коммунистов, должны были интерпретироваться как «провокационный поклеп» с целью «подорвать растущий авторитет германской компартии среди трудящихся и рост ее активности в борьбе с фашизмом».

Во втором пункте упомянутого документа содержалось конкретное предложение о создании комиссии по руководству печатью. В ее состав должны были войти сам А.И. Стецкий, а также А.И. Пятницкий, М.М. Литвинов и Я.Г. Долецкий.

13 сентября 1933 г. в 18.00 в сталинский служебный кабинет в Кремле, где уже присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) М.И. Калинин, В.В. Куйбышев и А.И. Микоян, а также И.А. Пятницкий, были приглашены Л.З. Мехлис и И.М. Гронский. Последние пробыли там 20 минут. Затем с 18.20 до 18.40 в сталинском служебном кабинете находился М.М. Литвинов²⁸⁹. Возможно, члены Политбюро согласовывали с ними проект постановления, предложенный А.И. Стецким. В конечном счете Л.М. Каганович оставил лишь второй пункт этого постановления, перенумерованный им на первый. Причем в этот пункт Каганович внес некоторые исправления: вписал слово «предс.» (председатель) после фамилии Стецкого и добавил в конце фамилии Мехлиса и Гронского²⁹⁰.

13 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило согласованное предварительно с И.В. Сталиным²⁹¹ решение о создании комиссии по руководству печатью. Состав этой

²⁸⁷ Шириня К.К. Указ. соч. С. 10.

²⁸⁸ Большая цензура ... Док. № 224.

²⁸⁹ На приеме у Сталина ... С. 109.

²⁹⁰ Большая цензура ... С. 301.

²⁹¹ Сталин и Каганович. Переписка ... Док. № 334.

комиссии включал заведующего Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А.И. Стецкого (он был председателем комиссии), заведующего Отделом печати Л.З. Мехлиса; члена Исполкома Коминтерна И.А. Пятницкого; главу внешнеполитического ведомства М.М. Литвинова; ответственных руководителей советских СМИ – Л.З. Мехлиса (газета «Правда»), И.М. Гронского (газета «Известия») и Я.Г. Далецкого (ТАСС)²⁹².

17 сентября Л.М. Каганович передал И.В. Сталину просьбу редколлегии газеты «Правда» о направлении в Париж журналиста М.Е. Кольцова с целью освещения процесса о поджоге рейхстага. При этом Каганович выразил сомнение в целесообразности этой поездки и просил Сталина сообщить его мнение по данному вопросу²⁹³. Однако И.В. Сталин 18 сентября 1933 г. ответил Л.М. Кагановичу, что, наоборот, не возражает против поездки Кольцова в Париж²⁹⁴.

19 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) (под грифом «Особая папка») приняло два решения: «О Кольцове М.» и «Вопрос “Правды”». Согласно первому из них была удовлетворена просьба редколлегии газеты «Правда» о поездке Кольцова в Париж для освещения в печати процесса о поджоге рейхстага. Согласно второму решению Политбюро, были отпущены валютные средства на эту поездку²⁹⁵.

В тот же день А.И. Стецкий и Л.З. Мехлис с 17.00 до 17.20 присутствовали в сталинском служебном кабинете в Кремле, где находились также Л.М. Каганович, М.И. Калинин и А.И. Микоян²⁹⁶. Скорее всего, члены только что созданной комиссии по руководству печатью получили соответствующую директиву Политбюро. На этот вывод наводит следующее сообщение Кагановича, направленное Сталину: «О процессе поджога Рейхстага мы дали указания, чтобы освещали без искусственного взвинчивания...»²⁹⁷. В этой формулировке под местоимением «мы» явно подразумевались члены Политбюро ЦК ВКП(б), а за глаголом «освещали» стояли входившие в состав комиссии по печати А.И. Стецкий и Л.З. Мехлис. Из письма Л.М. Кагановича становится ясной причина, по которой не был принят второй пункт проекта постановления от 13 сентября 1933 г., предложенный А.И. Стецким.

В день открытия Лейпцигского судебного процесса (21 сентября 1933 г.) произошли события, которые послужили началом для продолжавшегося более месяца советско-германского «журналистского конфликта». Как писал Г.А. Бордюгов, даже на протяжении этого конфликта постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б) по германскому вопросу был присущ сугубо «прагматичный стиль»²⁹⁸. Данное замечание, как представляется, требует определенной корректировки.

²⁹² СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 15.

²⁹³ Сталин и Каганович. Переписка ... Док. № 343.

²⁹⁴ Там же. Док. 345.

²⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 78.

²⁹⁶ На приеме у Сталина ... С. 110.

²⁹⁷ Сталин и Каганович. Переписка ... Док. № 355.

²⁹⁸ Бордюгов Г.А. Указ. соч. С. 30.

«Журналистский конфликт» возник между СССР и Германией в сентябре 1933 г. К его разрешению были причастны представители высшего политического руководства, главы внешнеполитических ведомств, руководители СМИ обеих стран.

21 сентября полпред СССР в Германии Л.М. Хинчук телеграфировал в Москву о том, что статс-секретарь германского МИДа Б.В. фон Бюлов в официальном письме сообщил об отказе в допуске советских журналистов на Лейпцигский процесс. Немецкая сторона мотивировала отказ «независимостью суда», а также необъективностью советской прессы и радио, проявленной при освещении событий, связанных с этим процессом²⁹⁹.

Л.М. Каганович и В.М. Молотов 22 сентября уведомили И.В. Сталина об этом инциденте: «Несмотря на то, что на процесс о поджоге рейхстага допущены корреспонденты всех стран, только наши корреспонденты не допущены (в том числе, и представитель ТАССа). Тов. Литвинов предлагает заявить наш протест и предупредить, что мы со своей стороны не останемся в долгу и вышлем их корреспондентов и отзывем своих»³⁰⁰.

В тот же день германские власти подвергли аресту и обыску представителя ТАСС И. Беспалова и корреспондента газеты «Известия» в Берлине Л. Кайт. Однако советские журналисты были немедленно освобождены. Как отмечалось в отчете полпредства СССР в Германии за 1933 г., они уехали в Лейпциг еще до того, как с германской стороны последовал официальный отказ в их допуске на процесс. Однако, несмотря на это, Беспалов и Кайт «были арестованы в Лейпциге со всеми унижительными атрибутами и принадлежностями фашистского ареста»³⁰¹.

С согласия Сталина 23 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло (под грифом «Особая папка») решение по «Вопросу НКИДа». Л.М. Хинчуку поручалось немедленно заявить германскому правительству протест по поводу отказа в допуске на Лейпцигский процесс советских журналистов, их ареста и обыска, а также предупредить о возможности высылки немецких корреспондентов из СССР и отзыве своих из Германии³⁰². В тот же день советник полпредства СССР в Германии С.А. Бессонов вручил легационному советнику МИД Германии В. Фон Типпельскирху вербальную ноту, в основу которой была положена упомянутая директива Политбюро ЦК ВКП(б)³⁰³.

Эти ответные меры советского руководства были беспрецедентными в дипломатической практике и продемонстрировали подлинное, а именно, напряженное состояние взаимоотношений с Германией. Они показали также, что терпение советской стороны уже исчерпано, и она готова для того чтобы оградить свои интересы прибегнуть к самым решительным средствам.

В опубликованной переписке за 23 сентября – 1 октября между И.В. Сталиным и членами Политбюро ЦК ВКП(б), остававшимися в Москве, нет никаких сведений о реакции

²⁹⁹ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 16.

³⁰⁰ Сталин и Каганович. Переписка ... Док. № 358.

³⁰¹ Документы внешней политики. Т. 16. Примеч. 226. С. 858.

³⁰² СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 17.

³⁰³ Документы внешней политики. Т. 16. Примеч. 237. С. 858.

вождя на «журналистский конфликт». Обращение к журналу посетителей сталинского кабинета в Кремле, к сожалению, не способствует прояснению ситуации: с 26 сентября по 12 октября прием в нем не осуществлялся³⁰⁴.

Между тем в последние дни сентября конфликт стал стремительно набирать обороты. Утром 26 сентября Ф. фон Твардовский узнал о намерении Советского правительства немедленно отозвать своих журналистов из Германии, а также выслать из СССР в течение трех дней всех немецких корреспондентов, в том числе – консультанта прессы при германском посольстве в Москве. Твардовский направил М.М. Литвинову ноту, в которой заявил «энергичный протест» по поводу этой высылки³⁰⁵. Затем он был приглашен на беседу к Литвинову. «Сильно волнуясь», Ф. фон Твардовский, в частности, заявил М.М. Литвинову, что высылка немецких корреспондентов из Москвы является, по его мнению, «чрезвычайно резкой мерой»³⁰⁶. В то же время Твардовский фактически признал вину германской стороны в том, что советских журналистов не допустили на Лейпцигский процесс и насильственно задержали, однако счел необходимым подчеркнуть: полицей-президент уже приносил свои извинения.

Далее временный поверенный в делах Германии в СССР пытался оправдать поведение немецких властей в «журналистском конфликте» тем, что в стране произошла революция, «хотя и не кровавая, но все же расшатавшая основательно власть и имевшая своим последствием известную недисциплинированность властей». Он также счел необходимым напомнить: случаев ареста германских граждан в СССР было немало, однако правительство Германии никогда не реагировало на них таким образом, как это сделало советское в данном конкретном случае с журналистами.

В ответ М.М. Литвинов со всей твердостью констатировал следующее. Советская сторона неоднократно заявляла протесты по поводу неправомерных действий германских властей в отношении граждан СССР. В ответ МИД Германии, по словам Литвинова, лишь любезно принимал подобные протесты, выражал сожаление, приносил извинения, обещал принять меры, но уже на следующий день антисоветские выходки повторялись. Как считал М.М. Литвинов, в Германии переоценивали терпение советской стороны. Немецкое правительство якобы даже «стало привыкать» к советским протестам, «как к совершенно нормальному явлению», просто перестав их воспринимать.

Литвинов заявил также, что советское правительство полностью учитывает политическое значение предпринятого им шага, который был продиктован сознанием достоинства «и невозможностью дольше терпеть издевательское отношение германских властей»³⁰⁷.

Политбюро 26 и 27 сентября приняло (под грифом «Особая папка») последовательно три постановления по данному вопросу. Два из них действительно были (если использовать

³⁰⁴ На приеме у Сталина ... С. 110.

³⁰⁵ Документы внешней политики. Т. 16. С. 537–538.

³⁰⁶ Там же. С.538.

³⁰⁷ Документы внешней политики. Т. 16. С. 534.

формулировку Г.А. Бордюгова) по стилю «прагматичными». Однако они отличались особой резкостью в оценке действий германской стороны. Первым из этих постановлений («Сообщение ТАСС») Политбюро утвердило текст, который следовало опубликовать «от имени» Телеграфного Агентства Советского Союза: «Вследствие недопустимых условий, созданных германскими правительственными органами для работы представителей советской печати в Германии, подвергавшихся арестам, обыскам и т. п. и, наконец, лишенных доступа на Лейпцигский судебный процесс, где присутствуют представители других стран, ТАСС, «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и «Правда» отозвали своих корреспондентов из Берлина. Одновременно правительство СССР постановило выслать всех представителей германской печати в Москве, которым 26 сентября предложено в трехдневный срок покинуть пределы СССР»³⁰⁸.

В тот же день было принято решение Политбюро «О Германии». Этим решением утверждался текст ответной ноты М.М. Литвинова Ф. фон Твардовскому. В упомянутом советском документе, появление которого мотивировалось «систематическим преследованием представителей прессы СССР и рядом оскорбительных действий со стороны германских властей», утверждалось: «Эти действия создали для советских журналистов в Германии особый режим и условия, в которых они лишены возможности выполнять свои функции»³⁰⁹.

Советское посольство в Берлине, напоминал нарком иностранных дел в своей ноте, неоднократно заявляло протесты по этому поводу в адрес германского МИДа. Эти протесты внешнеполитическое ведомство Германии находило обоснованными и справедливыми, обещая принять соответствующие меры, однако репрессивные действия «не только не прекращались, но и принимали все более оскорбительные формы». Во всяком случае, констатировал М.М. Литвинов в своей ноте на имя Ф. фон Твардовского, Советскому правительству не было известно «ни одного случая, когда виновные лица или органы власти понесли бы какое-нибудь наказание за недисциплинированность»³¹⁰.

Оно не могло мириться в дальнейшем с создавшимся положением, и в то же время не желало становиться на путь ответных «репрессивных мер в отношении представителей германской прессы». Поэтому «предпочло прямо заявить им о невозможности» в дальнейшем оставаться на территории СССР³¹¹.

26 сентября А. Гитлер в присутствии министров своего правительства провел беседу с Б.В. фон Бюловым. Гитлер заявил, что осознает разницу между внутренней и внешней политикой, а поэтому «в состоянии и готов наладить на практике дружественные отношения с СССР и рассеять напряженное состояние». В то же время Гитлер считал необходимым отметить: «...в настоящий момент из-за Лейпцигского процесса ввиду резкой установки и соответствующей пропаганды трудно провести ослабление напряженности». Когда же

³⁰⁸ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 19.

³⁰⁹ Документы внешней политики. Т. 16. С. 536.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Там же. С. 537.

Б.В. фон Бюлов сообщил канцлеру Германии о многочисленных конфликтах, возникших по вине германских властей, А. Гитлер и рейхсминистр внутренних дел В. Фрик заметили в ответ, что «это не соответствует их желаниям и необходимо внести полную ясность повсюду о недопустимости» подобного рода инцидентов. Однако Гитлер высказал твердое убеждение: «...он находит правильным решение суда о недопущении советских журналистов к процессу [в Лейпциге. – С.Е.], ибо совпресса имела к этому процессу партийную установку».

27 сентября упомянутая нота М.М. Литвинова была через Ф. фон Твардовского переслана Б.В. фон Бюлову. Последний пояснил полпреду Л.М. Хинчуку, ссылаясь на мнение А. Гитлера: советское требование о разрешении допуска журналистов из СССР на Лейпцигский процесс невозможно выполнить. Что касается наказания представителей германских полицейских органов, виновных в дискриминационных действиях, направленных против них, то, по мнению Б.В. фон Бюлова, это требовало «большого времени»³¹².

В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло второе решение «О Германии». Срок высылки немецких журналистов из СССР был продлен до 30 сентября, причем ходатайства о дальнейшем продлении рекомендовалось не принимать к рассмотрению³¹³.

29 сентября полпредство СССР в Берлине получило от германского МИДа вербальную ноту в ответ на протест в связи с решением советской стороны об отзыве своих журналистов из Германии и о прекращении деятельности германских корреспондентов в СССР. Текст этой ноты был отослан И.В. Сталину. Однако Л.М. Каганович и В.М. Молотов предлагали не давать ответной ноты НКИДа, а ограничиться сообщением в советской печати от имени ТАСС. Текст этого сообщения был отослан Кагановичем и Молотовым на согласование Сталину 2 октября. В нем, в частности, утверждалось, что «германская вербальная нота произвела неблагоприятное впечатление в советских правительственных кругах»³¹⁴. И если ранее официальные лица Германии объясняли «известные действия» своих властей их «недисциплинированностью», то теперь они покрывали подобные действия, принимая за них полную ответственность.

С согласия И.В. Сталина текст сообщения ТАСС, предложенный Л.М. Кагановичем и В.М. Молотовым, был опубликован³¹⁵.

Таким образом, «журналистский конфликт», связанный с освещением в печати хода Лейпцигского процесса о поджоге рейхстага, к концу сентября 1933 г. достиг своей кульминационной точки. Однако в октябре усилиями обеих сторон он был, наконец, постепенно разрешен. Первый шаг в этом направлении сделала советская сторона.

8 октября 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) (под грифом «Особая папка») приняло решение «О радиопередачах на иностранных языках». Согласно этому постановлению передачи на немецком языке должны были вестись «главным образом по вопросам

³¹² СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 20.

³¹³ Там же. Док. № 21.

³¹⁴ Сталин и Каганович. Переписка ... Док. № 375.

³¹⁵ Правда. 1933. 3 окт.

внутренней информации»³¹⁶. Сообщения ТАСС о Лейпцигском процессе допускалась «без личных нападок на членов германского руководства». Контроль за проведение радиопередач по данной тематике Политбюро возлагало на К.А. Уманского.

Настала очередь германской стороны сделать ответный шаг к примирению. Решительные действия Советского Союза означали ослабление международных позиций Германии, поскольку нацистская дипломатия была лишена возможности, ведя по существу наступление на советские интересы, поддерживать фикцию сохранения нормального характера советско-германских отношений. Положение нацистской Германии усугублялось еще и тем, что намечавшийся разрыв с Лигой наций автоматически подрывал шансы введения в действие «пакта четырех», которым планировалось обезопасить западные границы. Окончательный текст пакта по настоянию Франции был довольно тесно привязан к механизму этой международной организации. А. Гитлеру стало ясно, что игру с Западом придется начинать заново. И в этих условиях немцы в конечном счете были вынуждены отступить в «журналистском конфликте».

Накануне выхода Германии из Лиги наций личный представитель Геринга, ссылаясь на его поручение, установил прямой контакт с советским полпредством в Берлине и обещал добиться отмены запрещения для советских корреспондентов присутствовать на процессе в Лейпциге. Позднее эмиссар Геринга объяснял Нейрату столь необычный образ действия необходимостью поспешить, поскольку, по его словам, германо-русские отношения могли не выдержать подобной нагрузки³¹⁷.

14 октября Л.М. Хинчук сообщал: Г. Геринг лично убедился, что никаких выпадов против него ни в советской печати, ни в радиопередачах из Москвы не встречается. Он передал распоряжение председателю суда на процессе в Лейпциге В. Бингеру разрешить советским журналистам присутствовать на его заседаниях³¹⁸.

19 октября Л.М. Хинчук сообщил М.М. Литвинову об отданном А. Гитлером распоряжении допустить советских корреспондентов – представителей газеты «Известий» и ТАССа – на Лейпцигский процесс. При этом Гитлер выразил уверенность в том, что советские журналисты «будут объективны»³¹⁹.

Это сообщение Л.М. Каганович и В.М. Молотов переправили 21 октября И.В. Сталину. По мнению Кагановича и Молотова, не стоило настаивать на допущении на Лейпцигский процесс представителя газеты «Правда». Они предлагали направить Л.М. Хинчуку следующую директиву. Если немцы опубликуют сообщение о том, что корреспонденты «Известий» и ТАССа допущены на судебные заседания в Лейпциге, а виновные в аресте этих журналистов наказаны, то советская сторона разрешит немецким журналистам вновь

³¹⁶ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 22.

³¹⁷ Дирксен Г. фон. Указ. соч. С. 32.

³¹⁸ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 23.

³¹⁹ Там же. Док. № 24.

работать в СССР. Следовало также добиться от германских властей возвращения в Берлин корреспондента газета «Правда». Данная директива была одобрена И.В. Сталиным³²⁰.

22 октября Л.М. Каганович и В.М. Молотов направили Сталину свое предложение: М.М. Литвинов на пути в США, куда направлялся с визитом, должен сделать остановку в Берлине и не отказываться от встречи с министром иностранных дел Германии К. фон Нейратом или с А. Гитлером (если тот пожелает). В случае если германская сторона будет предлагать подписать протокол об улаживании конфликтов, то идти на это следовало при одном условии: немцы должны публично в той или иной извиняющейся форме выразить сожаление «по поводу ряда неправильных действий германских властей в конфликте о журналистах»³²¹. На случай, если представители руководства Германии отказались бы от требования протокола, М.М. Литвинову рекомендовалось «ограничиться беседой в тоне, дающем им понять, что мы [то есть официальные власти СССР. – С.Е.] не намерены углублять конфликта» и готовы «сделать все необходимое для восстановления прежних отношений»³²².

После одобрения И.В. Сталина данные инструктивные указания были переданы М.М. Литвинову и утверждены 25 октября решением Политбюро (под грифом «Особая папка»)³²³.

Между тем первый секретарь полпредства СССР в Германии Б.Д. Виноградов получил от представителя МИД Германии Р. Мейера (Майера) немецкий проект коммюнике, касавшийся советско-германского «журналистского конфликта». В нем, в частности, содержался пункт о том, что пресса и радио обеих стран постараются «избегать агрессивного поведения» по отношению друг к другу. Но этот пункт был категорически отвергнут Виноградовым³²⁴.

27 октября Л.М. Хинчук сообщал Н.Н. Крестинскому, что в беседе с Р. Мейером и К. фон Нейратом сумел добиться изъятия из предложенного германской стороной текста коммюнике относительно «журналистского конфликта» исходного пункта о вмешательстве во внутренние дела друг друга³²⁵. В нем утверждалось, что основой для достижения соглашения между СССР и Германией является согласие их правительств «на поддержание взаимных отношений, не нарушая различия правительственных систем обеих стран, и что вмешательство во внутренние обстоятельства другого государства никаким образом не должно происходить»³²⁶. Советскому полпреду также удалось убедить немцев отвести формулировку об отказе «прессы и радио от агрессивных выступлений».

Вместе с тем в качестве основного условия ликвидации «журналистского конфликта» и опубликования советско-германского коммюнике ставилось «согласие в принципе на допуск

³²⁰ Сталин и Каганович. Переписка ... Док. № 412.

³²¹ Там же. Док. № 413.

³²² Там же. Док. № 413.

³²³ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 26.

³²⁴ Там же. Док. № 27.

³²⁵ Там же. Док. № 28.

³²⁶ Там же. Док. № 27.

для работы в Москву двух представителей от нацистских центральных газет («Фелькишер беобахтер» и «Ангриф»)) – правительственных печатных органов Германии³²⁷.

28 октября М.М. Литвинов и Л.М. Хинчук встретились с К. фон Нейратом в германском МИДе и имели с провели получасовую беседу. В ходе разговора главы внешнеполитических ведомств СССР и Германии среди других затронули и «тему о журналистах». Литвинов выразил удивление по поводу того, что немецкая сторона связывала формулировку двустороннего коммюнике с требованием допустить в Москву журналистов двух вышеупомянутых нацистских газет. По его мнению, подобное требование могло привести на мысль, будто ранее этим журналистам было отказано в аккредитации. Более того, со слов М.М. Литвинова следовало, что от немцев в Москве «не получали никаких предложений на этот счет». В дальнейшей беседе Литвинову удалось убедить Нейрата: не следует требовать от руководства СССР каких-либо уступок в связи с выработкой текста советско-германского коммюнике относительно «журналистского конфликта».

29 октября М.М. Литвинов сообщал в Москву о том, что в ходе переговоров с германской стороной удалось соблюсти условие «изолированного разрешения журналистского конфликта», поскольку в проекте коммюнике говорилось лишь о допущении советских корреспондентов на Лейпцигский процесс и не упоминалось вовсе о возвращении в Москву германских журналистов. Обращаясь к членам Политбюро ЦК ВКП(б), Литвинов рекомендовал не настаивать на извинениях за аресты, которым подвергались представители центральных советских газет и ТАССа, поскольку по этому поводу «немцы уже дважды публично выражали сожаление». Он также считал нецелесообразным вновь требовать наказания виновных, допустивших эти аресты, поскольку подобные требования могли привести к затягиванию конфликта и обострить и без того напряженные отношения между СССР и Германией. М.М. Литвинов советовал «дать согласие на опубликование коммюнике» уже 30 октября, считая документ победой советского руководства, которая сможет к тому же укрепить его положение как главы внешнеполитического ведомства накануне предстоявшего визита в Соединенные Штаты Америки.

В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) (под грифом «Особая папка») приняло решение утвердить предложение Литвинова «относительно коммюнике, согласованного с Хинчуком и Нейратом»³²⁸.

Таким образом, «журналистский конфликт» между Германией и СССР, связанный с проблемой допуска представителей советских СМИ (газет «Правда», «Известия» и ТАСС) на Лейпцигский процесс о поджоге рейхстага, был исчерпан. С германской стороны инициаторами подобного исхода дела стали А. Гитлер и Г. Геринг. 1 ноября в беседе с Н.Н. Крестинским Г. фон Дирксен утверждал, что именно Геринг, являвшийся, по его словам, «более, чем Гитлер, государственным человеком», в конечном счете пошел на ликвидацию этого инцидента. Однако Нейрат внес одно уточнение: самостоятельно Геринг

³²⁷ Там же. Док. № 28.

³²⁸ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 30.

не смог бы решить возникшую проблему, из-за чего и произошла заминка. В конечном счете в интерпретации германского дипломата получалось, что именно А. Гитлер и «санкционировал сделанную немецкой стороной в этом вопросе уступку»³²⁹ Москве.

В отчете о работе советского полпредства в Берлине за 1933 г. констатировалось: «...решительное поведение СССР в журналистском конфликте заставило германское правительство всерьез задуматься над последствиями своего поведения и круто изменить свое отношение к совучреждениям и гражданам в Германии». В результате «волна бесчинств и безобразий» по отношению к ним стала заметно спадать и в конце года сошла почти на нет»³³⁰.

Что же касается советского руководства, то трудно не согласиться с выводом Б. Бонвеча и С. Кудряшова, которые отмечали, имея в виду «журналистский конфликт»: в отношении Германии представители в Москве избегали переходить на лица, «но в важных делах проявляли твердость». При этом названные авторы по достоинству оценили несомненную заслугу М.М. Литвинова, который «уладил это дело в Берлине в беседе с министром иностранных дел Нейратом и лично отсоветовал Москве требовать от немцев публичных извинений». Бонвеч и Кудряшов, не упоминая И.В. Сталина, прибегли к безличному глаголу «приняли», имея в виду реакцию Политбюро ЦК ВКП(б) на предложения Литвинова³³¹.

Этих авторов можно понять. Ведь пока в распоряжении исследователей нет заслуживающих внимания документов, которые помогли бы расставить все точки на *i* в вопросе о мотивации И.В. Сталина на завершающей стадии «журналистского конфликта». Можно предположить, что советский лидер пошел на определенные уступки А. Гитлеру в этом конфликте и согласился с примирительным предложением М.М. Литвинова, изложенным в его сообщении от 29 октября, поскольку именно в этот период угрожающих размеров достигли противоречия между СССР и враждебно настроенной по отношению к нему Японией.

Усиление опасности на Дальнем Востоке со стороны агрессивного соседа, который открыто проводил милитаристскую политику, дало основание И.В. Сталину выступить с инициативой о начале «осмысленной» подготовки и обработки «общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии», ее «милитаристов». Подобного рода «обработка» была невозможна без привлечения советских средств массовой информации.

В своей телеграмме от 21 октября 1933 г. на имя Л.М. Кагановича Сталин изложил целую программу действий по развертыванию антияпонской пропаганды в советских СМИ³³². Начиная с 26 октября в газете «Правда» стали регулярно появляться материалы о Японии. В дальнейшем, в связи с обострением советско-японских отношений по вопросу о продаже КВЖД, И.В. Сталин неоднократно давал указания о развертывании контркомпании

³²⁹ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 31.

³³⁰ Документы внешней политики. Т. 16. С. 815.

³³¹ Бонвеч Б., Кудряшов С. Указ. соч. С. 18.

³³² Сталин и Каганович. Переписка ... Док. № 411.

в ответ на японскую кампанию в печати, направленную против СССР³³³. Эта советская пропагандистская контркампания пришлась как раз на период, когда был благополучно исчерпан «журналистский конфликт» между Германией и СССР.

С момента прихода А. Гитлера к власти, как уже отмечалось выше, И.В. Сталин не упускал случая и давал директивные указания руководителям ИККИ, которые активизировали свои усилия по разоблачению «фашистской диктатуры» в Германии. Так, 26 октября 1933 г. Л.М. Каганович и В.М. Молотов направили И.В. Сталину шифротелеграмму, в которой излагалось предложение руководства ИККИ по отношению к назначенным на 12 ноября 1933 г. выборам в рейхстаг и к референдуму относительно выхода Германии из Лиги наций и из конференции по разоружению. Деятели Коминтерна предлагали бойкотировать выборы в рейхстаг и развернуть широкую кампанию в Германии, направленную против Версальского мира, которая должна была также разоблачать внутреннюю политику Гитлера, его «фашистскую диктатуру»³³⁴.

Сталин посчитал, что предлагаемый ИККИ бойкот является неприемлемым. Это было бы, по его словам, «простое воздержание от выборов», в то время как большевики признавали лишь активные формы борьбы, связанные с революционными действиями. Однако И.В. Сталин понимал, что в условиях политического террора, который развязали национал-социалисты в Германии, подобного рода действия просто невозможны. Поэтому руководству Коминтерна следовало, по его мнению, нацеливать германских избирателей в первую очередь на «перечеркивание» избирательных списков национал-социалистов. Помимо этого, Сталин предлагал создать «единый антифашистский фронт с социал-демократическими рабочими и повести последних за собой с тем, чтобы провести это дело под платформой коммунистов и под их руководством»³³⁵.

Однако подобного рода тактика была неосуществима в условиях разгрома нацистами КПГ, ареста ее многочисленных членов во главе с руководителем коммунистов Э. Тельманом. Непонятно, где намеревался И.В. Сталин искать «социал-демократических рабочих», если СДПГ была объявлена нацистами вне закона, а ее руководители и рядовые члены подверглись гонениям. Так или иначе, но о недейственности, предлагавшейся И.В. Сталиным ИККИ тактики «перечеркивания списков», свидетельствовали результаты выборов в рейхстаг: 93% избирателей проголосовали за НСДАП.

Между тем в Германии завершился существенный этап создания нацистского режима: соединение партии с государством, тесно связанное с установлением однопартийной системы. 1 декабря 1933 г. был принят закон «Об обеспечении единства партии и государства». В нем, в частности, декларировалось, что НСДАП «выступает носительницей

³³³ Там же. Док. № 451, 460.

³³⁴ Сталин и Каганович. Переписка ... Док. № 424.

³³⁵ Там же. Док. № 425.

идей государства и неотделима от государства, устройство ее будет частью народного права»³³⁶.

После прихода к власти в Германии Гитлера особую актуальность приобрела задача определения дефиниции фашизма. В проекте доклада О. Куусинена на XIII-м пленуме Коминтерна содержалась формулировка определения фашизма как террористической диктатуры «крупной монополистической буржуазии и крупного аграрного капитала». Правящая национал-социалистическая партия, ставленница «монополистического капитала и юнкеров», сделала основным принципом своего господства «экономическое, политическое, культурное порабощение рабочего класса»³³⁷.

На XIII-м Пленуме ИККИ (ноябрь–декабрь 1933 г.) было принято сталинское определение фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»³³⁸. По мнению Ю.В. Галактионова, новая формулировка «оказалась более расплывчатой, чем первая»³³⁹, ибо было «очень трудно провести границу между наиболее и наименее реакционными, шовинистическими и т. д. элементами «финансового капитала» – термина, тоже требовавшего расшифровки». Данная формулировка концентрировалась вокруг единственной социальной функции фашизма, не затрагивая многие другие, обходя вопрос о его социальной базе, о фашистских движениях и партиях, не пришедших к власти. Однако руководство Коминтерна в условиях, когда мнение И.В. Сталина представлялось неоспоримым, вольно или невольно рассматривало фашизм лишь как продукт гниения буржуазного общества, как «наиболее чудовищное порождение империализма».

На XIII-м пленуме ИККИ так и не были пересмотрены укоренившиеся представления о том, что вина за приход Гитлера к власти лежит на социал-демократах. Лидеры Коминтерна были уверены: в Германии начинается новый революционный подъем, а решающие бои за диктатуру пролетариата и за советскую власть еще впереди³⁴⁰.

Выступая на XVII съезде ВКП(б) (1934), И.В. Сталин по-прежнему интерпретировал приход А. Гитлера и национал-социалистической партии к власти не только «как признак слабости рабочего класса», но и как результат измены германской социал-демократии рабочему классу, «расчистившей дорогу фашизму»³⁴¹.

В своем отчетном докладе съезду Сталин утверждал: империалисты укрепляли тылы будущих военных фронтов, используя шовинизм и подготовку к войне как методы ведения внешней политики и «обуздания рабочего класса», а также «террор в области внутренней

³³⁶ Deutsch Geschichte: Dokumente zur Innen und Außenpolitik. 1933–1945. Frankfurt a / M, 1993. S. 33.

³³⁷ Deutsch Geschichte ... S. 66.

³³⁸ Лейбзон Б.М., Шириня К.К. Поворот в политике Коминтерна (ноябрь–декабрь 1933 г.). М.: Мысль, 1975. С. 163.

³³⁹ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С.124.

³⁴⁰ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 66–67.

³⁴¹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) ... С. 8.

политики»³⁴². Поэтому «неудивительно, – подчеркивал он в связи с этим, – что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих политиков». При этом, естественно, И.В. Сталин имел в виду не только фашизм вообще, а прежде всего «германский фашизм», который, по его мнению, «неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма»³⁴³.

Сталин дал понять, что СССР при определенных условиях не против продолжения и развития политических отношений с Германией, несмотря на приход к власти в этой стране национал-социалистов. И.В. Сталин, а вслед за ним и руководитель внешнеполитического ведомства СССР утверждали, что «германский фашизм» отнюдь не является помехой для сохранения на прежнем уровне взаимоотношений между СССР и Германией. Об этом говорил М.М. Литвинов на IV-й сессии ЦИК СССР 6 созыва (29 декабря 1933 г.)³⁴⁴. В свою очередь, И.В. Сталин в отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) озвучил следующую мысль: наличие фашистского режима в Германии и Италии отнюдь не препятствовало СССР в деле поддержания нормальных отношений с этими странами³⁴⁵.

Советский лидер отрицал, что из противника Версальского договора Советский Союз превратился в его сторонника, дав понять нацистскому руководству: сам он не против продолжения известных традиций «версальской политики» во взаимоотношениях с Германией. Однако И.В. Сталин отвел упреки в том, что СССР ориентируется в своей политике на Францию и на Польшу, как и то, что ранее он ориентировался на Германию. На первый план им были выдвинуты собственные интересы Советского Союза.

Главным препятствием на пути улучшения советско-германских отношений в докладе на XVII съезде ВКП(б) генсек определил то, что в Германии взяли верх сторонники «новой» стратегии в отношении СССР, которая напоминала антисоветскую политику бывшего кайзера, а сторонники послевоенной политики, проводившейся при Гинденбурге, якобы оказались в опале. В этом докладе прозвучали и угрожающие нотки: те, кто планировал нападение на СССР, по словам И.В. Сталина, «получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород»³⁴⁶.

При всей антикоммунистической и антисоветской направленности своей политики, А. Гитлер начиная с 1933 г. выступал как легитимный политический лидер. Пока СССР продолжал в одиночку противостоять Англии и Франции, на горизонте возник еще один потенциальный противник – нацистская Германия, остававшаяся в то же время первым по значимости торговым партнером Советского Союза. К этому времени был накоплен определенный опыт советско-германских отношений. Взаимоотношения с Англией и Францией, упорно придерживавшихся антисоветского курса, не предвещали заметных позитивных сдвигов. При соблюдении «духа Рапалло» Кремль мог бы надеяться на

³⁴² Там же. С.12.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Документы внешней политики. Т. 16. Прилож. 2. С. 792.

³⁴⁵ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) ... С. 13.

³⁴⁶ Там же. С. 13–14; Кантор Ю., Волос М. Треугольник Москва – Варшава – Берлин: Очерки истории советско-германских отношений в 1918–1939 гг. М.: Европ. дом, 2011. С. 139.

компенсацию данного «недостатка» за счет Германии. Возможно, отсюда проистекало стремление И.В. Сталина и после прихода А. Гитлера к власти поддерживать с Германией нормальные отношения. Естественно, воинственные заявления Гитлера и других нацистских функционеров представляли угрозу СССР. Однако национал-социалистическая идеология не вызывала антагонизма у советского партийного руководства, поскольку, по утверждению Ю. Кантор, являлась «по сути родственной большевизму системой»³⁴⁷. Свою роль могло сыграть и то, что политические традиции Советского Союза и Веймарской Германии «были тесно связаны с авторитарными формами правления», и в это смысле последняя оказалась более привлекательной для И.В. Сталина, «чем Англия и Франция с их традиционной буржуазно-демократической системой».

По мнению С.З. Случа, вплоть до середины 1934 г. у И.В. Сталина сохранялись представления «об ограниченной самостоятельности А. Гитлера, не говоря уже о недолговечности его правления», в основе которого лежала «догматическая оценка фашизма как орудия монополистического капитала»³⁴⁸.

Между тем 1 августа 1934 г., после смерти президента П. фон Гинденбурга, в Германии был принят закон «О главе государства и германском рейхе». Посты рейхспрезидента, рейхсканцлера и фюрера НСДАП соединялись в один: отныне Гитлер стал именоваться «фюрером германского рейха и народа».

19 августа 1934 г. состоялся плебисцит по вопросу о доверии А. Гитлеру. В нем участвовало 95% избирателей. 84,6% из них (более 38 млн человек) одобрили назначение Гитлера на высокий пост главы Германского государства, фактически одобрив узурпацию им национал-социалистической государственной власти³⁴⁹.

Таким образом, первые полтора года после прихода к власти в Германии национал-социалистов во главе с А. Гитлером прошли у И.В. Сталина в поисках определения позиции по отношению к этому событию, которое коренным образом не только изменило политическую ситуацию в Европе, привело к ухудшению отношений с Берлином, но и явилось своеобразным толчком для изменения характера советской пропаганды. Однако в создавшейся ситуации Сталин, скорее всего, так и не смог до конца определиться в выборе этой позиции. С одной стороны, И.В. Сталин поощрял антифашистские пропагандистские акции Коминтерна, принял непосредственное участие в разрешении «журналистского конфликта». С другой стороны, он внутренне пришел к признанию того факта, что нацисты победили, а Гитлер является легитимным правителем Германии. Последнее обстоятельство в дальнейшем предопределило двойственность позиции И.В. Сталина в тех случаях, когда руководство наркомата иностранных дел выступало с инициативами о принятии практических шагов в области пропаганды, направленных на пресечение антисоветских акций нацистского руководства.

³⁴⁷ Кантор Ю., Волос М. Указ. соч. С. 135–136.

³⁴⁸ Случ С.З. Указ. соч. С. 99.

³⁴⁹ Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. Указ. соч. С. 118.

В данной связи следует упомянуть о решительных и целенаправленных действиях М.М. Литвинова и других сотрудников внешнеполитического ведомства по защите прав и интересов советских граждан, работавших в Германии, от посягательств германской стороны. Особенно наглядно эта принципиальная позиция проявилась при разрешении германо-советского «журналистского конфликта».

Глава 7. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Как уже отмечалось, в первый год нахождения у власти в Германии А. Гитлера подходы к определению сталинским руководством и функционерами Коминтерна внутренней сущности фашизма, его исторического места и роли не претерпели серьезных изменений. Так, коминтерновская «головка» находилась во власти прежних догматических теорий о мировой революции, всеобщей фашизации буржуазных государств и «социал-фашизма». В журнале «Коммунистический интернационал» публиковались статьи, в которых утверждалось, что установление власти Гитлера способствует ускорению созревания революционной ситуации. Вслед за функционерами, и теоретики Коминтерна не уставали твердить о том, что германская социал-демократия является основной социальной опорой буржуазии³⁵⁰.

Одновременно на русском языке издавались материалы о позиции руководства КПГ, которому приходилось действовать в условиях нацистского террора. Указывая на гибельность пути, по которому нацистское руководство во главе с Гитлером повело Германию, коммунисты видели ее в ближайшей перспективе фашистской либо советской. По уже сложившейся традиции подвергались критике социал-демократы, «открывшие» дорогу гитлеровскому режиму. Раздавались призывы к КПГ вести беспощадную войну против социал-демократов, которых якобы не могут (или не хотят) уничтожить национал-социалисты.

Налицо, как справедливо отмечает Ю.В. Галактионов, было «чудовищное ослепление собственными догмами, которые не позволяли разглядеть истинное положение вещей». В марксистском миропонимании возникло противоречие между представлением о фашизме как об опасном враге и точным знанием о размерах и силе этой опасности³⁵¹.

В феврале-ноябре 1933 г. в период подготовительной работы к XIII пленуму ИККИ, «в активе» у коммунистов были не только Лейпцигский процесс, но и многочисленные статьи о фашизме в периодических изданиях, несколько книг, переведенных с немецкого языка³⁵².

На русский язык также был переведен вышедший в свет в 1934 г. в Лондоне труд одного из видных деятелей Коммунистической партии Великобритании Р.П. Датта³⁵³. Среди задач, которые ставил перед собой его автор, стояли анализ существа и роли фашизма в истории капиталистического общества; разоблачение подлинного характера фашистской идеологии, программы и практики фашистской диктатуры; выяснение возможностей победы

³⁵⁰ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 59.

³⁵¹ Там же. С. 60.

³⁵² Беймлер Г. В лагере коричневых убийц; Отвальт Э. Путь Гитлера к власти (история национал-социализма); Шерингер Э. Мой путь к красному фронту: Мемуары. Харьков: Укр. работник, 1933. 131 с.

³⁵³ Датт Р.П. Фашизм и социалистическая революция. М., 1935.

над ней. Книга Р.П. Датта отличалась основательностью подходов, в ней использовались практически все доступные опубликованные источники по проблеме. Она по праву принадлежала к числу лучших обобщающих работ о фашизме предвоенного периода³⁵⁴.

После установления нацистского режима в СССР были изданы также переводы некоторых работ либеральных авторов, в частности, К. Гейдена³⁵⁵.

По сложившейся в 1920-е годы традиции советская периодическая печать имела четко выраженную специализацию в освещении политических, экономических и научных вопросов. Соблюдалась определенная дифференциация при создании образа нацистского режима. Например, журнал «Большевистская печать» начиная с 1933 г. публиковал преимущественно материалы о политике нацистов в области печати, о деятельности Министерства пропаганды во главе с Й. Геббельсом. На страницах журналов «Историк-марксист» и «Борьба классов» помещались статьи о научной жизни в Третьем рейхе, в частности, о фальсификации истории германскими «лже-исследователями». Публикации о нацистском режиме, появившиеся в газетах «Правда» и «Известия», по своему характеру были более универсальными. В них, по существу, велась хроника политической жизни нацистской Германии, фиксировались все мало-мальски значимые мероприятия гитлеровского правительства. В статьях, публиковавшихся этими газетами на второй и третьей полосах (так называемых «подвальных»), освещались самые разнообразные вопросы культурной и научной жизни в Германии.

Начиная с 1933 г. практически все публикации советской прессы, характеризовавшие внутреннюю политику нацистского режима, содержали негативную информацию о нем. Это, в свою очередь, составляло основу создания его сугубо отрицательного образа.

Вместе с тем в публицистических статьях А.М. Горького, Н.И. Бухарина, К. Радека, И.Г. Эренбурга, М.Е. Кольцова, В.В. Вишневского и других советских писателей, и журналистов содержались элементы аналитического исследования фашизма как международного и, собственно, германского явления³⁵⁶.

Огромный вклад в антифашистское движение интеллигенции всего мира внес А.М. Горький. «Подлая и кровавая победа тройного зловонного Г.» – так охарактеризовал писатель приход нацистов к власти, имея в виду их главных «вождей» – Гитлера, Геббельса и Геринга³⁵⁷. В своих публицистических статьях, издаваемых не только в СССР, но и за рубежом, А.М. Горький характеризовал антиинтеллектуальную сущность фашизма как «мерзостный террор бешеных свиней», который устроили в Германии³⁵⁸. Его подпись стояла под воззваниями, обращенными к представителям различных представительных международных форумов, на которых звучали слова осуждения в адрес фашизма. Выступая на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (август 1934 г.), А.М. Горький с

³⁵⁴ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 70.

³⁵⁵ Гейден К. История германского фашизма. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 434 с.

³⁵⁶ Куманев Г.А. Деятели культуры против войны и фашизма: Ист. опыт 20–30-х годов. М.: Наука, 1987. 294 с.

³⁵⁷ Там же. С. 87.

³⁵⁸ Там же. С. 105–107.

удовлетворением констатировал: «Нам неплохо удается работа над объединением всех сил радикальной антифашистской интеллигенции».

Горький не только активно выступал как видный публицист с антифашистских позиций, но и являлся инициатором создания периодических изданий, в которых находилось место критическим материалам о нацистском режиме. Так, в 1930 г. по инициативе А.М. Горького был создан журнал «За рубежом», который он редактировал совместно с М.Е. Кольцовым. На страницах этого периодического издания часто публиковались не только советские авторы (И.Г. Эренбург, К. Федин), но и зарубежные, в том числе немецкие писатели-антифашисты (В. Бредель, Э. Киш, Л. Фейхтвангер, А. Цвейг). Несомненный интерес представляли, например, помещенные в журнале «За рубежом» специальные подборки критических материалов иностранной прессы о нацистской печати, о ситуации в Германии накануне очередного съезда НСДАП (1935 г.) и т. д.³⁵⁹

Антифашистская общественная и публицистическая деятельность А.М. Горького вызывала раздражение нацистов. Не случайно уже в 1934 г. его произведения были запрещены в Германии, а книги писателя, вышедшие на немецком языке, подлежали конфискации³⁶⁰.

В своей речи на XVII съезде ВКП(б) Н.И. Бухарин предупреждал о смертельной угрозе, которую несли фашистская политика и идеология³⁶¹. А К. Радек, говоря о фашизме, как о международном явлении, выделил три его основные черты: 1) развитие на экономической почве переживавшего кризис монополистического капитализма; 2) наличие не просто бюрократического господства реакционных сил, а диктатуры, опиравшейся на массовые, преимущественно мелкобуржуазные организации; 3) сочетание величайшего террора с необузданной социальной демагогией³⁶².

Летом 1934 г. в Коммунистической академии под руководством идеологических структур ЦК ВКП(б) началось формирование сборника статей об идеологии фашизма. Первоначально список предполагаемых авторов насчитывал 20 человек, однако в процессе отбора и редактирования их число сократилось до 14-ти. Сборник вышел в свет лишь в 1936 г. тиражом в 20000 экземпляров³⁶³. Центральной в этом сборнике стала статья академика А.М. Деборина «Идеология фашизма» общим объемом в 65 страниц. По сути дела, эта статья являлась первой обобщающей научной работой по идеологии национал-социализма. Однако еще на этапе подготовки текста Деборину пришлось выдержать «немалый напор» со стороны ответственного редактора издания М. Каммари, который стремился придать ей сугубо «разоблачительный», пропагандистский характер. Каммари, в частности, считал, что читатели и критики будут недовольны, поскольку А.М. Деборин

³⁵⁹ Там же. С. 110–111.

³⁶⁰ Правда. 1934. 10 июля.

³⁶¹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) ... С. 127–129.

³⁶² Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 64.

³⁶³ Против фашистского мракобесия и демагогии.

пытается «вести» их «по дебрям фашистской мистики, схоластики и мракобесия»³⁶⁴. Между тем, по мнению ответственного редактора упомянутого издания, необходимо было «вскрывать главное», а точку зрения фашистов цитировать лишь тогда, «когда их можно «припечатать» и разоблачить перед массами». В целом, на взгляд М. Каммари, в рукописи статьи А.М. Деборина преобладало изложение фашистских «теорий» «с их изуверской терминологией, которые и массу не могут привлечь... и ученых честных, искренних, на которых мы рассчитываем свою книгу, не заманят».

Еще накануне прихода А. Гитлера к власти советская пропаганда сформировала образ Германии, наполненной внутренними политическими противоречиями, где основную дестабилизирующую роль играли нацисты и социал-демократы. Последним противостояла Коммунистическая партия Германии, которая, согласно убеждениям советских пропагандистов, способствовала росту революционного движения.

После прихода к власти в Германии национал-социалистов акценты были перенесены в социально-экономическую сферу. Фашизм стал определяться как продукт общего кризиса капитализма, его гниения и распада. Отсюда вытекало, что единственным спасением от него является пролетарская революция³⁶⁵.

На 1933–1934 гг. приходится наибольшее количество публикаций по «германской тематике», помещенных в газете «Правда» – 2528 и 2262 соответственно,³⁶⁶ то есть примерно по 7-8 в каждом номере. При этом и «Правда», и «Известия» много внимания уделяли деятельности КПГ, которая продолжала рассматриваться как авангардная сила в борьбе против «фашистской диктатуры». Так, в 1933 г. на страницах главного печатного органа ЦК ВКП(б) данному сюжету было посвящено свыше 1/3 всех публикаций газеты по германской тематике³⁶⁷.

В этот период значительная часть публикаций советской прессы о Германии составляли статьи о сопротивлении фашизму, об антифашистских выступлениях³⁶⁸. Данные публикации преследовали цель продемонстрировать раскол германского общества, отсутствие сплоченности и поддержки нацистов со стороны основной массы населения.

Между тем уже в 1934 г. КПГ стала упоминаться в «Известиях» в гораздо реже чем в 1933 г.³⁶⁹ Затем КПГ и вовсе пропала из поля зрения журналистов газет «Правда» и «Известия». Статистика публикаций в «Правде» по данной тематике выглядела следующим образом: 1935 г. – 193 (9%); 1936 г. – 97 (5%); 1937 и 1938 гг. – по 19 (соответственно – по 1%).

³⁶⁴ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 105.

³⁶⁵ Там же. С. 56.

³⁶⁶ Григорьева О.И. Указ. соч. С. 229, 232.

³⁶⁷ Приложение. Табл. 2.; Григорьева О.И. Указ. соч. Далее в ссылках на эту статью цифрами обозначается количество публикаций по той или иной теме за конкретный год, а в скобках – процентное соотношение к общему числу материалов о Германии, опубликованных за этот же период.

³⁶⁸ Приложение. Табл. 2.

³⁶⁹ Григорьева О.И. Указ. соч. С. 232.

Это объяснялось прежде всего тем, что КПГ после ее запрета, ареста национал-социалистами ее руководящего и среднего звена, эмиграции и ухода в подполье оставшихся на свободе коммунистов практически перестала играть какую-либо роль в политической жизни Германии.

Из общего массива публикаций о Германии, появлявшихся в «Правде» после прихода к власти НСДАП, на втором месте стояли материалы о внутривнутриполитической ситуации этой страны (1933 г. – 377 (15%); 1934 – 356 (16%)).

Третье место занимали публикации о проблемах, с которыми сталкивался национал-социалистический режим в социальной области и в сфере экономики. Количество опубликованных материалов по данной тематике в 1933 г. составляло, соответственно, 68 (3%) и 97 (4%); в 1934 г. – 82 (4%) и 96 (4%). Типичными для них были заголовки типа «Навстречу катастрофе», или: «Фашистской “статистике” не скрыть роста безработицы»³⁷⁰.

В дневнике М.М. Литвинова от 28 октября 1933 г. описана встреча с американским журналистом К. фон Вигандом, который накануне беседовал с А. Гитлером и рассказал Литвинову об этой встрече. А. Гитлер производил впечатление «крайне экзальтированного человека, не считающегося ни с какими реальностями и трудностями, готового пойти напролом, бороться со всем миром». К. фон Виганд после беседы с Гитлером находился «в угнетенном состоянии, с сознанием неизбежности столкновения в ближайшем будущем», т.е. возникновения новой войны в Европе. Данная информация немедленно была сообщена И.В. Сталину и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б)³⁷¹.

Понятно, почему создание образа нацистского режима как необузданной политической силы, стремящейся к вооружениям, стало одной из основных задач советской пропаганды. Уже летом 1933 г. на страницах газет «Правда» и «Известия» стали появляться первые статьи, которые рассказывали о росте милитаризма в Германии, еще недавно ущемленной в своем стремлении к вооружениям условиями Версальского договора. Число публикаций на эту тему постепенно возрастало. В 1933 г. их количество в «Правде» составляло 75 (3%); а в 1934 г. – уже 98 (4%)³⁷². Аналогичная тенденция прослеживалась и в материалах газеты «Известия»³⁷³.

Официальные лица Германии остро реагировали на то, как подавался в советской пропаганде вопрос о ее вооружениях. 8 августа 1933 г. в беседе с В.М. Молотовым германский посол в СССР Г. фон Дирксен посетовал: «Вся советская пресса полна резких выпадов против Германии, с которыми не могут идти в сравнение выступления прессы других стран». По словам Дирксена, она «систематически пишет о германских вооружениях, что еще недавно было бы совершенно невероятным»³⁷⁴. 1 ноября 1933 г., теперь уже в беседе с Н.Н. Крестинским, среди тех фактов, которые вызывают «чрезвычайно неблагоприятное

³⁷⁰ Правда. 1933. 23 мая. См. также: Правда. 1933. 27, 28, 29 мая, 6, 26 июня, 1 сент.

³⁷¹ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 29.

³⁷² Григорьева О.И. Указ. соч. С. 219.

³⁷³ Приложение. Табл. 2.

³⁷⁴ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 12.

впечатление в Германии», он упомянул о многочисленных статьях советских газет «с разоблачениями германских вооружений»³⁷⁵.

Советская печать также уделяла внимание состоянию культуры, науки, спорту при нацистском режиме. Соответственно, газетные материалы по этим сюжетам носили разоблачительный характер.

В 1934 г. еще достаточно велик был объем «нейтральной» информации о тех политических процессах, которые происходили в Германии после установления нацистского режима. Скорее всего это объяснялось тем, что генеральная линия в оценке германских событий еще не была четко определена. Однако в дальнейшем, о чем более подробно будет сказано ниже, количество «нейтральной» информации стало значительно сокращаться. Параллельно с этим стремительно возрастал удельный вес «идеологически окрашенных», антифашистских пропагандистских материалов.

В данной связи следует отметить, что статистические показатели общего количества публикаций в советских печатных органах, посвященных внутренней политике, экономике, идеологии и культуре Германии в правление национал-социалистов, ни в коей мере не передают того обличительного пафоса, которым отличались эти печатные материалы.

С момента прихода к власти в Германии национал-социалистов советская пропаганда уделяла внимание персонально А. Гитлеру и другим нацистским бонзам. Причем, несмотря на сталинские цензурные запреты, их упоминание, как правило, сопровождалось нелицеприятными эпитетами и комментариями.

В передовой статье «Правды», опубликованной накануне выборов в рейхстаг, вожди национал-социализма были названы «шутами на троне». В ней утверждалось, что СССР является страной, не имеющей «враждебных чувств» к Германии. Однако этого якобы не желали слышать «главари партии, именующей себя «национальной», которые усиленно своими антисоветскими выступлениями всячески работают над тем, чтобы испортить отношения с единственным другом германского народа»³⁷⁶.

А по поводу выступления А. Гитлера во время открытия первого «рабочего съезда» в Германии в «Правде» был дан следующий язвительный комментарий К. Радека: «Хорошо поет тенор германской буржуазии г. Гитлер»³⁷⁷.

Исходя из сталинской установки о вине СДПГ в том, что к власти в Германии пришли национал-социалисты, советская пропаганда стремилась заклеить социал-демократов. Разоблачению их политических позиций, приведших к «фашизации» Германии, были посвящены многочисленные публикации в газете «Правда»³⁷⁸. В первомайской передовой статье газеты (1933 г.) утверждалось: «Социал-фашистский интернационал Вельсов-Носке расчистил путь фашизму и сейчас, как «девушка для всех», выслуживается перед его бандами». В подобном разоблачительном ключе подавались карикатуры Е. Манна «Социал-

³⁷⁵ Там же. Док. № 31.

³⁷⁶ Правда. 1933. 4 марта.

³⁷⁷ Правда. 1933. 18 мая.

³⁷⁸ Правда. 1933. 14 февр., 20 марта, 12 апр. 1 мая, 6 июня; 1934. 28 янв.; 1935. 30 янв.

демократы вышли на улицу»³⁷⁹ и «Перед спектаклем»³⁸⁰, а также Ю. Ганфа «„Безумство храбрых“ социал-демократов»³⁸¹.

После запрета социал-демократической партии в «Правде» появился язвительный комментарий, свидетельствующий о том, что советская пропаганда ориентировала на восприятие закономерности подобного конца СДПГ: «Партия, предавшая рабочий класс и расчистившая путь фашисткой диктатуре, партия, которая всеми силами старалась приспособиться к фашистской диктатуре и укрепить ее, запрещена национал-социалистами. Не помогли социал-демократам ни тщетные лизания фашистских сапог, ни стремление прихорошить фашистскую диктатуру доказательствами ее якобы «законного» «конституционного» характера, ни демонстративное участие в фашистском парламенте и голосование за политику фашистского правительства»³⁸².

В целом советская пропаганда представляла нацистскую Германию как «темное царство» сплошного террора и политических репрессий. Так, газета «Правда» писала уже в конце февраля 1933 г.: «В «культурнейшей» Германии только что отпраздновавшей юбилей Вагнера, Гете и Гегеля, каждый день увеличивается количество жертв фашистского террора. Рабочие организации, их дома, кооперативы, редакции, книжные магазины ежедневно подвергаются нападениям озверелых фашистских банд, которые являются составной частью фашистского полицейского аппарата. Террор принимает все более широкие размеры»³⁸³.

Поджог рейхстага, подготовка и проведение Лейпцигского процесса постоянно находились в центре внимания советских средств массовой информации³⁸⁴, несмотря на «журналистский конфликт», о котором шла речь предыдущем параграфе. С пометкой «по телефону через Прагу от нашего корреспондента» помещались сообщения о начале Лейпцигского процесса, авторство которых принадлежало М.Е. Кольцову, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) направленному в Париж для освещения хода судебных заседаний³⁸⁵.

Подготовке судебного процесса по делу о поджоге рейхстага посвятил свою карикатуру «Непроходимое идиотство» Дени (В.Н. Денисов). На ней был изображен дебильного вида штурмовик с зажженным факелом в руке. Карикатура «комментировалась» стихотворением антифашистского содержания авторства Демьяна Бедного. А на рисунке, помещенном в журнале «Крокодил», жена штурмовика удивленно задавала ему вопрос: «Почему от тебя пахнет керосином»? На другой карикатуре отмеченный свастикой адвокат с пистолетом в руке требовал от обвиняемого признания в поджоге. Пойманному у взломанного сейфа уголовнику предлагались два варианта расплаты: год тюремного заключения либо

³⁷⁹ Правда. 1933. 1 мая.

³⁸⁰ Правда. 1933. 16 мая.

³⁸¹ Правда. 1933. 19 мая.

³⁸² Правда. 1933. 24 июня.

³⁸³ Правда. 1933. 27 февр.

³⁸⁴ Правда. 1933. 26 мая, 6, 7, 8, 24 июня, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26 сент.; Лейпциг – грандиозная провокация кровавой фашисткой диктатуры // Коммунистический Интернационал. 1933. № 26.

³⁸⁵ Правда. 1933. 25, 26 сент.

выступление на процессе о поджоге рейхстага. В 1934 г. после завершения Лейпцигского процесса и освобождения Г.М. Димитрова Б. Попова и В. Танева, была опубликована еще одна карикатура. С берлинского аэродрома взлетал самолет, уносящий в СССР бывших и оправданных обвиняемых, а толстый штурмовик (вероятно, имелся в виду Г. Геринг) печально смотрел ему вслед. Эта карикатура сопровождалась следующей многозначительной подписью: «Обвинители улетели, обвиняемые остались»³⁸⁶.

Кроме того, годовщина завершения Лейпцигского процесса была ознаменована рядом публикаций, в которых разоблачалось нацистское правосудие³⁸⁷.

На страницах газеты «Правда» регулярно помещались материалы о гонениях в нацистской Германии, которые имели место в отношении коммунистов, социал-демократов, представителей основных конфессий (католиков, протестантов), дискриминации по половому признаку, направленной против женщин, ущемления прав, трудящихся и представителей сферы образования³⁸⁸. «Правда» писала: «Фашисты ликвидировали все остатки Веймарской конституции, все остатки буржуазной демократии. Банды штурмовиков включены в состав государственно-полицейского аппарата»³⁸⁹.

Уже в 1933 г. в советской карикатуре появляется образ концентрационного лагеря как обобщенного символа беззакония и насилия, которые творили нацисты в Германии³⁹⁰.

То, что большое количество публиковавшихся в советской периодической печати статей было посвящено теме нацистских репрессий в Германии, свидетельствует о стремлении подчеркнуть следующую мысль: германское население, находящееся под гнетом фашистов, ощущает постоянную угрозу. Данный аспект был представлен в советской пропаганде как основная составляющая политической жизни в «Третьей империи».

В «Правде» сообщалось также о публичном сожжении книг в Берлине, которым руководил Й. Геббельс. На ее страницах появилась карикатура Гр. Роде на эту тему, носившая название «С пламенным приветом... из средневековья»³⁹¹. В дальнейшем карикатуры, затрагивавшие эту болезненную тему, не раз публиковались в средствах массовой информации СССР.

Советская пропаганда остро реагировала на рост антисемитизма в нацистской Германии. Так, на страницах газеты «Правда» постоянно помещались материалы о взрыве синагог, официальных призывах к еврейским погромам, добровольных увольнении профессуры в знак протеста против них, бегстве евреев из страны³⁹². Уже в первую годовщину прихода к власти в Германии А. Гитлера в газете был помещен обзор, в котором давалась критическая оценка его правления и сосредоточивалось внимание на социально-

³⁸⁶ Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом». С. 95.

³⁸⁷ Мануильский Д. Годовщина провала фашистской провокации // Правда. 1935. 27 февр.

³⁸⁸ Правда. 1933. 30 июня; 1934. 8 марта, 8 апр., 6 окт.

³⁸⁹ Правда. 1933. 1 мая.

³⁹⁰ Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом». С. 94.

³⁹¹ Правда. 1933. 11, 12 мая.

³⁹² Правда. 1933. 4, 11, 16 марта, 20 апр.

экономических проблемах, милитаризации экономики, тяжелом положении, в котором оказались народные массы в этой стране³⁹³.

В 1933–1934 гг. в советской пропаганде вообще и, как свидетельствует анализ публикаций в газетах «Правда» и «Известия», в периодической печати в частности в основных чертах сформировался образ нацистской Германии. С одной стороны, – правящий режим в лице А. Гитлера, его ближайших сподвижников с их террористической политикой, проводимой внутри страны, и реваншистскими планами «ревизии» Версальского договора 1919 г., а с другой стороны, – испытывавшие экономические затруднения и лишённые дарованных Веймарской конституцией прав «трудовые массы», которые под руководством коммунистов оказывали сопротивление нараставшему гнету «фашистской диктатуры». Подобного рода дуализм можно объяснить тем, что советское руководство стремилось привить сочувствие к германскому «народу-жертве», «народу-борцу, но в то же время создать негативный образ «германского фашизма».

Этот образ обрел новые очертания после того, как устами В.М. Молотова была определена официальная позиция в отношении национал-социалистических установок о «расовом превосходстве» немцев. В своей речи на VII Съезде Советов (28 января 1935 г.) от лица советского руководства Молотов, в частности, заявил, что оно не утаивает своего глубокого уважения к германскому народу, являющемуся одним из самых великих народов современности³⁹⁴. Однако «в реакционных расистских теориях» ему виделся «признак обреченности» национал-социалистов.

А в беседе с лордом-хранителем печати Великобритании А. Иденом (29 марта 1935 г.) И.В. Сталин заявил: «Германцы – великий и храбрый народ. Мы этого никогда не забываем»³⁹⁵.

В последующий период, вплоть до августа 1939 г., этот двойственный образ нацистской Германии в целом не претерпел особых изменений, а благодаря усилиям пропагандистских структур еще более конкретизировался и обнаруживал новые грани³⁹⁶.

На VII-м Конгрессе Коминтерна центральным стал доклад Г.М. Димитрова (2 августа 1935 г.), который был назван «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма». Доклад был итогом более чем годичной работы подготовительной комиссии этого представительного форума. В нем, а также в выступлениях ряда делегатов конгресса были пересмотрены некоторые прежние позиции, произошел отход от укоренившихся догм и представлений. Так, на смену прямолинейному представлению об органичном вырастании фашизма из буржуазной демократии пришло осознание того, что приход фашистов к власти не есть обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а коренная смена одной государственной формы классового господства буржуазии (буржуазной демократии) другой

³⁹³ Правда. 1934. 30 янв.

³⁹⁴ Документы внешней политики. Т. 18. Док. № 27.

³⁹⁵ Там же. Док. № 148.

³⁹⁶ Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом». С. 96.

формой – «открытой террористической диктатуры». Отношение к роли социал-демократии осталось прежним. На VII-м Всемирном Конгрессе Коминтерна уже в который раз декларировалось, что вину за приход Гитлера к власти следует возложить на социал-демократию³⁹⁷.

VII-й Всемирный конгресс Коминтерна оказал большое влияние на процесс создания советской пропагандой негативного образа германского фашизма. Однако впоследствии ИККИ уже не возвращался к обсуждению общей проблематики, связанной с внутренней политикой нацистского режима. Во многом это было обусловлено репрессиями, которые обрушились на руководство Коминтерна³⁹⁸.

Г.М. Димитров давал эмоциональную, но в целом верную оценку нацизма, который представлял собой не только «звериный шовинизм»³⁹⁹, но и правительственную систему «политического бандитизма, провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции». Именно эти «опорные точки» с середины 1930-х годов стали основными при создании советской пропагандой образа нацистского режима в целом и представлений об отличительных особенностях его внутренней политики, в частности.

Как уже отмечалось выше, официально критиковать А. Гитлера и его ближайших сподвижников не рекомендовалось. Однако из этого общего правила были и исключения⁴⁰⁰. Н.И. Бухарин неоднократно выступал с разоблачительными статьями, в которых едко высмеивал нацистских «теоретиков»⁴⁰¹. Столь же язвительными в отношении нацистских бонз были публикации К. Радека о внешней политике нацистского режима (об этом подробнее будет сказано ниже).

Как считал А.М. Горький, богатейший материал для убийственной критики давали творимые фашистами «пакости и мерзости»⁴⁰². В СССР публиковались книги с описанием тех «пакостей и мерзостей», которые сопровождали приход к власти в Германии национал-социалистов⁴⁰³. В 1935 г. вторым изданием, с предисловием Радека, вышли в свет записки очевидца событий о Гитлере и его ближайшем окружении⁴⁰⁴. Поистине, уникальной являлась написанная отличным языком книга, содержащая большой фактический материал, разоблачительная по своему характеру. В нее вошли объемные биографические очерки

³⁹⁷ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 78–80.

³⁹⁸ Там же. С. 82.

³⁹⁹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975. С. 120–121.

⁴⁰⁰ А.Е. Внешнеполитическая линия, или бред Альфреда Розенберга? // Правда. 1933. 12 мая; Изаков Б. Бредовый план Розенберга // Правда. 1933. 14 мая.

⁴⁰¹ Бухарин Н.И. О политическом вояже президента немецкой академии генерал-лейтенанта К. Гаусхофера в страну викингов, а также о его бравых реляциях с берега Тихого океана // Известия. 1936. 15 февр.

⁴⁰² Куманев В.А. Указ. соч. С. 135.

⁴⁰³ Путь Гитлера к власти. М., 1935.

⁴⁰⁴ Киш Г. Гитлер и другие. М., 1936.

нацистских бонз (Р. Гесса, В. Фрика, М. Амана, Р. Лея, Р.В. Даре, Г. Федера, Б. Фон Шираха, А. Розенберга)⁴⁰⁵.

В советской карикатуре по идеологическим причинам и с учетом «специфики жанра» образ А. Гитлера подавался в иносказательном виде. Так, на карикатуре Б.Е. Ефимова «База фашистских вооружений» скелет, обряженный в нацистскую военную форму, с характерными «гитлеровскими» усиками, сидел на пушке и подгонял плетью закованную в цепи, еле бредущую под тяжестью орудия немецкую изнуренную и бледную семью (мать, отца, троих малолетних детей). Намекая на антисемитскую политику, проводившуюся нацистским режимом, карикатурист в гротескной форме представлял Гитлера, которого даже орел, официальный государственный символ «Третьего рейха», «не устраивал» формой своего носа. На фотомонтаже, посвященном выступлению А. Гитлера в Вене (1938 г.), фюрер представал в виде... окровавленного топора⁴⁰⁶.

«Приход Гитлера к власти – это усиление эксплуатации, рост безработицы, массовых болезней, детской смертности, голода. Фашизм – это беспросветный гнет и политическое бесправие масс»⁴⁰⁷, – так характеризовался нацистский режим в одной из советских пропагандистских брошюр.

В советской научной литературе и в средствах массовой информации начиная с 1933 г. активизировался процесс показа различных сторон внутренней политики нацистского режима, причем с обличительных позиций.

Видная роль в выявлении проблем, стоявших перед нацистским руководством в области экономики и промышленности, принадлежала Институту мирового хозяйства и мировой политики, который возглавлял Е.С. Варга – один из лучших экспертов И.В. Сталина в области экономики⁴⁰⁸. До 1936 г. этот институт был в ведении Коммунистической Академии, а в 1936 г. вошел в систему Академии Наук СССР.

Перед институтом была поставлена задача создания крупных работ о фашизме. Источников для всестороннего анализа экономики нацистской Германии в распоряжении научных сотрудников было достаточно. Хотя нацистское руководство стремилось строго охранять свои военные секреты, статистические данные по отдельным отраслям германской промышленности и сельского хозяйства продолжали публиковаться и постоянно находились в поле зрения. Кроме того, в распоряжении Института мирового хозяйства и мировой политики имелись сведения по данной проблематике, которые они черпали из работ английских, американских французских авторов.

Материалы об экономике Германии в правление нацистов постоянно публиковались в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика»⁴⁰⁹. В 1933 г. его тираж составлял более

⁴⁰⁵ Корнев Н. Третья империя в лицах. М., 1937.

⁴⁰⁶ Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом». С. 95, 96.

⁴⁰⁷ Яковлева А. О фильме «Семья Оппенгейм». М.: Госкиноиздат, 1938. С. 4.

⁴⁰⁸ Об этом свидетельствует, в частности, переписка между Е.С. Варгой и И.В. Сталиным; Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 110; Коминтерн против фашизма. Док. № 101.

⁴⁰⁹ Вишнев С. Экономическая подготовка фашистской Германии к войне // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935 № 8; Абезгауз Б. Упадок внешней торговли Германии // Мировое хозяйство

9000 экз., в 1934 г. – 8.500, в 1935 г. – почти 11000, в 1936 г. – 14050, в 1937 г. превысил 15000 экз., а 1939 г. достиг 16620 экз.

Другой научный журнал – «Проблемы экономики», – разрабатывавший «на основе марксистско-ленинского учения» вопросы политэкономии капитализма и издававшийся тиражом от 9000-14000 экз., также периодически помещал на своих страницах аналитические статьи и обзорные материалы по данной проблематике⁴¹⁰.

Наконец, Международный аграрный институт (Москва), просуществовавший до начала массовых репрессий 1937–1938 гг., издавал журнал «Аграрные проблемы», в котором нашла освещение специфика политики нацистского режима в области сельского хозяйства.

В докладах Е.С. Варги и Л. Мадьяра, прозвучавших в мае 1933 г. на сессии Института мирового хозяйства и мировой политики⁴¹¹, было отмечено, что основное содержание экономической политики германского фашизма – это подготовка к войне, а его ближайшая задача – вооружение Германии⁴¹².

В ряде книг⁴¹³ анализировались основные экономические теории нацистов, давались систематические очерки их экономической политики. В них формировалось представление о бедственном положении различных слоев германского общества при нацистском режиме (крупной и мелкой городской буржуазии, рабочих, городских средних слоев, крестьян), обрисовывались политика автаркии, экономические последствия аншлюса Австрии (1938) и захвата Гитлером Чехословакии (1939)⁴¹⁴.

и мировая политика. 1935. № 7; Рубенс И. Крестьяне в «Третьей империи» // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. № 2; Гуревич А. Урожай и цены в фашистской Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. № 11-12; Каро П. Ухудшение условий труда в Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. № 10, 11-12; Корн Е. Экономические проблемы в Германии в 1935 г. // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. № 10; Варьяш И. Положение рабочего класса в Германии под фашистской диктатурой // Мировое хозяйство и мировая политика. 1936. № 1; Варьяш И. Положение трудящихся в Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 5; Левина Р. Фашистские «четырёхлетки» – орудие обмана крестьянства // Мировое хозяйство и мировая политика. 1937. № 1; Гуревич А. Аграрное перенаселение в Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1937. № 1; Корелл Ф. Подготовка войны и ухудшение положения крестьянства в Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1937. № 4; Варга Е. Современное экономическое положение Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1937. № 9; Фогараши А.О. Внутренняя политика Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 1; Он же. О внутреннем положении Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 4; Бордадын А. Абсолютное обнищание рабочего класса // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 3.

⁴¹⁰ Лиф Ж. Карательная политика фашизма в области промышленности // Проблемы экономики. 1935. № 1; Дворкин И. Некоторые экономические итоги фашистской диктатуры в Германии // Проблемы экономики. 1936. № 1; Атлас З. Финансовая политика германского фашизма // Проблемы экономики. 1938. № 8.

⁴¹¹ Кризис, фашизм, угроза войны.

⁴¹² Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 110.

⁴¹³ Сегал Я.С. Очерки экономической политики германского фашизма. М., 1934; Сегал Я.С. Авантюристическая политика и идеология германского фашизма. М., 1939; Сегаль Н. Аграрная политика германского фашизма. М., 1938; Сидоров А.Н. Фашизм и городские средние слои в Германии. М., 1936; Любимов Н.Н. Финансы фашистских государств. М., 1939.

⁴¹⁴ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 111.

В советской научной литературе к концу 1930-х годов сложилось стойкое мнение о том, что в результате правления нацистов создалась небывалая концентрация экономической и политической власти в руках германского финансового капитала, возникла обстановка лихорадочной подготовки к войне. Нацистский режим не снизил налогового бремени, не уничтожил процентной кабалы. В то же время произошли огромные сдвиги в перераспределении национального дохода в пользу монополистического капитала за счет рабочего класса, служащих, мелкой городской и сельской буржуазии⁴¹⁵.

Хотя научные труды специалистов по германской экономике основывались главным образом на солидных статистических данных, все они имели одну характерную особенность: их авторы были политически ангажированы, выполняли актуальный социальный заказ. Так, Н. Сегаль, сосредоточивший внимание на анализе аграрных мероприятий нацистского руководства, по словам Ю.В. Галактионова, стремился «припечатать» их всеми правдами и неправдами доказать, что гитлеровская аграрная политика ведет к «деградации» сельского хозяйства Германии, к «чудовищному обнищанию» немецкого крестьянства. Выводы, который сделал Сегаль, носили явно конъюнктурный характер. И это не случайно. Ведь, например, в коминтерновской стратегии и тактике антифашистского народного фронта вторая почетная роль принадлежала крестьянству. В данной связи стояла задача доказать, что аграрная политика нацистского режима усиливает классовую борьбу в деревне. В случае войны классовая борьба могла «парализовать армию», что, в свою очередь, давало народному антифашистскому фронту во главе с КПГ шанс на свержение гитлеровской диктатуры.

В целом в научной литературе наблюдалась тенденция преувеличения трудностей при оценке развития различных отраслей германской экономики. Как отмечал Ю.В. Галактионов, складывалась парадоксальная ситуация. Экономика нацистской Германии была объектом пристального изучения, однако существовали своеобразные «ножницы» между реальным положением вещей и характером их оценки. Целый ряд догм, искажавших реальную картину, а следовательно, создававших необъективный образ, тяжким грузом довлел над советскими исследователями. Фашизм представлялся исключительно как свирепый, но непрочный режим; его победа трактовалась как признак слабости буржуазии; пребывание нацистов у власти интерпретировалось в контексте усиления внутренних противоречий этого режима. Подобные взгляды, по словам Ю.В. Галактионова, освящались «авторитетом сталинских высказываний и решений VII конгресса Коминтерна»⁴¹⁶.

Существование этих «ножниц» между реальным положением вещей и создававшимися представлениями о мероприятиях нацистского руководства в экономической сфере и в

⁴¹⁵ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 112; Панкратова А.М. Фашизм и рабочий класс Германии // Борьба классов. 1933. № 6; Гернле Э. Военные приготовления германского фашизма в области сельского хозяйства // Аграрные проблемы. 1934. № 7-8; Громов Ф. Аграрные «теории» германского фашизма // Аграрные проблемы. 1935. № 1; Штейнберг Н. Земельная политика правительства Гитлера // Аграрные проблемы. 1935. № 3; Рубэ И. Современная Германия: (социально-экономический очерк) // Западный очаг войны (Германия). Сталинград, 1937.

⁴¹⁶ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 113–115.

социальной области было одной из наиболее характерных отличительных особенностей пропагандистских материалов, подававшихся советскими СМИ. Ведь зачастую такого рода материалы черпались из научных изданий, специализировавшихся, в частности, на анализе внутренней политики и экономики Германии. Например, журнал «Мировое хозяйство и мировая политика» был рассчитан не только на научных работников, но и на партийный актив, на пропагандистов, работников печати.

Авторы многочисленных пропагандистских статей и обзоров, помещавшихся на страницах центральных газет и журналов, стремились доказать несостоятельность стратегии нацистского руководства в экономике и промышленности⁴¹⁷, которые подрывали лихорадочное вооружение и подготовка к войне⁴¹⁸. Они были полны статей о провалах в финансовой сфере⁴¹⁹, в аграрном секторе⁴²⁰, во внутренней и внешней торговле⁴²¹, указывали на дефицит в Германии стратегического сырья⁴²² и на существование проблем в снабжении населения продовольствием⁴²³.

По воле советских карикатуристов даже обезьяны в зоопарке высмеивали гитлеровский «4-летний план» развития германской экономики. «Будни Третьей империи» – под таким названием одна из советских карикатур второй половины 1930-х годов представляла Германию при нацистском режиме. В ней свирепствовал голод, стояли очереди за всем необходимым, были введены продовольственные карточки и даже знаменитые немецкие сосиски были суррогатными (сделанными из опилок). Корабль «Третьей империи» шел под парусами из... продовольственных карточек. «Будущее Германии на воде и хлебе» – такое характерное название имела одна из советских карикатур на данную тему⁴²⁴.

В целом экономическое положение Германии, руководимой нацистами, представлялось в советской пропаганде однобоко и односторонне. Подавляющее число публикаций в периодической печати СССР на эту тему были призваны доказать наличие трудностей, неудач, дефицит самого необходимого, бедственное положение самих широких слоев германского населения. Помещавшиеся на страницах газет и журналов информационные материалы нацеливали на то, что даваемая ими общая оценка экономической ситуации в «Третьей империи» является правильной. Полностью умалчивать об успехах Германии в области промышленности было трудно, поэтому некоторые статьи по данной проблематике содержали положительные моменты.

⁴¹⁷ Комсомол. правда. 1935. 12 апр.; Известия. 1935. 10 июня, 27 нояб.; Ленинград. правда. 1935. 8 дек.; Шваб С. Экономический баланс трех месяцев гитлеровской диктатуры // Коммунист. Интернационал. 1933. № 16.

⁴¹⁸ Известия. 1935. 11 апр., 10 июля; За индустриализацию. 1935. 3, 27 июля, 1 сент.; Красная газета. 1935. 29 сент.

⁴¹⁹ Эконом. жизнь. 1935. 20 апр.

⁴²⁰ Социалист. земледелие. 1935. 29 марта, 27 нояб.; Красная звезда. 1935. 24 мая; Логрингер М. Аграрная политика правительства Гитлера // Коммунист. Интернационал. 1933. № 18.

⁴²¹ Известия. 1934. 25 авг.; Сов. торговля. 1935. 22 февр.

⁴²² За индустриализацию. 1935. 23 февр.; Сов. торговля. 1935. 3 дек.

⁴²³ За индустриализацию. 1935. 27 сент.; Известия. 1935. 29 сент.

⁴²⁴ Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом». С. 95–96.

В 1936–1939 гг. в СССР вышло на экраны порядка 10-ти кинокартин, в которых было в той ли иной степени представлено гипотетическое вооруженное столкновение между Советским Союзом и нацистской Германией. В большинстве из них потенциальный враг воплощался в безликом механизме: самолете, танке, подводной лодке. «Опознавательным знаком» противника, как правило, являлась свастика. Отсутствие конкретного лица врага служило при этом своеобразным знаком смерти (кинофильмы «Четвертый перископ», «Если завтра война» и др.).

Вообще нацистская Германия изображалась в советском кинематографе указанного периода как царство ночи. «Ночь над Германией», «Мгла средневековья» и т. д. – подобного рода языковые клише советской прессы 1930-х годов находили свое буквальное воплощение в кинематографическом образе германских реалий тех лет.

В упомянутых кинофильмах использовался и сюжет борьбы германского пролетариата против нацистского режима. Эта борьба была показана как постоянно ширящаяся, безупречно организованная. Однако для ее успешного завершения был необходим ответный удар на неспровоцированную агрессию гитлеровской Германии, направленный против СССР. По мысли советских сценаристов, лишь совместными усилиями, одновременным ударом Советский Союз и германский пролетариат могут одержать решающую, окончательную победу и объединиться в единую социалистическую державу. Поэтому сознание советских людей, несмотря на активную «антифашистскую» пропаганду, было не склонно воспринимать национал-социализм как трагедию.

В то же время при создании советскими кинематографистами во второй половине 1930-х годов образа нацистского режима наблюдалась тенденция опереться на личные впечатления очевидцев происходившего в Германии. Это находило выражение в разных формах. Так, режиссеры и сценаристы использовали в качестве литературной основы для своих кинокартин антифашистскую немецкую художественную литературу. В первую очередь следует назвать пьесы Ф. Вольфа – «Профессор Мамлок», «Троянский конь» («Война продолжается»), а также роман Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм». Название кинофильма «Болотные солдаты» (снят по оригинальному сценарию советского писателя Ю. Олеси «Вальтер») было связано с одноименной книгой очерков немецкого публициста В. Лангхофа. К участию в работе над этими лентами привлекались эмигранты из нацистской Германии, а сценарий кинокартины «Семья Оппенгейм» был авторизован писателем Л. Фейхтвангером⁴²⁵.

Антисоветский курс нацистского руководства вызывал естественную негативную реакцию со стороны дипломатического корпуса СССР. Основным элементом в международной конъюнктуре являлась неопределенность, вытекавшая в первую очередь из непонимания истинных намерений пришедшего к власти в Германии А. Гитлера. За единственной дозволенной формой несогласия с официальной линией, которая у дипломатов была связана с профессиональным положением, стояли их личные мнения и предпочтения.

⁴²⁵ Марголит Е. Как в зеркале: Германия в советском игровом кино между 1920–1930-х гг. // Киноведческие записки: (Нем. номер). 2002. № 59. С. 75.

Доклады М.М. Литвинова о Гитлере и его внутренней политике, носившие чисто профессиональный характер, одновременно выделялись страстным тоном и беспощадной критикой⁴²⁶.

Советские дипломатические представители в Германии принимали активное участие в пропагандистской работе по созданию негативного образа нацистского режима после прихода А. Гитлера к власти. В письме на имя Л.М. Кагановича (25 сентября 1936 г.) Н.Н. Крестинский, в частности, сообщал, что за три с половиной года своей работы в НКВД советник полпредства СССР в Германии А.С. Бессонов «проявил себя как один из лучших заграничных политических работников НКВД»⁴²⁷. И далее: «Он хорошо разбирается в заграничной политической обстановке, внимательно следит за внешним и внутренним политическим развитием Европы и откликается на все важнейшие события германской жизни в нашей печати, в частности, в “Правде”. В последнее время он помещал статьи за подписями Иоганна Вальтера и Генриха Шульца»⁴²⁸.

Е.А. Гнедин подчеркивал, что самой существенной сферой его работы в Берлине в 1935–1937 гг. стало «участие в международной кампании по разоблачению фашистского мракобесия и агрессивной природы гитлеризма»⁴²⁹. С этой целью он установил постоянные контакты с антифашистски или просто антигермански настроенными иностранными журналистами и дипломатами в Берлине.

Активность полпредов в деле информирования Москвы о внутренней политике Германии во многом зависела от состояния советско-германских отношений. Так, полпред Я.З. Суриц, по словам Е.А. Гнедина, «вынужден был оставаться пассивным, поскольку в период его пребывания в Берлине на этом посту отношения «были заморожены, контакты свелись к минимуму». Пассивность Сурица Е.А. Гнедин объяснял также «маневрами» торгпреда Д. Канделаки, который действовал в Германии как личный представитель И.В. Сталина⁴³⁰. Однако Я.З. Суриц, согласно характеристике Гнедина, несмотря на все это, «оставался в основном квалифицированным наблюдателем событий, и его доклады были Москве полезны»⁴³¹.

В газете «Правда» постоянно и настойчиво транслировалась мысль о том, что нацистскому диктаторскому режиму, опиравшемуся на наиболее «реакционную часть монополистического капитала», несмотря его на репрессивную внутреннюю политику, противостояли германский пролетариат, крестьянство и интеллигенция, находившиеся в состоянии перманентного недовольства и «брожения». На ее страницах охотно

⁴²⁶ Дюллен С. Указ. соч. С. 9.

⁴²⁷ Москва – Берлин ... Т. 3. Док. № 141.

⁴²⁸ Москва – Берлин ... Т. 3. Док. № 141; см., напр.: Иоганн Вальтер. Резервы Третьей империи // Правда. 1937. 5 янв.

⁴²⁹ Гнедин Е.А. Указ. соч. С. 378.

⁴³⁰ Абрамов Н.А., Безыменский Л.А. Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4/5. С. 144–156; Наринский М.М. Миссия Д. Канделаки в Берлине и советско-германские отношения (1935–1937 гг.) // 200 лет МИД России: Третьи Горчаковские чтения (Москва, 25 апр. 2002 г.); Материалы и докл. М., 2003. С. 174–187.

⁴³¹ Гнедин Е.А. Указ. соч. С. 377.

перепечатывались материалы из иностранных (английских, американских, французских и, собственно, немецких газет, причем не только коммунистического толка), приводились свидетельства непосредственных участников и очевидцев событий, призванные показать «рост антифашистских настроений» в нацистской Германии⁴³².

На эти источники в основном опирался и советский кинематограф. Определенные затруднения имели место и на пути от литературного сценария писателя Ю. Олеси («Вальтер») к реализации кинематографического замысла А. Мачерета «Болотные солдаты». Согласно первоначальной версии в его основу была положена история далекого от политики молодого рабочего, который лишь по чистой случайности попал в концентрационный лагерь, где его приняли за руководителя коммунистического подполья.

Данная версия вошла в вариант кинокартины, отснятый к исходу 1937 г. Однако ее не приняло кинематографическое руководство. От постановщиков фильма потребовали усилить роль друга героя, убежденного коммуниста. В конечном счете главным героем стал сознательный коммунист, бегущий из концентрационного лагеря и пытающийся наладить подпольную работу. Основная смысловая нагрузка ложилась не столько на сценарно-драматургическую основу, сколько на создававшуюся при помощи изобразительных средств гнетущую атмосферу. Так, декорации концлагеря в кинофильме «Болотные солдаты», сконструированные немецким художником-эмигрантом А. Бергером по фотографиям, сделанным в Дахау, оказались столь же значимыми и впечатляющими, как и разворачивавшиеся на их фоне сюжетные коллизии из жизни нацистской Германии⁴³³.

Советские средства массовой информации стремились сформировать устрашающий образ германского милитаризма, реанимацией которого усиленно занимался нацистский режим. Тема возрождения германского милитаризма, представлявшего угрозу европейской безопасности, постоянно находилась в центре внимания советских СМИ⁴³⁴. Занимала она и авторов, специализировавшихся в советской политической карикатуре: крестьянский скот давили танки; на пахотных землях строились военные аэродромы. Немецкому потребителю, в их интерпретации, национал-социалистический режим А. Гитлера вместо хлеба предлагал железо, вместо мяса – свинец, а вместо мозгов – чугун.

Советская пропаганда сосредоточивалась и на теме репрессий, проводившихся нацистским режимом против германского народа. Во второй половине 1930-х годов она была одной из наиболее востребованных в политической карикатуре. Часто встречающейся в ней характерной деталью становится топор палача: это была реакция на восстановление в Германии смертной казни через отсечение головы. Так, на фотоколлаже, опубликованном в журнале «Крокодил» под названием «Коротко о Третьей империи», изображался пень, на срезе повторявший своими контурами картографическое изображение Германии, в который

⁴³² Правда. 1934. 27 нояб.; 1939. 10 авг.

⁴³³ Марголит Е. Указ. соч. С. 77.

⁴³⁴ Известия. 1935. 20 февр., 10, 23, 30 марта; Красная звезда. 1935. 26 марта; Ленингр. правда. 1935. 28 марта, 20 апр.; За индустриализацию. 1935. 6 апр.

был воткнут топор со зловещей свастикой. На карикатуре «Фашистская юстиция» чернильница представлялась в виде плахи с топором.

В этот период обрел новые очертания образ Германии как большого лагеря, куда были принудительно загнаны по воле нацистского руководства различные слои населения этой несчастной страны. Недовольные (главным образом коммунисты) направлялись нацистами в концлагеря; молодежь собиралась в трудовых лагерях; в них же безработные «реализовали» свое право на труд. А представители старшего поколения находятся в семейных лагерях. Довольно выразительно эта тема была представлена на карикатуре К.П. Ротова «Редкое единогодушие». Изображенный на ней увешенный орденами нацист нагло заявлял: «Все население нашего города в одном лагере (концентрационном)».

Репрессии, которые нацисты направляли против немецкого народа, вызывали у карикатуристов ассоциации с тотальным устрашением. Тема страха нашла отражение в целом ряде карикатур. Люди боятся собственной тени, опасаясь прихода штурмовиков. Студенты спешат покинуть аудиторию во время демонстрации внутренних органов человека, думая, что могут оказаться среди «экспонатов». В обстановке насилия и страха, которая была создана нацистами, буржуазным свободам германского народа, в представлении советских карикатуристов, оставалось место лишь... на кладбище⁴³⁵.

Во второй половине 1930-х годов, как уже отмечалось, предпринимались попытки показа образа нацистской Германии кинематографическими средствами. Так, в 1936 г. на экраны СССР вышла лента Одесской киностудии «Карл Бруннер» (автор сценария – венгерский писатель Б. Балаш, режиссер А. Маслюков). В нем предпринималась попытка передать состояние простых немцев после прихода к власти в Германии национал-социалистов. Однако на основании варианта фильма «Карл Бруннер», вышедшего на советский экран, кинозрители так и не смогли представить себе до конца всей гнетущей атмосферы нацистского режима. Сцены страданий и отчаяния немецкого народа руководству Одесской киностудии показались слишком страшными, и их было приказано «вырезать» по цензурным соображениям⁴³⁶.

На этом фоне особенно интересной была попытка воплощения в художественной киноленте событий, связанных с поджогом рейхстага и Лейпцигским процессом. В марте 1934 г. в Москву приехал героически проявивший себя на этом процессе болгарский коммунист Г.М. Димитров. Одновременно среди немецких эмигрантов возникла идея сделать о нем документальный фильм. Однако доступа к немецкой кинохронике не было. Тогда известный «левый» режиссер, работавший в свое время в Веймарской Германии, политический эмигрант Г. фон Вангейхайм решил поставить игровой фильм о Димитрове. Этот сценарий был принят объединением «Межрабпом», получил высокую оценку А.М. Горького. В фильме под названием «Борцы» снимались немецкие эмигранты, профессиональные актеры (Г. Грайф, Р. Трейш, А. Гранах, Л. Лёбингер), певец Э. Буш,

⁴³⁵ Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом». С. 95, 96.

⁴³⁶ Марголит Е. Указ. соч. С. 70.

писатели К. Трепте и Ф. Эрпенбек, а также участники рабочих агитгрупп «Колонне Линкс» и «Ротен Ракетен». На озвучении картины работали Э. Гешшонек, Х. Циннер и Х. Клеринг⁴³⁷.

В полном соответствии с советской официальной точкой зрения, а главное, с позицией И.В. Сталина, авторы фильма рассматривали Г.М. Димитрова как воплощение индивидуальной победы над фашистскими судьями. Человека, отстаивавшего свое право на свободу в схватке с враждебной нацистской системой, олицетворявшей ее судебными органами. Подобная ситуация оказалось уникальной, неповторимой, возможной лишь на заре национал-социалистического режима, нуждавшегося в консолидации своих сил.

В период, когда началась работа над кинокартиной «Борцы», А. Гитлер упрочил свои позиции, а настоящая опасность немецкого фашизма лишь обретала более четкие черты. Конструирование официальной советской иконографии Г. Димитрова по времени совпало с его превращением в функционера сталинского партаппарата, особенно после избрания Генеральным секретарем ИККИ. Димитров посоветовал использовать при создании фильма образ казненного М. ван дер Люббе, проходившего вместе с ним в качестве обвиняемого на Лейпцигском процессе и приговоренного к смертной казни. Благодаря его происхождению и противоречивому характеру, образ ван дер Люббе мог оказать необходимое эмоциональное воздействие на зрителя⁴³⁸. Г. Димитров согласился вновь произнести часть своего выступления на Лейпцигском процессе перед кинокамерой, А. Барбюс – свою парижскую речь, с которой он выступил в 1933 г. в его поддержку⁴³⁹.

Советская пропаганда уделяла особое внимание взаимоотношениям нацизма и религии⁴⁴⁰. Первоначально преследовалась цель показать, что нацисты в своей политике опираются на католическую церковь⁴⁴¹. Однако со временем, после того, как из Германии были получены сведения о гонениях Гитлера на церковь, тон советских публицистических статей⁴⁴² по данной тематике изменился. Теперь основное внимание было сосредоточено на доказательстве того, что церковь своей пацифистской проповедью «не убий» препятствует нацистам в их подготовке к войне⁴⁴³.

Однако в советской пропаганде, направленной на разоблачение нацистского режима, политическая целесообразность зачастую довлела над конкретными реалиями. Так, в 1936 г. шеф немецкой редакции Инорадио Г. Штиби направил в секретариат ИККИ на имя П. Тольятти письмо с жалобой на представителей Главлита, которые требовали представлять

⁴³⁷ Дымшиц Н. Антифашистское кино в изгнании. К теме // Киноведческие записки: (Нем. номер). 2002. № 59. С. 134.

⁴³⁸ Агде Г. Искусство в эмиграции и фильм «Борцы» // Киноведческие записки: (Нем. номер). 2002. № 59. С. 163.

⁴³⁹ Дымшиц Н. Указ. соч. С. 134.

⁴⁴⁰ Коровин Е. Фашизм и религия // Под знаменем марксизма. 1934. № 2; Эльвин И. Фашизм и церковь в Германии // Фронт науки и техники. 1933. № 7-8; Он же. Союз креста и свастики (фашизм и религия в Германии). М., 1934; Известия. 1935. 17 нояб.

⁴⁴¹ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 117.

⁴⁴² Фогараша А. Борьба фашистов против католической и протестантской церкви в Германии и ее причины // Мировое хозяйство и мировая политика. 1938. № 4; Эльвин И. Народный фронт в Германии и верующие трудящиеся // Антирелигиозник. 1938. № 4.

⁴⁴³ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 118.

для предварительной цензуры тексты всех радиопередач. Штиби, который подготовил для эфира собственный текст о свободе совести, в частности, утверждал, что в нацистской Германии развернулся террор против инакомыслящих, жертвами которого стали и названные им по именам католические священники. В ответ представитель Главлита запретил трансляцию и наложил на текст, представленный заведующим немецкой редакцией Инорадио, следующую резолюцию: «Католики нам не нужны, нам нужны революционные рабочие»⁴⁴⁴.

После прихода нацистов к власти ими был проведен ряд практических мероприятий по унификации всех сфер общественной и культурной жизни Германии с целью подчинения идеологическому обслуживанию нацистского режима. Поэтому советская пропаганда неустанно разоблачала реалии духовной жизни «Третьей империи», методы манипулирования нацистской верхушки общественным сознанием. Вышли в свет многочисленные публикации⁴⁴⁵, в которых анализировалась фашистская философия, роль художественной литературы в идейном арсенале нацистского режима. Однако и в них преобладали пафос разоблачения и «припечатывания»⁴⁴⁶.

Как следует из отчетов отдела внешних сношений ВОКСа⁴⁴⁷, а также из аннотированных обзоров литературной жизни в нацистской Германии, подготовленных сотрудниками Иностранной комиссии ССП⁴⁴⁸, немецкая культура оказалась при нацистах в полном загоне.

Неслучайно тема гонений нацистов на представителей германской науки и культуры нашла отражение на страницах журнала «Интернациональная литература». Постоянными сотрудниками этого периодического издания выступали немецкие писатели, драматурги и публицисты, которые сумели эмигрировать в СССР: И.Р. Бехер, В. Бредель, Б. Брехт, Э. Вайнерт, Ф. Вольф. Перечисленные выше эмигрировавшие из Германии авторы предоставляли для публикации в СССР свои произведения, в которых разоблачалась внутренняя политика нацистского режима в целом и гонения на не принявших его представителей германской культуры, в частности⁴⁴⁹. Эти и другие представители германской художественной интеллигенции, которые были вынуждены покинуть родину,

⁴⁴⁴ Тишлер К. Радио в оковах. Немецкое радиовещание из Москвы: от революционного воодушевления к государственной регламентации (1929–1041) // Россия и Германия в XX веке: в 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 831–832.

⁴⁴⁵ Радек К. Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства // Известия. 1934. 27 авг.; Перельман Ф. Философия германского фашизма // Под знаменем марксизма. 1934. № 1; Брустов А. Милитаристская литература германского фашизма // Книга и пролетарская революция. 1934. № 8; Лившиц Е. Фашизация школы в Германии // Коммунист. революция. 1934. № 5; Мотылева Т. Литература коричневого социализма // Знамя. 1935. № 1; Шишкин А. Философия восприятия «из крови и земли» или фашистское мракобесие г-на Крика // Коммунист. просвещение. 1936. № 1; Асмус В. Философская культура под сапогом фашизма // Знамя. 1936. № 3; Баммель Г. О фашизации истории философии в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии. М., 1936; Известия. 1935. 5, 11 мая, 28, 29 авг., 26 нояб.; Лит. газ. 1935. 15 июля.

⁴⁴⁶ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 119.

⁴⁴⁷ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 218. Л. 2–16.

⁴⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Д. 413. Л. 4–10, 44–51, 82–83, 85–88, 105–106.

⁴⁴⁹ Там же. Д. 399, 402, 413.

опасаясь репрессий со стороны национал-социалистов, своим литературным трудом принимали активное участие в обличении фашистских порядков в Германии, действуя в составе Немецкой секции ССП⁴⁵⁰.

В журнале «Интернациональная литература» была помещена повесть-памфлет Э. Отвальта «Ведают бо, что творят», где изображался бесчеловечный механизм нацистской судебной машины. Большую роль в борьбе против идеологии расизма, проповедовавшейся гитлеровским руководством, сыграла публикация в этом журнале романа Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм».

Об активной публицистической заостренности журнала свидетельствовали такие произведения, появившиеся на его полосах, как статьи Т. Манна «Фашизм – это война», Б. Рейха «Шекспир на фашистской сцене», пьеса Б. Брехта «Чихи и Чухи». Эти и другие, различные по своим литературным жанрам произведения были объединены общим антинацистским пафосом⁴⁵¹.

Положению науки и культуры в Германии в условиях нацистского режима был посвящен целый ряд карикатур, помещавшихся на страницах журнала «Крокодил» и других советских периодических изданий. Тема сожжения нацистскими «культуртрегерами» неудобных им книг считалась наиболее выигрышной в общей кампании по созданию обличительного образа А. Гитлера и его режима. Параллельно с ней карикатуристы обыгрывал сюжет о безработице среди выпускников германских университетов и профессуры по причине их «невостребованности». В изображении советских карикатуристов, на улицах германской столицы появились математики, которые, лишившись университетских кафедр, были вынуждены стать чистильщиками сапог; инженеры и экономисты поневоле превращались в домашнюю прислугу; археологи разыскивали...пропитание на свалках. В университетах их «заменяли» штурмовики. Ставшие «героями» советских карикатур, они с трудом пытались вспомнить, какую кафедру представляют (по музыке или по хирургии); просили в виде исключения вместо музыки Мендельсона-Бартхольда «сочинить»... теорию Эйнштейна. И в качестве своеобразного апофеоза изображался штурмовик в виде примата, гордо стоявший над трупом великой германской науки. Советская карикатура также стремилась показать, в каком тяжелом положении оказались при национал-социалистах немецкая художественная литература, театральное искусство, живопись, музейное дело⁴⁵².

Идеальный советский мир, в представлении советских кинематографистов второй половины 1930-х годов, чтит и защищает мировое культурное наследие, а нацистский режим изображался решительным противником лучших достижений культуры. Так, в одном из кадров фильма «Болотные солдаты» возникал памятник Гете... с завязанными глазами, а в

⁴⁵⁰ Там же. Оп. 12. Д. 83; Оп. 13. Д. 83; Оп. 14. Д. 432.

⁴⁵¹ Там же. Ф. 1397. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–8; Ф. 1397. Оп. 5. Д. 49. Л. 1;

⁴⁵² Куманев В.А. Указ. соч. С. 96.

ленте «Семья Оппенгейм» учитель-нацист раздраженно поворачивал лицом к стене бюст Вольтера⁴⁵³.

Наиболее выпуклым и бросающимся в глаза компонентом нацистской идеологии являлась расовая теория. Критический разбор ее основных положений был предпринят уже после прихода Гитлера к власти⁴⁵⁴, причем анализу подверглись не только его книги, но также писания А. Розенберга и других нацистских теоретиков. Рассматривавшаяся советскими авторами как враждебная, расовая теория нацистов противопоставлялась марксистскому интернационализму. Они достаточно убедительно показали внутривнутриполитическое и внешнеполитическое содержание нацистской расовой теории, увидев в ней важный инструмент идеологической подготовки Германии к войне⁴⁵⁵.

Расовая теория и политика нацистов нашла некоторое отражение и в советской карикатуре. Карикатуристы в гротескной форме представляли «подлинных арийцев», которых... выращивают на специальных фермах. Из карикатур следовало, что нацистскую «проверку на чистоту расы» не прошли Наполеон, папа римский Пий, Спиноза. Даже сказочный принц не мог разбудить спящую красавицу: его как «неарийца» тут же схватили штурмовики⁴⁵⁶.

Преследуемыми учеными в ряде советских фильмов второй половины 1930-х годов («Профессор Мамлок», «Болотные солдаты», «Семья Оппенгейм») оказывались еврей-медики⁴⁵⁷. Однако на уровне драматургии происходило постоянное «снятие», лакирование трагедийных коллизий. Ф. Вольф написал пьесу «Профессор Мамлок» еще в 1933 г., под впечатление от фотографии, помещенной в одной из немецких газет. На ней был изображен старик в разорванной одежде, на груди которого висела дощечка с надписью «еврей». Под снимком шла характерная подпись: «Штурмовые отряды в Мангейме успешно очищают нашу страну от чуждых в расовом отношении элементов населения. Вчера из хирургической клиники уволен врач-еврей Мамлок». Ф. Вольф дал имя человека, изображенного на газетной фотографии, своему герою и сочинил историю-предисловие к финальной трагической сцене, зафиксированной впоследствии на киноплёнке. В 1933 г. Ф. Вольф «возлагал ответственность» за произошедшее с Мамлоком на него самого и даже вменял ему в вину социальную пассивность и интеллигентское простодушие, которое и привело к страшным последствиям.

При постановке фильма сюжет пьесы Ф. Вольфа «Профессор Мамлок» был изменен. История жизни врача-еврея, затравленного нацистами и кончающего жизнь самоубийством, превращалась в еще одну версию сюжета о прозрении далекого от политики человека,

⁴⁵³ Марголит Е. Указ. Соч. С. 74.

⁴⁵⁴ Аржанов М.А. Расовая теория германского фашизма // Революция и национальности. 1935. № 3; Бернардинер Б.М. Очерки о фашизме // Подъем. Воронеж, 1933. Кн. 4-5, 7, 10; Вольфсон С.Я. Расовые теории фашизма и классовая борьба // Под знаменем марксизма. 1934. № 3; Он же. Расовые «теории» германского фашизма // Против фашистского мракобесия и демагогии. М., 1936; Гард Д. Расовая теория и практика фашизма // Сов. государство. 1934. № 2.

⁴⁵⁵ Красная звезда. 1939. 18 янв.

⁴⁵⁶ Куманев В.А. Указ. соч. С. 96.

⁴⁵⁷ Марголит Е. Указ. соч. С. 74.

который встал в ряды активных социальных бойцов против фашизма и пожертвовал своей жизнью ради победы дела своего сына-коммуниста. Аналогичное явление наблюдалось в киноверсии пьесы «Семья Оппенгейм». В ней подобный же путь проделывал еврей-врач, в отличие от своего литературного прототипа сходящий с ума в нацистском концлагере⁴⁵⁸.

По традиции на страницах газеты «Правда» помещались обзорные материалы, приуроченные к очередной годовщине прихода к власти в Германии НСДАП, в которых, в частности, вновь и вновь подчеркивалась гибельность социально-экономического курса правительства А. Гитлера⁴⁵⁹. Они были призваны внести дополнительные штрихи к уже сформированному ранее советской пропагандой негативному образу нацистского режима. При этом практиковалось привлечение материалов иностранной прессы. Так, итоги двухлетнего пребывания А. Гитлера подводились с использованием публикаций газеты «Национальцайтунг» (Базель, Швейцария)⁴⁶⁰.

Между тем И.В. Сталин, который уже в 1933 г. был вынужден констатировать победу национал-социалистов в Германии, придерживался в целом осторожной позиции в отношении инициатив советских дипломатов об организации ответных пропагандистских акций, направленных на обличение фашистского режима. Не исключено, что подобная позиция была обусловлена внутренней убежденностью Сталина в легитимности Гитлера как вождя германской нации. 30 июля 1935 г., выступая на приеме в Кремле работников железнодорожного транспорта СССР, И.В. Сталин, в частности, заявил: «Буржуазия выдвинула своих наиболее умных и способных людей для управления государством: Рузвельта, Болдуина, Гитлера – *он талантливый человек* [выделено нами. – С.Е.]...»⁴⁶¹. Эта комплиментарная оценка А. Гитлера, которую зафиксировал в своей записи М.Р. Хлусер, помощник В.М. Молотова, естественно, не была включена в газетный отчет о речи Сталина. Однако сама по себе она является весьма симптоматичной и дает ключ к пониманию сталинской мотивации при принятии решений по вопросу об организации пропагандистских кампаний против нацистов.

Одним из удобных поводов для организации такого рода кампаний являлись антисоветские выпады, которые допускали нацистские «вожди» на съездах НСДАП, которые происходили в Нюрнберге. В сентябре 1934 г. На Нюрнбергском «партейтаге» А. Гитлер

⁴⁵⁸ Дымшиц Н. Указ. соч. С. 134.

⁴⁵⁹ Варга Е.С. Германский фашизм у власти // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 4; Варга Е.С. Итоги и перспективы германского фашизма у власти // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 5-6; Варга Е.С. Истинное лицо германского фашизма // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 9; Варга Е.С. Германский фашизм в тупике // Мировое хозяйство и мировая политика. № 11-12; Дзенис О. Фашизм и противоречия в лагере германской буржуазии // Мировое хозяйство и мировая политика. № 11-12; Пятницкий О. Итоги фашистской диктатуры в Германии // Коммунист. Интернационал. 1934. № 23, 24; Он же. О фашистской диктатуре в Германии // Коммунист. Интернационал. 1934. № 25; Денгель Ф. Пять лет фашистской диктатуры в Германии // Большевик. 1938. № 3.

⁴⁶⁰ Игра ва-банк // Известия. 1935. 16 марта.

⁴⁶¹ Невежин В.А. Большие кремлевские приемы Сталина (1930-е – начало 1940-х гг.) // Отечеств. история. 2005. № 3. С. 64.

довольно резко и недружелюбно высказывался по поводу СССР⁴⁶². В распоряжении исследователей нет документальных свидетельств о реакции сталинского руководства на эти антисоветские выпады.

Данный пробел отчасти заполняется фактическим материалом, дающим возможность понять, какую реакцию И.В. Сталина вызвали высказывания нацистских «вождей» в адрес СССР, прозвучавшие на очередном Нюрнбергском съезде НСДАП в сентябре 1935 г. 15 сентября 1935 г., будучи на отдыхе в Сочи, И.В. Сталин получил шифровку от Л.М. Кагановича и В.М. Молотова с изложением сообщения ТАСС (не для печати), составленного 12 сентября. В сообщении пересказывалось содержание антисоветских выпадов А. Гитлера, А. Розенберга, Й. Геббельса. Сталин в ответ на информацию, присланную Молотовым и Кагановичем, посоветовал не делать в советской печати «истерического шума и не поддаваться вообще истерике наших газетчиков»⁴⁶³. По его мнению, Нюрнбергский съезд НСДАП стал своеобразным ответом на VII-й Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Гитлеровцы разразились руганью, по мнению Сталина, прежде всего потому, что на Конгрессе их «облили помоями» и «смешали с грязью».

В то же время Сталин разрешил критику внутренней политики национал-социалистов в советской периодической печати, причем рекомендовал делать это «принципиально и политически, но без площадной брани». Сталин разъяснял, что в газете «Правда» можно дать материал, доказывающий, что происходящее на Нюрнбергском съезде НСДАП подтверждает данную конгрессом Коминтерна квалификацию национал-социализма «как самой дикой формы шовинизма». «Антисемитизм есть звериная форма шовинизма и человеконенавистничества», – продолжал свою мысль Сталин, а с точки зрения истории культуры это – «возврат к каннибализму». Национал-социализм в этом отношении не оригинален, уверял И.В. Сталин, ибо «рабски повторяет русских погромщиков времен Николая второго и Распутина».

Вслед за этим 16 сентября 1935 г. Н.Н. Крестинский направил И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу и К.Е. Ворошилову записку, к которой была приложена составленная в Отделе печати НКВД справка об антисоветских выступлениях А. Гитлера и других членов германского правительства (Й. Геббельс, Р. Гесса, В. Р.О. Даре) на съезде НСДАП в Нюрнберге. Личные оскорбления в адрес СССР и его руководства, которые позволили себе руководители НСДАП на своем съезде, побудили М.М. Литвинова выступить с предложением о заявлении решительного протеста в адрес германской стороны. Н.Н. Крестинский, наоборот, считал, что делать этого не следует⁴⁶⁴.

И.В. Сталин рекомендовал дожидаться очередного заседания рейхстага, а уж потом соответствующим образом отреагировать на информацию, переданную М.М. Литвиновым и

⁴⁶² Правда. 1934. 12, 18 сент.

⁴⁶³ Сталин и Каганович. Переписка ... Док. № 568.

⁴⁶⁴ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 372.

Н.Н. Крестинским⁴⁶⁵. 17 сентября Л.М. Каганович и В.М. Молотов переслали Сталину текст выступления Гитлера в рейхстаге с припиской: «Мы думаем, что протеста можно не посылать»⁴⁶⁶. Вождь согласился с мнением соратников⁴⁶⁷.

Между тем в ряде советских газет и журналов появились публикации, в резко негативном свете представлявшие все, что происходило на Нюрнбергском съезде НСДАП⁴⁶⁸. А 17 сентября в «Правде» была помещена политически заостренная статья известного публициста Д.И. Заславского, написанная в духе сталинских указаний о «возврате к каннибализму» и «зверином шовинизме» национал-социалистических лидеров⁴⁶⁹.

После упоминавшегося выше постановления Политбюро от 8 октября 1933 г. в программах Инорадио из Москвы преобладали темы о внутреннем положении СССР. Неслучайно в программе на октябрь 1936 г. к положению в Германии относилась лишь одна передача, да и та была посвящена Гамбургскому восстанию 1923 г. Из 140 сюжетов, запланированных Инорадио на январь 1939 г., лишь 15 оказались на германскую тематику, а 2 непосредственно затрагивали внутривнутриполитическую ситуацию при нацистском режиме (о концентрационном лагере Бухенвальд и о формировании единого антифашистского фронта).

В период политических репрессий были арестованы некоторые сотрудники Инорадио. Среди предъявленных им обвинений фигурировало использование цитат из иностранных источников в качестве «фашистской пропаганды»⁴⁷⁰.

Проведение в 1936–1938 гг. в Москве открытых судебных процессов против «врагов народа», которые якобы состояли в сговоре с фашистской агентурой, дало советской пропаганде лишний повод для обличения нацистского режима. Проходившие на этих процессах в качестве подсудимых «троцкисты и зиновьевцы», как писали советские газеты, «не только идейно и политически сомкнулись с фашизмом, но и действовали в прямой связи с германской охранкой (гестапо)», а их конечной целью являлась «война против СССР и поражение последнего»⁴⁷¹. Таким образом, нацистский режим стал представляться не только в качестве врага внешнего, враг внутреннего, засылавшего в Советский Союз многочисленных шпионов и диверсантов с целью подрыва его оборонной мощи.

Как уже отмечалось, на судебных процессах 1936–1938 гг. были осуждены видные советские дипломаты, политические публицисты, журналисты, работавшие в Германии (Н.Н. Крестинский, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, К. Радек, Д.П. Бухарцев и другие), хорошо

⁴⁶⁵ Сталин и Каганович. Переписка. Док. № 658.

⁴⁶⁶ Там же. Док. № 660.

⁴⁶⁷ Там же. Док. № 661.

⁴⁶⁸ Форстер Ф. Нюрнбергская инсценировка // Красная газета. 1935. 9 сент.; Лебедев Д. Коричневый съезд // Ленинград. правда. 1935. 14 сент.; Он же. Комедия в городе Нюрнберге // Комсомольская правда. 1935. 15 сент.; М.Т. Сборище шутов в Нюрнберге // За индустриализацию. 1935. 15 сент.; Осипов Д. Базар в Нюрнберге // Правда. 1935. 15 сент.; К.Р. Нюрнбергский балаган // Известия. 1935. 16 сент.; Радек К. Нюрнберг и Москва // Красная звезда. 1935. 18 сент.; Пик В. Гитлеровский съезд войны // Ленинград. правда. 1935. 24 сент.; Флорин В. Съезд поджигателей войны // Коммунист. Интернационал. 1936. № 15.

⁴⁶⁹ Заславский Д. Очаг мракобесия, варварства и войны // Правда. 1935. 17 сент.

⁴⁷⁰ Тишлер К. Указ. соч. С. 827, 829.

⁴⁷¹ Правда. 1937. 25 янв.

знавшие «изнутри» политику нацистского режима и поставлявшие в Москву ценную информацию по данной тематике. Это привело к снижению аналитического и профессионального уровня публикаций о немецкой политике, к догматизму взглядов по проблематике, связанной с освещением деятельности руководства НСДАП во внутривнутриполитической, экономической областях, а также в сфере идеологии и культуры⁴⁷².

По инициативе И.В. Сталина 14 апреля 1937 г. при Политбюро ЦК ВКП(б) была создана узкая постоянная комиссия, в которую вошли, помимо самого Сталина, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и Л.М. Каганович. Она была призвана решать важнейшие секретные (в том числе внешнеполитические) вопросы. К концу 1930-х годов эта комиссия действовала уже в виде «пятерки» во главе с И.В. Сталиным. Ее членами являлись также В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович и А.И. Микоян⁴⁷³. Это была «неуставная группа» внутри Политбюро ЦК ВКП(б), которая узурпировала всю власть как в большевистской партии, так и в высших исполнительных органах: она включала преимущественно членов правительства, заместителей Председателя СНК СССР и глав важнейших ведомств⁴⁷⁴.

На этом фоне, а также в связи с репрессиями, которым подверглись в 1937–1938 гг. два первых заместителя наркома иностранных дел (Н.Н. Крестинский и Б.С. Стомоняков), значительно снизился авторитет М.М. Литвинова. И.В. Сталин постепенно отдалял его от решения важных политических задач, в том числе касавшихся организации внешнеполитической пропаганды в контексте советско-германских отношений. В ходе репрессий 1937–1938 гг., когда НКВД и ЦК ВКП(б) «стали по-настоящему управлять»⁴⁷⁵ персоналом НКВД, основной задачей Литвинова стало стремление «сохранить бразды правления» внешнеполитическим ведомством в своих руках, что, естественно, отодвигало на второй план решение текущих пропагандистских вопросов.

Между тем догматические представления о сущности нацистского режима нашли свое окончательное закрепление и идеологическое обоснование в «Кратком курсе истории ВКП(б)», текст которого готовился под непосредственным руководством И.В. Сталина и тщательно редактировался им. В этой «настойной книге большевизма» были сформулированы определения, которые советский вождь считал необходимым применить к НСДАП, ставшие впоследствии основополагающими в пропагандистских установках. Национал-социалистическая партия Германии, как с подачи Сталина утверждалось в «Кратком курсе...», являлась «во-первых, наиболее реакционной и враждебной рабочему классу частью империалистической буржуазии; во-вторых, наиболее реваншистской

⁴⁷² Митин М. Идеология фашистского мракобесия // Правда. 1937. 28 янв.

⁴⁷³ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. С. 239.

⁴⁷⁴ Жуков Ю.Н. Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. С. 63.

⁴⁷⁵ Дюллен С. Указ. соч. С. 205.

партией, способной увлечь за собой миллионные массы националистически настроенной мелкой буржуазии»⁴⁷⁶.

В области внутренней политики действия нацистского режима, как утверждалось в «Кратком курсе...», отличались «зверским подавлением рабочего класса», уничтожением буржуазно-демократических свобод, уничтожением организаций рабочего класса⁴⁷⁷.

О догматических тенденциях в освещении политики нацистского режима свидетельствовало и то, что тексты выступлений И.В. Сталина и В.М. Молотова, некоторые пропагандистские статьи, помещавшиеся в газете «Правда» и в журнале «Коммунистический Интернационал», тиражом от несколько тысяч экземпляров перепечатывались в Москве и в других городах, а затем использовались в качестве «методических» материалов для агитаторов⁴⁷⁸.

Советская пропаганда 1930-х годов, как отмечалось выше, основывалась прежде всего на политической целесообразности. Любые отклонения от исполнения теми или иными структурами внешнеполитической пропаганды социального заказа немедленно вызывали негативную реакцию со стороны функционеров, осуществлявших идеологический контроль над ними.

Например, в выступлении В.С. Богушевского на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) (1937 г.) была подвергнута критике работа редакции «Последних известий по радио». Не имея собственной иностранной сети, ее сотрудники были вынуждены обращаться к посредничеству ТАССа. Однако, по словам Богушевского, «солидного, обстоятельного материала о загранице»⁴⁷⁹ эта редакция не имела. В результате получалось «политически вредное, искаженное освещение фашистского режима». Поясняя свою мысль, В.С. Богушевский отметил: основываясь на телеграммах ТАССа, советское радиовещание передавало в эфир содержание «мелких телеграмм», которые говорили о выступлении фашизма «только на международной арене»; радиослушатели узнавали на основе этой информации только «о всевозможных дипломатических выступлениях, об агрессивных актах Гитлера и Муссолини». В то же время, констатировал Богушевский, выступая на Пленуме ЦК ВКП(б), не получала освещения «оборотная сторона» фашистского режима, поскольку «серьезная экономическая корреспонденция», публиковавшаяся в газетах «Правда» и «Известия» редакцией «Последних известий по радио» в эфир не передавалась.

⁴⁷⁶ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938. С. 289.

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ О международном положении. М.: Партиздат, 1937. 221 с.; О международном положении. В 2 вып.: сб. материалов. Курск: Курск. обл. изд-во, 1937–1938; О международном положении: сб. статей / сост. Я.А. Серов. Курск: Курск. обл. изд-во, 1939. 104 с.; О международном положении. Вып. 6. Октябрь 1938: сб. статей / Отдел партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Таджикистана. Сталинабад: Таджикпартиздат, 1938. 28 с.; О международном положении: [сб. материалов]. Челябинск: Челябинскгиз, 1939. 64 с.; Международное положение: сб. статей и материалов. Воронеж: Воронеж. обл. кн. изд-во, 1939. 48 с.

⁴⁷⁹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 19.

В.С. Богушевский утверждал: передавалось по радио только то, что показывало «фашизм как какую-то силу, которая стучит кулаком по столу, довольно мощную силу, которая добивается осуществления своих требований и т. д.». «Однако, – заключал он – «о том, что представляет собой экономика фашистских стран, о враждебности к фашизму внутреннего общественного мнения, о нарастании сил, противостоящих фашизму, – обо всем этом слушатель радио ничего не знает»⁴⁸⁰.

Понятно, что советская внешнеполитическая пропаганда не проходила мимо внимания населения. При этом распространявшаяся СМИ информация о ситуации в Германии, подобранная таким образом, чтобы доказать гибельность внутривнутриполитического и экономического курса нацистского руководства, при более глубоком ее рассмотрении порой наводила на нежелательные для советских идеологических структур ассоциации.

В октябре 1938 г. студент исторического факультета МГУ Я.Г. Гольдберг обратился с письмом в ЦК ВКП(б)⁴⁸¹. Гольдберг сообщал, что в его комсомольской группе «разгорелся очень острый и жаркий спор о положении фашистской Германии и законах ее развития». Автор письма добросовестно перечислил все пропагандистские штампы, которые встречались в советских газетах (о «лихорадочной подготовке» фашистов к войне, об «огромных темпах» вооружения Германии, о милитаризации ее хозяйства, о «нажмем на рабочий класс», об обнищании народных масс» в этой стране, о том, что германские фашисты «демагогическими приемами и террором» добились «известного роста большинства отраслей промышленности, связанных с войной»). Я.Г. Гольдберг предположил, опираясь на данную «аргументацию»: «Темпы развития (кривая роста) военной и большинства отраслей промышленности, связанных с ней, у Германии поэтому должны быть больше, чем у так называемых буржуазно-демократических стран».

Мало того, он задавался следующим вопросом: «Можно ли отсюда сделать вывод, что к фашистской Германии в наше время применим ленинский закон о скачкообразности развития, что Германия, правда, на узкой экономической и социальной базе, лихорадочно развила свою промышленность, приспособив ее к нуждам войны?» При этом в своем письме Г.Я. Гольдберг оговаривался, опять же, судя по стилю изложения, апеллируя к содержанию советской периодической печати, что «истощение экономических и людских средств не может продолжаться вечно», и фашизм, это «порождение загнивающего капитализма», неизбежно «обречен на гибель».

Однако Гольдберг подверг сомнению суждения «некоторых авторов статей», которые утверждали: «промышленность и все народное хозяйство Германии постоянно катится вниз, развивается по затухающей кривой, находится в состоянии хаоса и, того и гляди, само скоро развалится». Не напрашивается ли «из этих неверно ориентирующих статей», продолжал свои размышления студент истфака МГУ, «неправильный вывод, что раз фашизм, того и гляди, развалится», зачем тогда «держат наш народ в состоянии мобилизационной

⁴⁸⁰ Там же. С. 20.

⁴⁸¹ Письма во власть ... Док. № 260.

готовности»? По его мнению, «эти неверно ориентирующие статьи» вступали в противоречие с «мудрыми сталинскими словами».

Касаясь высказанных его однокурсниками предположений о том, что ближайшая социалистическая революция произойдет непременно в Германии, Я.Г. Гольдберг выразил по этому поводу сомнение. Революционному взрыву в Германии, как считал Гольдберг, препятствовало то, что германский рабочий класс плохо организован, в то время как фашисты пытались «нагнать шовинистического угара», а руководящая (Коммунистическая) партия оставалась в подполье.

В заключительной части своего письма студент истфака МГУ Я.Г. Гольдберг просил передать интересующие его вопросы на рассмотрение «компетентному товарищу», может быть, кому-либо из помощников И.В. Сталина, чтобы тот разъяснил, какие из изложенных в нем суждений верны, какие ошибочны, а также указал бы необходимые работы «товарища Ленина и товарища Сталина и специальные статьи в журналах».

Следует отметить, что в общественном сознании нацистский режим не всегда воспринимался исключительно с отрицательных позиций, то есть не так, как обычно представляла его советская внешнеполитическая пропаганда. Казалось бы, в СССР ей не было никакой альтернативы. Репрессиям подвергались все те, кто проявлял «нездоровый интерес» к источникам информации о повседневной жизни в нацистской Германии. Так, доцент института новых языков (Москва) К. Никсдорф, распространявший среди своих студентов статьи из германских газет «Берлинер тагеблатт» и «Франкфуртер цайтунг» за 1933 г., а также роман «немецкого националистического писателя» Э. Юнгера, оказался в ГУЛАГе⁴⁸².

В то же время, по сведениям органов НКВД, некоторые представители интеллигенции «с интересом и одобрением»⁴⁸³ следили за политикой А. Гитлера. Среди них находились и те, кто высказывал сомнение в достоверности публикаций советских газет и журналов о повседневной жизни в Германии при нацистах.

Например, уже в августе 1933 г. в Свердловске появились письма из Германии, в которых утверждалось, что радость в связи со становлением новой, нацистской системы «всеобщая»: буквально все «воодушевлены перспективами, которые ожидаются в новой Германии». При этом число участников демонстраций, которые проводились в этой стране в поддержку гитлеровского режима, якобы превышало сотни тысяч.

После убийства С.М. Кирова в феврале 1935 г. среди студентов Омского института сельского хозяйства велись такие разговоры: «В СССР тяжело живется большинству, и никто еще не доказал, что при германском фашизме хуже, чем при нашей пролетарской диктатуре».

Учительница немецкого языка (г. Свердловск), в первой половине 1920-х годов проживавшая в Германии и поддерживавшая переписку со своими знакомыми в этой стране, позволила себе определенное «инакомыслие». В 1936–1937 гг. она высказывала «неумеренно

⁴⁸² Там же. Док. № 166.

⁴⁸³ Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику...». С. 149–152.

восторженные мнения о Германии», возмущаясь тем обстоятельством, что советский журнал, издававшийся на немецком языке, «имеет нахальство» писать о голодных детях немецких безработных. «Хотела бы я посмотреть хотя бы на одного голодающего ребенка в Германии», – восклицала она.

Встречались и такие суждения, которые в какой-то степени «корреспондировали» со сталинской оценкой, прозвучавшей в речи на приеме железнодорожников в Кремле 30 июля 1935 г. «Гитлер – это великий человек, ему богом суждено победить весь мир, надо помогать Гитлеру», – утверждал, в частности, в июне 1936 г. инспектор ОТК из Вологды П.С. Непряхин.

В связи с этими событиями представляет особый интерес суждение 16-летнего школьника из Челябинска, который своеобразно интерпретировал вклад К. Радека в освещение антифашистской тематики. После завершения судебного процесса «Параллельного троцкистского центра» этот школьник утверждал: «Своим умом Карл Радек понял, что весь мир стоит перед фашизмом, что фашизм захлестывает весь мир и, естественно, нужно своевременно перейти на сторону фашизма, и он это сделал... Хотя эти люди, как вы говорите, агенты гестапо, но вы мне найдите хотя бы одного человека в Советском Союзе, который бы равнялся по уму Карлу Радеку».

Таким образом, к середине 1930-х годов в советской пропаганде нацизм занял структурно ключевое место. Он оказался полностью встроенным в классовую доктрину и истолковывался исключительно с классовых позиций. Феномен нацизма интерпретировался пропагандистскими органами СССР в терминах классовых интересов. Он рассматривался как детище крупной германской империалистической буржуазии. Данная версия усиленно внедрялась в общественное сознание советской пропагандой.

Однако «классовый подход» не объяснял такие характерные для нацизма феномены, как его поддержка большим количеством германских рабочих, не всегда благосклонная политика нацистского режима к «классово близким» капитанам тяжелой индустрии. Но советских идеологов и пропагандистов это вовсе не смущало. Они, например, с легкостью находили объяснение тому, что подавляющее большинство членов НСДАП голосовало как раз против своих «классовых интересов». Якобы в данном случае «классовые интересы» понимались неверно, и когда нацистский режим обнаружит свое подлинное классовое лицо, германские рабочие и представители мелкой буржуазии неизбежно отшатнутся от него. По логике большевистских пропагандистов, этот режим должен был неизбежно обнаружить свое враждебное лицо, поскольку дела у нацистов, согласно многочисленным публикациям советской прессы и радиопередачам, шли все хуже.

Советская пропаганда в 1933–1939 гг. сосредоточила основные усилия на создании негативного образа нацистского режима. Главным лейтмотивом ее являлось подробное описание обострения внутривнутриполитического и экономического кризиса, причиной которого объявлялась милитаризация и политика автаркии, проводимая А. Гитлером. Приводившиеся в научных публикациях и пропагандистских статьях статистические данные должны были убедить общественное мнение в СССР и за границей, что экономический крах Третьего

рейха – лишь вопрос времени, а вслед за ним последует и крушение самого нацистского режима.

Однако проходил год за годом, а германская экономика (о чем предпочитали умалчивать советские пропагандисты) не только не рухнула, а своим развитием способствовала реализации программы усиленного вооружения немецкой армии. Утверждения советской пропаганды о неизбежности экономического краха нацистского режима брались под сомнение (чаще всего представителями студенческой среды и интеллигенции), хотя истинный характер и размеры этого явления пока представить довольно трудно из-за недостатка источников.

Советская пропаганда активно использовала периферийные с классовой точки зрения моменты: в периодической печати СССР широко освещалась культурная политика нацистского режима, которая характеризовалась едва ли не как триумф иррационализма и мракобесия. Политика нацистов в области культуры интерпретировалась чуть ли не как возвращение к средневековому варварству, а на первый план выдвигалось обличение гонений на либеральную интеллигенцию вообще и на еврейскую в частности. Германия при гитлеровском режиме была представлена как страна, где преданы забвению великие достижения культуры, истребляются на костре книги мастеров мировой художественной литературы.

Культурная катастрофа в нацистской Германии интерпретировалась как закономерное следствие всеобщего кризиса империализма. С этой позиции не казалось удивительным то, что огромный пласт культурных достижений, завоеванных ранее буржуазией, был так быстро уничтожен.

Средства массовой информации СССР выступали с критикой репрессивных действий нацистов, направленных на искоренение противников режима. Состояние экономики Германии представлялось как кризисное или предкризисное. Акцентировалось внимание на том, что германский народ испытывает постоянную нужду, голодает и подвергается жестокому угнетению со стороны правящей гитлеровской клики. Негативные оценки, хотя и в меньшей степени, чем при описании страданий основной массы населения страны, давались расовой политике А. Гитлера, гонениям и травле в Германии представителей еврейской национальности. Правящему режиму в лице главных представителей (А. Гитлер, А. Геринг, Й. Геббельс) с его репрессиями против инакомыслящих, милитаризацией и ущемлением основных прав граждан Германии в советской пропаганде противопоставлялся германский народ. Однако этот народ советскими средствами пропаганды трактовался как униженный и задавленный нацистским режимом, ожидавшим того часа, когда после неспровоцированного нападения нацистов на СССР, ему на помощь придет с востока могучая Красная армия и когда восстание германского пролетариата в совокупности с ее наступательными действиями даст, наконец, возможность свергнуть ненавистный режим.

В то же время в поведении И.В. Сталина при принятии окончательного решения по вопросу о развертывании антинацистских пропагандистских кампаний, на которых в 1935–1936 гг. неоднократно настаивал нарком иностранных дел М.М. Литвинов, превалировал

политический прагматизм. Сталин не хотел лишний раз обострять отношения с нацистской Германией, рассматривая ее как одного из основных торговых партнеров. Подобные настроения вождя разделяли его ближайшие соратники по Политбюро (В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян), которые в условиях развернувшихся в СССР политических репрессий демонстрировали свой конформизм и преданность вождю.

Критическая антигерманская и антинацистская заостренность советской пропаганды болезненно воспринималась в Берлине. Германская сторона в лице ее дипломатических представителей (К. фон Нейрат, Г. фон Дирксен, Ф. фон Твардовский) неоднократно заявляла протест по поводу тех или иных публикаций советских СМИ с критикой внутренней политики нацистского режима. Данное обстоятельство лишь усугубляло негативное отношение его к большевистскому руководству.

Глава 8. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НАЦИСТОВ

С момента установления нацистского режима в Германии советская периодическая печать стала посвящать много материалов различным его внешнеполитическим акциям. В 1933 г. только в газете «Правда» появилось 550 материалов по данной проблематике (22%); в 1934 г. – 823 (37%); в 1935 г. – 936 (45%), в 1936 г. – 1079 (53%, то есть больше половины); в 1937 г. – 1028 (50%); в 1938 г. – 1240 (71%). Таким образом, в совокупности с публикациями о советско-германских отношениях (1933 г. – 213 (8%); 1934 г. – 188 (8%); 1935 г. – 160 (8%); 1936 г. – 378 (19%); 1937 г. – 577 (28%); 1938 г. – 75 (4%))⁴⁸⁴ внешнеполитическому курсу А. Гитлера была посвящена большая часть из общего числа появлявшихся в газете «Правда» публикаций с упоминанием нацистской Германии. При этом в качестве источника для подобного рода публикаций порой использовались материалы британской⁴⁸⁵ и германской прессы⁴⁸⁶.

Об агрессивной направленности внешней политики нацистского руководства писали и другие советские газеты, и журналы, эта тема освещалась книгами, специальными сборниками острокритической направленности, причем их названия порой говорили сами за себя⁴⁸⁷.

Едва ли не одним из первых изучением внешней политики А. Гитлера начал заниматься К. Радек, который усмотрел два ее важнейших атрибута: авантюризм и антисоветизм⁴⁸⁸. Поэтому публикации К. Радека, регулярно появлявшиеся на страницах газет «Известия»⁴⁸⁹ и «Правда», практически всегда являлись резонансными⁴⁹⁰.

В одной из своих статей Радек писал о попытках Германии ревизовать условия Версальского мира⁴⁹¹. В исследовательской литературе встречается утверждение, что эта его статья на данную тему якобы послужила своеобразным сигналом к переориентации советской внешней политики и отхода ее от многолетней критики этого дипломатического соглашения⁴⁹². Скорее всего прав С.З. Случ, считавший, что она отражала отнюдь «не внешнеполитическую переориентацию Кремля, а лишь изменение ее пропагандистской ангажировки»⁴⁹³. Случ обратил внимание на то, что 8 мая 1933 г., накануне публикации этой статьи, К. Радек был принят И.В. Сталиным в кремлевском служебном кабинете. По мнению

⁴⁸⁴ Григорьева О.И. Указ. соч. С. 232.

⁴⁸⁵ Известия. 1935. 21 марта.

⁴⁸⁶ Известия. 1935. 28 марта.

⁴⁸⁷ Фашистская Германия – очаг войны; Вишнев С. Как вооружаются фашистские поджигатели войны.

⁴⁸⁸ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 61.

⁴⁸⁹ Радек К. Манифест Гитлера и историческая правда // Известия. 1935. 20 марта; Радек К. Что же дальше? // Известия. 1935. 23 марта.

⁴⁹⁰ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 102.

⁴⁹¹ Радек К. Ревизия Версальского договора // Правда. 1933. 10 мая.

⁴⁹² Zeidler M. Reichwehr und Rote Armee 1920–1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. München, 1933. S. 286–287.

⁴⁹³ Случ С.З. Указ. соч. С. 99

историка, Сталин имел беседу с Радеком⁴⁹⁴. Следует уточнить, что в тот день К. Радек пробыл в служебном кабинете И.В. Сталина в Кремле 45 минут (с 17.40 до 18.25). Одновременно там находились также члены Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотов и Л.М. Каганович⁴⁹⁵.

Возвращаясь к содержанию упомянутой статьи К. Радека, опубликованной в газете «Правда», нужно отметить, что ее автор акцентировал внимание на опасности реваншистских устремлений германских национал-социалистов. Радек прямо констатировал: «Уже простой факт, что ревизия версальских договоров связывается с победой фашизма, показывает, насколько эта ревизия могла бы считаться с интересами масс наций, признанных фашистами за “низшие”». В упомянутой статье также утверждалось, что борьба против угрозы возникновения новой мировой войны стала задачей международного пролетариата. С этой задачей, писал К. Радек, «глубочайшим образом связана борьба с фашизмом»⁴⁹⁶.

4 августа 1933 г. в беседе с В.М. Молотовым посол Германии в Москве Г. фон Дирксен, в частности, выразил озабоченность в связи позицией средств массовой информации СССР при освещении Версальского соглашения: «Еще недавно советская общественность категорически высказывалась против Версальского договора; в данный же момент ревизия этого договора квалифицируется как военная угроза». Поскольку далее Дирксен упомянул фамилию К. Радека, то можно предположить, что он имел в виду его статью, опубликованную в газете «Правда» 10 мая 1933 г. Так или иначе, В.М. Молотов в упомянутой беседе с Г. фон Дирксеном счел необходимым парировать этот недвусмысленный намек немецкого дипломата: «неоднократные враждебные СССР выступления со стороны официальных германских деятелей» нельзя «сравнивать с заявлениями отдельных неофициальных лиц, о которых говорил посол»⁴⁹⁷.

1 ноября 1933 г. во время официального прощального визита к Н.Н. Крестинскому Г. фон Дирксен, в том числе, заявил, что одним из фактов, «который вызвал чрезвычайно неблагоприятное впечатление в Германии», была «статья Радека о Версальском мире»⁴⁹⁸.

Реальная позиция советского руководства по вопросу об отношении немцев к Версальскому миру была озвучена И.В. Сталиным в его беседе с Лордом-хранителем печати Великобритании А. Иденом (29 марта 1935 г.). По словам Сталина, «великий и храбрый» германский народ нельзя было надолго удержать в цепях Версальского договора: он должен был освободиться от этих цепей. Однако «формы и обстоятельства этого освобождения от Версаля» в условиях нацистского режима вызывают у советского руководства «серьезную тревогу»⁴⁹⁹.

Сильный резонанс вызвал в СССР так называемый «меморандум Гугенберга», на который последовала довольно резкая критическая реакция советского руководства и

⁴⁹⁴ Там же. С. 101.

⁴⁹⁵ На приеме у Сталина ... С. 98.

⁴⁹⁶ Радек К. Ревизия Версальского договора.

⁴⁹⁷ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 12.

⁴⁹⁸ Там же. Док. № 31.

⁴⁹⁹ Документы внешней политики. Т. 18. Док. № 148.

средств массовой информации. В июне 1933 г. министр экономики Германии А. Гугенберг выступил на международной экономической конференции в Лондоне с заявлением, в котором, в частности, предлагал предоставить немцам «как народу, лишенному жизненного пространства» новые земли на Востоке. В ноте, врученной Л.М. Хинчуком Б.В. фон Бюлову 22 июня 1933 г., утверждалось, что в данном заявлении А. Гугенберга содержался «прямой призыв со стороны делегации Германии к представителям других держав совместными усилиями положить конец “революции и внутренней разрухе, которые нашли свою исходную точку в России”, т. е. призыв к войне против СССР»⁵⁰⁰.

Фон Бюлов пытался оправдать Гугенберга. В ответ на ноту, врученную ему Хинчуком, германский дипломат заявил, что лишь «из-за излишней чувствительности» советской стороны она сумела усмотреть в меморандуме Гугенберга те мысли, которые и дали ей «повод заявлять протест»⁵⁰¹.

Несмотря на все попытки Берлина оправдаться, упомянутое заявление, прозвучавшее из уст министра экономики Германии на Лондонской конференции, было воспринято Кремлем как очередное свидетельство агрессивности внешнеполитического курса нацистского режима.

В газете «Правда» было разещено несколько публикаций с критикой содержания «меморандума А. Гугенберга»⁵⁰². Дени (В.Н. Денисов) откликнулся на него карикатурой под названием «Фашистские Дон-Кихоты»⁵⁰³.

В уже упоминавшейся беседе с Г. фон Дирксеном 4 августа 1933 г. В.М. Молотов счел необходимым специально подчеркнуть, что в Москве «не могли не придать серьезного значения выступлениям германских деятелей на экономической конференции в Лондоне»⁵⁰⁴. Пытаясь оправдать позицию Берлина по данному вопросу, Дирксен заявил следующее. По его мнению, в СССР «меморандуму Гугенберга» якобы «было придано чрезмерное значение». При этом германский дипломат отметил, что, например, «в Польше и в лимитрофах» это заявление не вызвало «такого возбуждения, как в Москве». А поскольку Гугенберг после лондонского инцидента подал в отставку, то этот шаг, по мнению Г. фон Дирксена, «самым убедительным образом» свидетельствовал о дезавуировании его меморандума. В ответ В.М. Молотов высказал сомнение «в достаточности» подобного рода «дезавуирования».

Одновременно он подчеркнул, что «вся мировая пресса уделила огромное внимание меморандуму Гугенберга. Однако Дирксен возразил и стал утверждать: «речь идет только об антигерманских органах печати». В.М. Молотов оставил без внимания намек немецкого дипломата на антинацистскую ангажированность советских СМИ и еще раз подчеркнул:

⁵⁰⁰ Там же. Т. 16. Док. № 189.

⁵⁰¹ Там же. Док. № 190.

⁵⁰² Правда. 1933. 19, 20, 21 июня.

⁵⁰³ Правда. 1933. 20 июня.

⁵⁰⁴ СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 12.

понимание Москвой меморандума Гугенберга совпало с оценкой значительной части мировой печати.

Г. фон Дирксен вновь пытался опровергнуть аргументацию В.М. Молотова, указав на то, что якобы этот документ был воспроизведен в советской печати «с рядом искажений». На это Молотов спокойно ответил: он читал и аутентичный текст документа, и тот вариант, который был сообщен в прессе, и должен констатировать, что «год тому назад подобного рода меморандумы не появлялись бы, и не было необходимости прибегать к спорам об аутентичности текстов».

Однако посол Германии, очевидно, не удовлетворился подобного рода аргументацией. Во время прощального визита к Н.Н. Крестинскому Г.фон Дирксен среди тех фактов, которые вызвали «чрезвычайно неблагоприятное впечатление в Германии», упоминал, помимо статьи К. Радека о Версальском мире, «совершенно несправедливое и непонятное реагирование на меморандум Гугенберга»⁵⁰⁵.

Летом (точнее, согласно предположению Ю.В. Галактионова, в июне) 1933 г. на русский язык была переведена содержащая основы идеологии и политики национал-социализма книга А. Гитлера «Майн кампф». Тираж был ограниченным и предназначался для И.В. Сталина и его ближайшего окружения⁵⁰⁶.

Среди тех, кто ознакомился с содержанием этой книги, оказался и Г.Е. Зиновьев. В июне 1933 г. в газете «Правда» появилась публикация Зиновьева, в которой подвергалась беспощадной критике внешнеполитическая программа А. Гитлера, изложенная в «Майн кампф»⁵⁰⁷. Знаменательно, что Зиновьев избрал в качестве эпиграфа к своей публикации цитату из этой книги.

Он не без сарказма называл «Майн кампф» «настоящей “библией” германского фашизма», «лабораторией “мысли” гитлеровцев», «настойной книгой всех фашистских “деятели” Германии».

Основываясь на тексте «Майн кампф», А.Е. Зиновьев довольно подробно изложил в своей статье основные пункты внешнеполитической программы А. Гитлера. В интерпретации Зиновьева основная цель этой программы состояла не в приобретении Германией отдельных колоний, а в завоевании новых территорий в Европе. Такие «свободные» земли Гитлер «находил» на востоке Европы, т. е. в России. Именно на Россию, по его мнению, следовало обратить основное внимание, тем более что она являлась страной ненавистного большевизма. А. Гитлер считал, что Германия должна была не просто добиваться восстановления конфигурации своих границ на востоке по состоянию на 1914 г., а коренного их пересмотра с тем, чтобы расширить свою территорию на востоке⁵⁰⁸.

⁵⁰⁵ Там же. Док. № 31.

⁵⁰⁶ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 91.

⁵⁰⁷ Зиновьев Г.Е. К вопросу об иностранной политике германского фашизма // Правда. 1933. 23 июня.

⁵⁰⁸ Там же.

В статье Зиновьева была приведена пространная цитата из «Майн кампф», которая не оставляла никаких сомнений относительно захватнических планов Гитлера в отношении СССР: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени [...]. Мы хотим приостановить германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указуем пальцем в сторону территорий, расположенных на Востоке [...] Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»⁵⁰⁹.

А. Гитлер в своих внешнеполитических планах ориентировался на союз с Италией, нацеленный против Франции, и на сближение с Японией. Для этого следовало учинить расправу над коммунистами и вообще «марксистами» внутри самой Германии. Чтобы продемонстрировать (открыто и бесповоротно) отказ от «восточной ориентации», необходимо было доказать: в любой момент Германия готова стать застрельщиком в борьбе против СССР.

По словам Г.Е. Зиновьева, в книге А. Гитлера «Майн кампф» о целях германской политики в отношении Польши были написаны «сплошные бессмысленности». С одной стороны, Гитлер ориентировался на германо-польское соглашение, направленное против СССР, а с другой – не исключал возможности военной схватки с самой Польшей, если ситуация сложится «благоприятно». Зиновьев выделил в своей статье основную «линию фашизма» в Германии по «Майн кампф» Гитлера: вооружаться, пользуясь для этого любым поводом⁵¹⁰.

9 января 1934 г. посол Германии в СССР Р. Надольный отмечал, что настроение Москвы в отношении Берлина гораздо хуже, чем он ожидал. Германии, по словам Надольного, в СССР приписывали злую волю, полагая, что она вынашивает реальные агрессивные планы против Советского Союза, где буквально «до кошмара» усилился «действительно существующий страх» перед «германским натиском на Восток». При этом Р. Надольный констатировал, что М.М. Литвинов не устал ссылаться на русофобские высказывания, которые содержались в книге А. Гитлера «Майн кампф». Поскольку, аргументировал свою позицию Литвинов, эта книга продолжала распространяться в Германии миллионными тиражами, то, следовательно, содержащиеся в ней формулировки и далее должны были считаться имеющими силу⁵¹¹.

Между тем в высших советских кругах стало принято ссылаться на гитлеровскую книгу, когда речь шла о внешнеполитических планах национал-социалистического руководства. Именно так поступил Н.И. Бухарин, выступая на XVII-м съезде ВКП(б)⁵¹².

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ Зиновьев Г.Е. К вопросу об иностранной политике германского фашизма // Правда. 1933. 23 июня.

⁵¹¹ Линке Х.Г. Указ. соч. С. 153.

⁵¹² XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б). С. 127–129.

На «Майн кампф» счел необходимым «опереться» в своем докладе на VII Съезде Советов (28 января 1935 г.) и В.М. Молотов. Он подчеркивал: нельзя закрывать глаза на те изменения, которые произошли в советско-германских отношениях «с приходом к власти национал-социализма»⁵¹³. Молотов напомнил в данной связи известный сталинский тезис, озвученный на XVII съезде ВКП(б): СССР «проникнут глубоким стремлением к развитию отношений со всеми государствами, не исключая и государства с фашистским режимом». В то же время глава Советского правительства намекнул на то, что вовсе не наличие идеологических противоречий между СССР и Германией препятствует развитию этих отношений. В данном случае, по словам В.М. Молотова, были ни при чем «сверхнационалистические расистские теории о немецком народе как «господине» всего мира». Молотов утверждал далее: советское руководство не совсем высокого мнения об этих «теориях». И дело вовсе не в них, продолжал свою мысль глава Советского правительства, а в тех заявлениях Гитлера по поводу России, которые были сделаны в книге «Моя борьба». Прочитав тот же пассаж о завоевательных устремлениях Гитлера, который приводился в упоминавшейся статье Г.Е. Зиновьева, В.М. Молотов задавался следующими вопросами: должно ли советское руководство «проходить мимо таких заявлений» фюрера? должны ли граждане СССР знать о них? Из разъяснений Молотова следовало, что эти воинственные призывы А. Гитлера нельзя игнорировать, и они должны быть доведены до всех граждан СССР. Более того, по мнению Молотова, заявления Гитлера «о политике территориальных завоеваний» на востоке Европы, по-видимому, остаются в силе, а если данное предположение верно, тогда «становится понятным многое в теперешних отношениях германского правительства с Советским Союзом...».

По словам Ю.В. Галактионова, «хорошее знание «Майн кампф»» продемонстрировали, и ораторы на VII-м конгрессе Коминтерна⁵¹⁴.

Особое место в советской внешнеполитической пропаганде занимали две уникальные книги, вышедшие в Англии в 1934 и в 1936 гг. соответственно за подписью «Эрнст Генри». Первая из них называлась «Гитлер над Европой?» (1934); вторая – «Гитлер над СССР?» (1936). Они были объединены общим подзаголовком «Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями»⁵¹⁵. Под псевдонимом «Эрнст Генри» скрывался Л.А. Хентов, более известный как С.Н. Ростовский (1904–1990). С 1919 г. Л.А. Хентов, родившийся в Витебске, проживал в Германии. Он вступил в КПГ, а в 1922 г. в Отделе международных связей Коминтерна получил советский паспорт на имя С.Н. Ростовского. Легализовавшись в 1927 г., он занялся журналистской работой. В 1933 г., после прихода Гитлера к власти в Германии, С.Н. Ростовский оказался в Англии. Здесь он и работал над обеими упомянутыми книгами, которые были изданы не только на английском, но и на русском языках (хотя и под несколько видоизмененными заголовками).

⁵¹³ Документы внешней политики. Т. 18. С.47–48.

⁵¹⁴ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 81.

⁵¹⁵ Генри Э. Гитлер над Европой; Он же. Гитлер над СССР.

Книга «Гитлер над СССР» была сдержанно встречена советской критикой. Ее содержание во многом расходилось с утвержденными Коминтерном оценками фашизма и в то же время опровергало пропагандистские утверждения о войне с Германией «малой кровью» и «на территории врага». Рецензенты назвали ее «литературным ляпсусом»⁵¹⁶.

16 марта 1935 г., вопреки условиям Версальского договора, нацистское руководство ввело в Германии воинскую повинность. Советская периодическая печать довольно резко отреагировала на эту гитлеровскую акцию, свидетельствовавшую об усилении милитаристских тенденций⁵¹⁷.

Во время переговоров с А. Иденом (28 марта 1935 г.) М.М. Литвинов счел необходимым напомнить: советское правительство не могло «оставить без внимания, что Гитлер писал в своей книге “Майн кампф”»⁵¹⁸. И далее: «Необходимо, однако, отметить, что с самого начала гитлеровского режима германские дипломаты, в частности Нейрат и Надольный, неоднократно давали нам самые успокоительные заверения в отношении намерений Гитлера. В том числе, они ссылались на то, что «Майн кампф» написана много лет тому назад, что она преследовала в свое время цели пропаганды и что сейчас [в 1933–1934 гг. – С.Е.] Гитлер на многие вопросы смотрит иначе»⁵¹⁹.

В ходе следующей беседы, состоявшейся 29 марта 1935 г., М.М. Литвинов обратил внимание А. Идена на следующий факт. В докладе на VII Съезде Советов, процитировав ряд мест из книги «Майн кампф», «относящихся к завоеванию советских территорий, В.М. Молотов открыто поставил Гитлеру вопрос, сохраняют ли силу эти заявления сейчас. «С тех пор, констатировал далее Литвинов, – прошло два месяца, и Гитлер не ответил на этот вопрос. Молчание Гитлера есть также ответ, и Советское правительство, конечно, не может не делать надлежащих выводов из такого ответа на свой вопрос»⁵²⁰.

Уже на другой день после вышеупомянутого выступления главы внешнеполитического ведомства Н.И. Бухарин опубликовал в «Известиях» статью, в которой размышлял об обстановке в различных районах мира и об основных очагах войны⁵²¹. В этой статье утверждалось, что Гитлер в своей внешней политике ориентировался на захват советских земель, намереваясь превратить Украину в германскую колонию. Неутешительный вывод Бухарина сводился к тому, что из-за агрессивного внешнеполитического курса нацистского руководства во взаимоотношениях между Германией, Польшей и СССР, вопреки воле Москвы, таился опасный очаг нового вооруженного конфликта в Европе. Тема военной опасности, связанной с агрессивными реваншистскими устремлениями А. Гитлера, затрагивалась и в другой статье Н.И. Бухарина⁵²².

⁵¹⁶ Галактионов Ю.В. Указ. соч. С. 125–128; Дробицкий Я. Наш человек в XX в. // Гитлер над Европой? Гитлер против СССР / Э. Генри. М., 2008. С. 473–483.

⁵¹⁷ Правда. 1935. 18 марта; Известия. 1935. 18 марта; За индустриализацию. 1935. 18 марта.

⁵¹⁸ Документы внешней политики. Т. 18. С. 233.

⁵¹⁹ Там же. С. 234.

⁵²⁰ Там же. С. 242.

⁵²¹ Бухарин Н.И. Проблемы мира // Известия. 1935. 30 марта.

⁵²² Бухарин Н.И. Фашизм и война // Известия. 1935. 1 авг.

Выше уже упоминалось о том, что М.М. Литвинов в беседе с А. Иденом, состоявшейся 29 марта 1935 г., пытался приуменьшить степень ангажированности руководством СССР советской прессы. Однако эти попытки были дезавуированы публикацией, помещенной буквально через день на страницах газеты «Правда», а позже – и в «Красной звезде»⁵²³. И именно Литвинову пришлось оправдываться перед германским послом в Москве Ф. фон Шуленбургом за ее появление.

В беседе с М.М. Литвиновым, состоявшейся 2 апреля 1935 г., Шуленбург выразил недовольство «по поводу статьи Тухачевского о германских вооружениях». Хотя германский посол и не употреблял термина «протест», однако по его настроению Литвинов понял, «что Берлин поручил ему заявить протест». Ф. фон Шуленбург считал недопустимым, чтобы «такое официальное лицо, в таком высоком положении, как Тухачевский [в то время являвшийся заместителем народного комиссара обороны СССР, кандидатом в члены ЦК ВКП(б). – С.Е.], публично вычисляло размеры вооружений другого правительства, давая к тому же абсолютно неверные цифры»⁵²⁴.

Скорее всего, Шуленбург не знал, что за статьей, которая была опубликована за подписью М.Н. Тухачевского, стоял И.В. Сталин. Возможно, эта публикация, вызвавшая резкое недовольство в Берлине, была своеобразной реакцией на введение А. Гитлером военной повинности.

Рукопись статьи Тухачевского под названием «Военные планы Гитлера» была передана Сталину 29 марта. Последний счел необходимым при редактировании не только изменить ее заголовок, но и «снял» 12 абзацев из текста основного автора, заменив их собственными смысловыми вставками⁵²⁵. Кроме того, И.В. Сталин «изъял» заключительный большой абзац, отражавший геостратегические взгляды Тухачевского. Вместо него вождь написал собственное заключение, которое по смыслу рознилось с выводами, сформулированными заместителем главы советского военного ведомства. Так, в рукописи статьи М.Н. Тухачевского содержалось утверждение: «Правящие круги Германии основную стрелу своих операций направляют против СССР». При этом Тухачевский предполагал, что Гитлер рассчитывает на нейтралитет Франции и Великобритании. Этот вывод приобретал диаметрально иной смысл после правки, внесенной Сталиным: «Антисоветское острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов [А. Гитлера. – С.Е.] на Западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)»⁵²⁶. Таким образом, И.В. Сталин, водивший «рукой» Тухачевского, акцентировал внимание не на антисоветском, а антифранцузском курсе внешней политики нацистской Германии. Неслучайно упомянутая статья была немедленно переиздана в виде отдельной брошюры⁵²⁷.

⁵²³ Тухачевский М.Н. Военные планы нынешней Германии // Правда. 1935. 31 марта; Красная звезда. 1935. 1 апр.

⁵²⁴ Документы внешней политики. Т. 18. С. 262

⁵²⁵ 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 522

⁵²⁶ Там же. С. 529.

⁵²⁷ Тухачевский М.Н. Военные планы нынешней Германии. Л.: Ленингр. обл. изд-во, 1935. 19 с.

Случай с публикацией статьи М.Н. Тухачевского может свидетельствовать лишь о том, что Сталин предпочитал оставаться в тени, не озвучивая открыто свое отношение к внешнеполитическому курсу, проводившемуся национал-социалистическим руководством. В то же время лидер СССР продолжал придерживаться осторожной тактики во всем, что касалось открытой критики этого курса в советских СМИ.

13 января 1935 г. в Саарской области был проведен плебисцит, в результате которого подавляющее большинство ее жителей (98%) высказались за включение этой территории в состав Германии. 1 марта 1935 г. Саарская область, находившаяся с 1919 г. под опекой Лиги наций, вновь стала германской. Эти события вызвали негативную реакцию советских СМИ⁵²⁸.

16 марта 1935 г. в Германии, вопреки условиям Версальского договора, была введена военная повинность. 17 марта в своем письме на имя Я.З. Сурица Н.Н. Крестинский назвал эту акцию «гитлеровской бомбой». По мнению Крестинского, немцы, идя на открытое нарушение одного из условий Версальского договора, скорее всего, просчитались, а их решение «принесет им в ближайшее время больше вреда, чем пользы»⁵²⁹. Именно в таком критическом ключе, было воспринято решение А. Гитлера о введении в Германии воинской повинности⁵³⁰.

19 марта советский полпред в Праге С.С. Александровский в беседе с президентом Чехословакии Э. Бенешем рекомендовал последнему ознакомиться с передовой статьей, опубликованной 18 марта в газете «Известия», которая, по его мнению, «весьма точно» передавала оценку Москвой событий, связанных с введением военной повинности в Германии⁵³¹.

21 мая 1935 г. А. Гитлер выступил с речью в рейхстаге по внешнеполитическим вопросам, в которой, вразрез с практическими действиями нацистского руководства, направленными на ревизию Версальского договора, стремился всячески подчеркнуть приверженность его условиям. На другой день М.М. Литвинов в своей шифротелеграмме на имя И.В. Сталина констатировал, что эта речь «составлена очень ловко и дает богатое агитационное оружие для Гитлера во Франции и в особенности в Англии». В связи с этим Литвинов предлагал Сталину с привлечением пропагандистских методов попытаться дезавуировать попытку нацистского лидера придать себе образ миротворца. С этой целью, как сообщал нарком в Кремль, ему удалось инспирировать обличительные сообщения о содержании выступления Гитлера в рейхстаге со стороны берлинских корреспондентов ТАССа и «Известий». В упомянутой шифротелеграмме на имя И.В. Сталина М.М. Литвинов указывал на необходимость того, чтобы советская печать в целом отнеслась к этой речи нацистского вождя «с достаточной суровостью»⁵³².

⁵²⁸ Известия. 1935. 10, 16 янв.

⁵²⁹ Документы внешней политики. Т. 18. С. 185.

⁵³⁰ Известия. 1935. 18, 20 марта.

⁵³¹ Документы внешней политики. Т. 18. С. 192.

⁵³² СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 68.

Своеобразной реакцией на предложение Литвинова явилась критическая статья К. Радека с разоблачениями гитлеровского показного «миролюбия»⁵³³.

На VII-м конгрессе Коминтерна общая направленность внешней политики нацистского руководства была определена следующим образом: «Германские фашисты, будучи главными поджигателями войны, стремящиеся к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны за счет своих соседей. Авантюристические планы германских фашистов простираются весьма далеко и рассчитаны на военный реванш против Франции, на раздел Чехословакии, на аннексию Австрии»⁵³⁴.

25 ноября 1935 г. Германия заключила так называемый Антикоминтерновский пакт с Японией. На следующий день после подписания этого соглашения, которое в Москве посчитали очередным шагом нацистского руководства на пути к войне против СССР, газета «Правда» откликнулась на него резкой отповедью в адрес Берлина и Токио⁵³⁵.

29 ноября 1936 г. В.М. Молотов, выступая на VIII-м Всесоюзном Съезде Советов, заявил буквально следующее: «У нас нет других чувств к великому германскому народу, кроме чувства дружбы и истинного уважения, но господ фашистов лучше бы всего отнести к такой нации, «нации высшего порядка», которая именуется «нацией» современных каннибалов-людоедов»⁵³⁶.

Пафос советской пропаганды в период Гражданской войны в Испании был направлен на то, чтобы с помощью новостных материалов показать захватнический характер внешней политики нацистской Германии и фашистской Италии. После начала боевых действий на фронтах стали появляться материалы под общей рубрикой «военно-фашистский мятеж в Испании»⁵³⁷.

В 1933–1939 гг. на тему внешней политики нацистской Германии в журнале «Крокодил» было помещено 200 карикатур, то есть столько же, сколько посвящалось внутреннему положению дел в стране. Первоначально основное внимание советские карикатуристы уделяли сюжету о перевооружении германской армии. Дипломаты А. Гитлера изображались на фоне артиллерийских орудий, германские генералы просили разрешения на постройку уже готовых к вылету бомбардировщиков, а голубь мира (в нацистском варианте) использовался для фотосъемки неприятельских позиций и распространения бактериологического оружия. Выход Германии из Лиги наций в интерпретации советских карикатуристов являлся был шагом к войне: по пятам за германскими дипломатами двигался скелет с винтовкой и в противогазе.

В декабре 1935 г. советские дипломаты вновь сочли необходимым информировать И.В. Сталина об усилении антисоветской пропаганды национал-социалистов. 3 декабря 1935 г. М.М. Литвинов в своем письме на его имя пересказывал мнение Я.З. Сурица о

⁵³³ Радек К. Шарманка // Известия. 1935. 23 мая.

⁵³⁴ VII Конгресс Коммунистического Интернационала... С. 382–383.

⁵³⁵ Правда. 1936. 26 нояб.

⁵³⁶ Правда. 1936. 30 нояб.

⁵³⁷ Известия. 1936. 22 июля.

содержательной стороне антисоветского курса нацистского руководства: «Все мои общения с немцами лишь укрепили уже раньше сложившееся у меня убеждение, что взятый Гитлером курс против нас остается неизменным, и что ожидать каких-либо серьезных изменений в ближайшем будущем не приходится [...]. У Гитлера имеется три пункта помешательства: вражда к СССР, еврейский вопрос и аншлюс. Вражда к СССР вытекает не только из его идеологической установки к коммунизму, но составляет основу его тактической линии в области внешней политики. Гитлер и его ближайшее окружение крепко утвердились в убеждении, что только на путях выдержанного до конца антисоветского курса третий рейх сможет осуществить свои задачи и обрести союзниками и друзьями»⁵³⁸.

По мнению М.М. Литвинова, изложенному в упомянутом письме, антисоветская кампания в Германии не только не ослабевала, но и достигла «совершенно гомерических размеров». Она выражалась, во-первых, в «бешеных антисоветских выступлениях» и в дипломатических беседах фюрера; в распространении германскими посольствами и консульствами за границей направленных против СССР «пасквилей и брошюр». В этой пропагандистской кампании активно участвовало Министерство пропаганды и просвещения Германии, во главе которого стоял Й. Геббельс. Как подчеркивал М.М. Литвинов, безудержной критике нацисты подвергли Коминтерн, большевистскую партию, Советское государство. Личные оскорбления были нанесены руководителям ВКП(б) и членам правительства СССР.

Касаясь позиции советской печати в сложившейся ситуации, нарком иностранных дел утверждал, что она «заняла какую-то толстовскую позицию – непротивления злу», которая лишь способствовала поощрению пропагандистской кампании, развернувшейся в Германии. М.М. Литвинов однозначно расценивал подобную позицию как неправильную и предлагал открыть систематическую контркампанию «против германского фашизма и фашистов». Это, по мнению главы внешнеполитического ведомства СССР, могло «заставить Германию прекратить или ослабить антисоветские выступления».

Реакция И.В. Сталина на это обращение М.М. Литвинова неизвестна. Однако в своем письме на имя Н.Н. Крестинского от 31 августа 1936 г. Я.З. Суриц высказал удовлетворение, что, по его мнению, советская сторона перешла в контратаку в своей печати. В этом же письме Суриц сообщал, что по окончании летних Олимпийских игр, которые проводились в Берлине, вся германская пресса вновь открыла ожесточенную антисоветскую кампанию. Только за десять дней (с 21 по 31 августа 1936 г.), по данным Я.З. Сурица, в ней «появилось больше статей, посвященных СССР, нежели в продолжение всего текущего года». Пересказав во всех подробностях содержание публикаций германских газет, имевших антисоветское содержание, Суриц сделал вывод, что оставлять «все эти гнусности без ответа и без должного отпора» означало бы, по существу, капитуляцию, что, в свою очередь, способствовало бы лишь разжиганию appetitов национал-социалистов.

⁵³⁸ Москва – Берлин ... Т. 3. Док. № 103.

С упомянутым письмом Я.З. Сурица были ознакомлены члены Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе и К.Е. Ворошилов. Л.М. Каганович считал, что не стоило «поддаваться на провокации немецкой печати»⁵³⁹. В.М. Молотов же рассудил так: разговоры Сурица о «капитуляции» советской стороны являются просто неуместными.

2 сентября 1936 г. М.М. Литвинов в письме на имя Л.М. Кагановича был вынужден признать превосходство нацистов в области манипулирования иностранной прессой. «Антисоветская кампания германской прессы, – отмечал он, – не только не улеглась, но и перебросилась в соседние страны. Я по-прежнему считаю, что обычными мерами воздействия на корреспондентов, на отдельные газеты и даже опровержениями ТАСС добиться желаемых результатов невозможно, и что требуются против этой неслыханной кампании чрезвычайные средства»⁵⁴⁰.

В свою очередь, Я.З. Суриц в шифротелеграмме на имя М.М. Литвинова (11 сентября 1936 г.) настаивал на том, что нельзя игнорировать «резких оскорбительных выступлений»⁵⁴¹, прозвучавших на очередном съезде НСДАП. Суриц предлагал, в частности, направить германскому руководству ноту протеста и организовать публичные выступления в советской периодической печати.

В письме на имя Л.М. Кагановича от 14 сентября 1936 г. М.М. Литвинов выразил согласие с предложением Я.З. Сурица. Наркоминдел считал, что пассивное, терпимое отношение советской стороны может, как и ранее, поощрить «еще более резкие выступления». При этом он счел необходимым апеллировать к общественному мнению Запада: «Презрительное молчание Москвы в таких случаях не совсем понятно внешнему миру».

М.М. Литвинов обрисовал содержание предполагаемой советской ноты в адрес нацистского руководства: «Следует дать краткую характеристику Нюрнбергских выступлений, факты, приведенные в них, назвать ложью, упомянуть участие в выступлениях членов [германского. – С.Е.] правительства, заявить протест, отметить, что рассматриваем эти выступления как проявление агрессивной политики Германии и призыв к нарушению мира и что оставляем ответственность на германском правительстве».

Л.М. Каганович незамедлительно довел до И.В. Сталина смысл предложения народного комиссара иностранных дел по вопросу о развертывании открытой антинацистской кампании советской пропаганды, сопроводив его кратким выводом, к которому пришли члены Политбюро ЦК ВКП(б), находившиеся в Москве: «Мы думаем, что делать этого не следует»⁵⁴². 19 сентября 1936 г. заместитель Народного комиссара иностранных дел СССР

⁵³⁹ Там же. Док. № 139.

⁵⁴⁰ Дюллен С. Указ. соч. С. 180.

⁵⁴¹ Москва – Берлин ... Т. 3. Док. № 140.

⁵⁴² Сталин и Каганович. Переписка ... Док. № 819.

Н.Н. Крестинский сообщил Я.З. Сурицу окончательную директиву высшего партийного руководства по данному вопросу: «Решено ноты не посылать»⁵⁴³.

Скорее всего, это решение было предварительно согласовано с И.В. Сталиным. В телеграмме, направленной ему в Сочи (14 сентября 1936 г.), Л.М. Каганович утверждал: «Опыт последнего месяца показывает, что применение нами указанной вами тактики недопущения истерики и соблюдения спокойствия и выдержки, целиком себя оправдало»⁵⁴⁴.

Между тем в обществе ощущалась настоятельная потребность дать отпор нацистским инсинуациям в адрес СССР. Одним из выразителей подобного рода настроений стал К. Сологуб из Харьковского государственного университета. 18 сентября 1936 г. он обратился с письмом на имя В.М. Молотова. Сологуб предлагал Председателю СНК СССР либо одному из его заместителей (в письме упомянута фамилия В.Я. Чубаря) «выступить по радио на тему о международной жизни и нашей внешней политике в ответ на идиотский вой взбесившихся Гитлера, Геббельса, Розенберга и К^о»⁵⁴⁵. По мнению К. Сологуба, такую речь выслушали бы с «напряженным вниманием не только поистине многомиллионная аудитория радиослушателей СССР, но и миллионы трудящихся за границей, т. е. все друзья Советского союза, все сторонники единого трудового фронта, против войны и фашизма».

Так или иначе, но 20 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее постановление: «Отклонить предложение гг. Литвинова и Сурица о посылке ноты протеста по поводу выступлений Гитлера и других на Нюрнбергском съезде»⁵⁴⁶.

С началом гражданской войны в Испании в центре внимания советской пропаганды оказался германский и итальянский фашизм, которые совместными усилиями стремились подавить испанских республиканцев. Многочисленные статьи и сообщения на данную тему принадлежали перу таких известных советских писателей и публицистов, как М.Е. Кольцов, И.Г. Эренбург и другие⁵⁴⁷.

В моменты наибольшей напряженности Гражданской войны в Испании, связанные, главным образом, с победами и поражениями республиканских войск от германских и итальянских интервентов, в советских СМИ появлялись развернутые информационные сводки⁵⁴⁸.

В этот период в советской пропаганде использовались материалы иностранных агентств (Гавас, Ассошиэйтед пресс и др.). Привлекались публикации известных западных писателей и журналистов с разоблачением нацистских преступлений, совершенных на испанской земле (Ж. Садуля, Дж. Синклера, Э. Хэмингуэя)⁵⁴⁹.

Однако со временем поток информационных материалов такого рода стал сокращаться, поскольку республиканцы стали постепенно терять одну за другой свои позиции, пока

⁵⁴³ Там же. Примеч. 1. С. 678.

⁵⁴⁴ Там же. Док. № 819.

⁵⁴⁵ Письма во власть ... Док. № 181.

⁵⁴⁶ Москва – Берлин ... Т. 3. Док. № 140.

⁵⁴⁷ Правда. 1936. 31 авг., 18 нояб., 2, 20 дек; 1937. 3, 5, 8 янв., 5 июня.

⁵⁴⁸ Известия. 1939. 9 янв., 5, 6, 10 февр., 7 марта.

⁵⁴⁹ Известия. 1937. 30 апр.; 1938. 16 июля.

мятежниками Ф. Франко при поддержке германских и итальянских интервентов не был захвачен Мадрид. Одной из последних об этих трагических событиях написала газета «Известия»⁵⁵⁰.

Особый сюжет советской карикатуры второй половины 1930-х годов – постепенное германо-итальянское сближение, обусловленное агрессивной сущностью обоих фашистских режимов. Тевтон Гитлер и римлянин Муссолини ковали ось для колесницы бога войны Марса (намек на пресловутую «ось Берлин–Рим–Токио»). Проект статуи германо-итальянской дружбы на карикатуре выглядел как изображение Гитлера на коне, причем в роли коня выступал... Муссолини. Оба фашистских союзника представляли на сатирическом рисунке в виде пары голодных волков (Гитлер – самец, Муссолини – самка, хотя в качестве «утешения» последний изображался в образе капитолийской волчицы).

Множество карикатур советских художников было посвящено разоблачению деяний германских и итальянских интервентов на территории республиканской Испании в 1936–1939 гг. Помимо «Крокодила», на страницах которого было помещено свыше 30-ти рисунков на данную тему, ее отразил в специальном альбоме Б.Е. Ефимов⁵⁵¹.

Глава мятежников Ф. Франко изображался то в образе взмыленной лошади, на которой А. Гитлер и Б. Муссолини стремились въехать в Мадрид⁵⁵², то как мартышка, сидящая на плече у фюрера, бредущего по колена в крови, пролитой испанским народом⁵⁵³.

Часто на советских карикатурах изображались германские и итальянские самолеты, которые бомбили испанские города⁵⁵⁴. Коллаж, помещенный на страницах газеты «Известия», иллюстрировал кровавые итоги очередного налета бомбардировщиков интервентов на Мадрид: расплывшиеся в улыбке Гитлер и Муссолини на фоне фотографий испанских детей, погибших от авиабомб⁵⁵⁵.

Поскольку поражения интервентов в войне против испанских республиканцев были довольно редкими, то и карикатур на эту тему, размещаемых в газетах, было сравнительно мало. В подобных случаях на рисунках изображались либо битые фашистские лидеры⁵⁵⁶, либо момент ругани между Гитлером и Муссолини⁵⁵⁷.

Германские оккупанты представляли на карикатурах настоящими громилами с нарукавными повязками, на которых фигурировала свастика, в огромных сапогах и военных мундирах⁵⁵⁸. Сплошь и рядом они изображались на фоне трупов. Гитлер и его фашистский итальянский союзник Муссолини олицетворяли агрессивное начало и выглядели грозно.

Однако, по воле советских карикатуристов перед лицом СССР они теряли свое «могущество» и были представлены подчеркнута жалкими, уродливыми и бессильными. У

⁵⁵⁰ Известия. 1939. 16 марта.

⁵⁵¹ Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом». С. 97, 98.

⁵⁵² Известия. 1936. 15 нояб.

⁵⁵³ Известия. 1936. 11 дек.

⁵⁵⁴ Известия. 1936. 30 авг.

⁵⁵⁵ Известия. 1936. 18 нояб.

⁵⁵⁶ Известия. 1937. 14 янв.

⁵⁵⁷ Известия. 1937. 6 апр.

⁵⁵⁸ Известия. 1937. 11 окт.

А. Гитлера оказывались «короткими руки», чтобы ухватить глобус с изображенным на нем Советским Союзом. «Фашистские свиньи» беспомощно ковырялись у высокого «советского забора». Нацист за школьной партой на уроках истории проходил «Ледовое побоище» 1242 г.; на уроке географии – расположение на карте озера Хасан (намек на бои Красной армии против японских союзников Германии в 1938 г.); на уроке арифметики – рост промышленного производства в СССР.

В советской политической карикатуре разоблачались, помимо интервенции в Испанию, и другие агрессивные внешнеполитические акции А. Гитлера: ввод германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону (1936); аншлюс Австрии (1938). При этом сама Германия на рисунках советских художников-сатириков изображалась то в виде свирепого кабана, то в виде паука, незаметно подбирающегося к нейтральным странам (Голландии, Бельгии, Швейцарии), то в виде сказочного волка, угрожающего целым четырем Красным Шапочкам (Австрии, Венгрии, Румынии, Югославии).

Еще один цикл политических карикатур, появившихся в 1938–1939 гг. на страницах советских периодических изданий, был связан с подписанием Мюнхенского соглашения, которое положило начало расчленению Чехословакии⁵⁵⁹. Вплоть до августа 1939 г. «Правда» публиковала многочисленные статьи, призванные доказать несостоятельность утверждений нацистов о мощи вермахта⁵⁶⁰.

Новый импульс в создании негативного образа нацистского руководства дало освещение советской пропагандой судебных политических процессов 1937–1938 гг., на которых в качестве главного пункта обвинения фигурировал мифический сговор между «фашистами» и троцкистами. Так, газета «Правда» утверждала, что Л.Д. Троцкий и его сторонники, «враги народа», готовили отторжение Советской Украины в пользу Германии⁵⁶¹. В данном контексте нацистский режим лишней раз был представлен советской пропагандой как крайне враждебный советскому народу.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» отмечались такие внешнеполитические акции нацистского руководства, как выход из Лиги наций, а также открытая подготовка «к войне за насильственный пересмотр границ европейских государств в пользу Германии»⁵⁶². Все эти агрессивные действия привели, по мнению авторов этой книги, к образованию в центре Европы опасного очага новой войны.

Несомненно, актуальным становится вопрос о реакции советских граждан на пропагандистские материалы, помещавшиеся в советских газетах и касавшиеся агрессивного характера внешней политики нацистского режима. Свидетельств такого рода крайне мало, но каждое из них представляет большой интерес, поскольку дает основание судить о степени эффективности внешнеполитической пропаганды.

⁵⁵⁹ Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом». С. 99, 100.

⁵⁶⁰ Правда. 1939. 26, 31 июля, 14 авг.

⁵⁶¹ Правда. 1937. 24 янв.

⁵⁶² История ВКП(б): краткий курс. С. 289.

20 февраля 1939 г. член ВКП(б) К.Ю. Брам писал И.В. Сталину: «...не секрет, что Германо-итальянский фашизм, захватывая Испанию и Китай, в конечном итоге имеет целью нападение на нашу родину, не лучше ли сейчас, пока они еще [...] не набрались сил, помочь другим разбить и уничтожить этих бешеных собак»⁵⁶³.

Год спустя в газете «Известия» было перепечатано сообщение берлинского корреспондента газеты «Ньюс кроникл» из Лондона о том, что в Германии ведется усиленная подготовка к ожидаемым в марте событиям⁵⁶⁴. Речь шла об обострении германо-польских отношений из-за Данцига. В данной связи были прекращены отпуска офицерскому и рядовому составу германской армии. В другой публикации «Известий» помещалась информация о том, что германское командование издало приказ об обязательном приобретении противогазов населением Рейнской области, Вестфалии, Баварии, Гессена и Вюртемберга в срок до 10 марта⁵⁶⁵.

Это и другие сообщения советской прессы (в частности, о военных приготовлениях Италии – союзницы Германии), судя по всему, не на шутку встревожили анонимного автора, который направил свое письмо в газету «Правда» (на имя Л.З. Мехлиса). О себе он сообщил лишь то, что является рабочим и что сидел в тюрьме по 58-й статье. На основании публикаций автор упомянутого письма задавал Мехлису следующий вопрос: «Не думаете ли Вы, что война против Советского Союза начнется в этом году? И именно против СССР, потому – с 10 марта – открытием съезда, наверное, связана».

Реакция Л.З. Мехлиса на это письмо была знаменательной. 9 марта 1939 г. он направил Л.М. Кагановичу записку. В ней он отмечал, что оригинал письма отослал Л.П. Берии. По мнению самого Мехлиса, сам факт его отсылки анонимным автором – «провокация или бред»⁵⁶⁶.

То, что захватническая политика нацистского режима беспрестанно подвергалась разоблачительной критике в советской пропаганде, порой приводило к «обратному» эффекту, то есть вызывало у некоторых граждан смешанные чувства страха и внутреннего уважения. Так, в ходе подготовки к выборам в Верховный совет СССР (май 1938 г.) жительница г. Горького М.О. Демурова на собрании избирателей высказывалась следующим образом: «Гитлер имеет в Германии большой авторитет, он взял Австрию, и даже никому и не снилось, а сейчас он возьмет Чехословакию и другие подчинит мелкие государства...»⁵⁶⁷.

Контент-анализ материалов газет «Правда», «Известия» и других периодических изданий за 1933–1939 гг. позволил конкретизировать процесс формирования и эволюции образа «германского фашизма», который являлся для советской пропаганды своеобразным синонимом наводившего на нежелательные аналогии понятия «национал-социализм».

⁵⁶³ Григорьева О.И. Образ Германии в восприятии советских граждан накануне Великой Отечественной войны (по источникам личного происхождения) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: сб. статей. М., 2012. Вып. 6 (II). С. 317.

⁵⁶⁴ Известия. 1939. 23 февр.

⁵⁶⁵ Известия. 1939. 27 февр.

⁵⁶⁶ Письма во власть ... Т. 3. Док. № 270.

⁵⁶⁷ Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику...». С. 152.

Всплеск интереса к тем или иным событиям внутривнутриполитического и внешнеполитического плана, происходившим в Германии в указанный период, соответствующим образом отражался на количестве публикаций, появлявшихся в СМИ. К таким событиям можно отнести Лейпцигский процесс о поджоге рейхстага и «журналистский конфликт» (1933); «меморандум Гугенберга» (1933); введение военной обязанности (1936); участие А. Гитлера в интервенции против республиканской Испании (1936–1939) и другие.

В целом с середины 1930-х годов нацистский режим становится для СССР главным врагом (особенно об этом свидетельствовали события 1937–1938 гг.) и в политике, и в пропаганде. Со стороны СССР это была государственная, и, вплоть до августа 1939 г., бескомпромиссная антифашистская политика с массовой внутри- и внешнеполитической пропагандой. Именно пропаганда, особенно внешнеполитическая, была призвана создать в общественном сознании отрицательный, враждебный образ нацистского режима, который к концу 1930-х годов, после многократного нарушения А. Гитлером статей Версальского договора и его откровенно агрессивных действий (Испания) и захватнических действий (Австрия и Чехословакия) стал реально угрожать геополитическим интересам СССР.

Глава 9. ПАКТ РИББЕНТРОПА–МОЛОТОВА, УЛУЧШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ СССР И ГЕРМАНИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ (23 АВГУСТА 1939 – 21 ИЮНЯ 1941 гг.)

23 августа 1939 г. в Москве министр иностранных дел нацистской Германии Й. фон Риббентроп и народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов поставили свои подписи под советско-германским договором о ненападении, получившим впоследствии наименование «пакт Риббентропа–Молотова»⁵⁶⁸. Это событие послужило сигналом для развертывания в СССР политико-идеологической кампании, содержание которой сводилось к внедрению в общественное сознание мысли о том, что СССР и нацистская Германия отныне не являются противниками⁵⁶⁹.

Уже на следующий день после подписания договора в передовой статье «Правды» отмечалось, что различия в политических системах и в идеологии обеих государств не являются препятствием для установления добрососедских отношений между ними⁵⁷⁰. Ключевыми в контексте разворачивавшейся политико-идеологической кампании стали устные выступления и публикации в центральных газетах главы Советского правительства В.М. Молотова, за которым стоял И.В. Сталин.

В своей речи на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (31 августа 1939 г.) В.М. Молотов повторил тезис об установлении «добрососедских отношений между СССР и Германией»⁵⁷¹. Глава Советского правительства не только нацеливал пропагандистские органы на отказ от открытых антинацистских деклараций, но и озвучил установку на адекватное восприятие населением СССР подобного пропагандистского поворота.

28 сентября 1939 г. в ходе второго визита Й. Риббентропа в Москву был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Это соглашение дало новый импульс

⁵⁶⁸ В российской историографии вот уже несколько десятилетий идет оживленная дискуссия, участники которой в основном критикуют «сборник мифов и легенд, оставленных по себе советской властью», в котором «совершенно особое место» отведено Договору 23 августа 1939 г. Консервативные адепты «хранителей советских исторических мифологем» считают его «полнейшим экспромтом, результатом дипломатического сальто-мортале, трудным с моральной точки зрения, но не имеющим альтернативы, а потому единственно верным, спасительным для страны решением» (Донгаров А.Г. Пакт Молотова – Риббентропа: запланированный экспромт // Труды по Россиеведению. 2016. № 6. С. 320–352.). Активны и доминируют в дискуссии критики этой позиции (Воронин В.П. Пакт Риббентропа-Молотова преступление или гениальность Сталина? // Место и роль России в мировом хозяйстве. XIV Международная научно-практическая конференция (посвящается 90-летию ФГБОУ ВО «ВГУИТ» в 2020 г.). 2020. С. 300–304; Снетков Д.А. Пакт Молотова – Риббентропа: новые подходы к изучению // Государство. право. война (К 75-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне). Мат-лы междунар. науч. конф. СПб университет МВД РФ. СПб, 2020. С. 614–618). Анализ Пакта не является предметом настоящего исследования, поэтому автор, не входя в упомянутую дискуссию, рассматривает лишь аспекты, соответствующие теме своего исследования.

⁵⁶⁹ Трофимцева С.Ю. Пакт Молотова-Риббентропа: каким должно было быть прошлое, или причины «вечности» историко-политических мифов // Миф в истории, политике, культуре. Сб. материалов II Междунар. науч. конф. М., 2019. С. 269–276.

⁵⁷⁰ Правда. 1939. 24 авг.

⁵⁷¹ Известия. 1939. 1 сент.

для усиления политико-идеологической кампании в духе сталинского курса на советско-германское сближение.

В газете «Известия» появилась передовая статья⁵⁷², текст которой предварительно отредактировал Сталин. В этой статье ставился вопрос о том, насколько аргументы западных противников Германии в пользу продолжения войны с ней могут быть сколько-нибудь обоснованными и убедительными. Кроме того, утверждалось, что каждый человек волен выражать собственное отношение к той или иной идеологии и имеет полное право защищать или отвергать ее. Однако, как указывалось в рукописи этой статьи, истребление людей по причине неприятия тех или иных мировоззренческих убеждений является «нелепой и бессмысленной жестокостью».

При редактировании данной статьи И.В. Сталин переписал часть текста и после приведенных выше слов добавил: «Это возвращает нас к мрачным временам средневековья, когда велись опустошительные религиозные войны во имя уничтожения еретиков и инакомыслящих. Однако история показала, что подобные идеологические и религиозные подходы приводили лишь к истреблению целых поколений и культурному одичанию народов. Можно уважать или ненавидеть гитлеризм, как и всякую другую систему политических взглядов. Это дело вкуса. Но затевать войну из-за «уничтожения гитлеризма» – значит допускать в политике преступную глупость»⁵⁷³.

В.М. Молотов в своей речи на Сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. в полном согласии со сталинской постановкой вопроса высказался по поводу перспектив войны между Германией и западными союзниками. Он, в частности, заявил, что можно признавать либо не признавать нацистскую идеологию, но вести войну «за уничтожение гитлеризма» не только бессмысленно, но и преступно⁵⁷⁴. По этому поводу Ю.Л. Галактионов отмечал: «...все тут, как говорится, шито белыми нитками и трудно сказать, чего здесь больше – цинизма, фальсификации, обыкновенного вранья? Важно другое: это была *официальная* [курсив автора. – С.Е.] точка зрения, а другие исключались вовсе»⁵⁷⁵.

Наконец, в самом конце 1939 г. «сверху» был дан еще один сигнал для пропагандистского обоснования сближения с Германией. 23 декабря 1939 г. А. Гитлер направил поздравительную телеграмму по случаю 60-летия Сталина. В ней фюрер пожелал «доброго здоровья» юбиляру и «счастливого будущего народам дружественного Советского Союза»⁵⁷⁶. Йозеф фон Риббентроп напомнил о новом этапе в советско-германских отношениях, основанных на дружбе между двумя странами. 25 декабря И.В. Сталин ответил Гитлеру и Риббентропу и подчеркнул: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»⁵⁷⁷. Неудивительно, что в «Политическом словаре» 1940 г. (в полном соответствии с приведенной ранее сталинской

⁵⁷² Мир или война? // Известия. 1939. 9 окт.

⁵⁷³ Большая цензура ... Док. № 370.

⁵⁷⁴ Правда. 1939. 1 нояб.

⁵⁷⁵ Галактионов Ю.Л. Указ. соч. С. 133.

⁵⁷⁶ Оглашению подлежит: СССР – Германия, 1939–1941: Док. и материалы. М., 1991. С. 166.

⁵⁷⁷ Там же. С. 167.

характеристикой, данной еще в 1935 г.) А. Гитлер был назван «выдающимся политическим деятелем Германии»⁵⁷⁸.

Уже в начале сентября 1939 г. в советской периодической печати стали появляться материалы, которые должны были нацеливать советских людей на восприятие изменений в отношении Германии. Так, газета «Правда» писала о «единодушном одобрении трудящимися исторических решений Верховного Совета СССР», который дал добро на ратификацию Договора о ненападении с ней⁵⁷⁹.

Однако далеко не все советские граждане демонстрировали «единодушное одобрение», узнав о подписании договоренностей между СССР и нацистской Германией (от 23 августа и от 28 сентября 1939 г.). По свидетельству академика В.И. Вернадского, в обществе происходило «большое скрытое брожение мысли в связи с резким противоречием между реальностью и официальным изложением положения»⁵⁸⁰. По мнению Вернадского, расхождения между этими двумя реальностями, резко увеличивались, выявляя сильный диссонанс в общественном сознании⁵⁸¹.

21 сентября 1939 г. комсомолец Полканов (г. Курск) в своем письме, адресованном В.М. Молотову, призывал главу Советского правительства прямо заявить А. Гитлеру: «Если он согласен быть во всех отношениях с Советским Союзом, то надо предложить ему стать коммунистом. Ибо так или иначе земной шар должен быть в два цвета, вода – в синий, а земля – в красный»⁵⁸².

Между тем даже сотрудники пропагандистских структур, казалось бы, по роду своей деятельности привыкшие к переменам в идеологической сфере, порой не сразу адаптировались к новым политическим установкам. Одни из них просто не знали, какую позицию необходимо выбрать, поскольку до этого по роду своей деятельности были вовлечены в деятельность по разоблачению нацистского режима. Другие были вынуждены констатировать: «Агитацию и пропаганду против фашизма нельзя проводить, т. к. наше правительство не видит никаких разногласий с фашизмом»⁵⁸³.

Большие затруднения испытывали агитаторы, которые должны были проводить беседы о текущих событиях, в том числе и в области внешней политики, на местах. Испытывая затруднения с ответами на вопросы «трудящихся», некоторые агитаторы были вынуждены обращаться в «высшие инстанции». Один из них, К.А. Гудок-Еремеев (г. Красный Луч Луганской области) тщательно переписал некоторые из вопросов, которые задавали ему рабочие транспортно-гужевой артели, и в 1940 г. переслал этот перечень в редакцию журнала «Спутник агитатора» (печатный орган ЦК и МК ВКП(б)).

⁵⁷⁸ Галактионов Ю.Л. Указ. соч. С. 134.

⁵⁷⁹ Григорьева О.И. Образ Германии на страницах газеты «Правда» ... С. 224.

⁵⁸⁰ Вернадский В.И. Дневник 1940 года // Дружба народов. 1993. № 9. С. 174.

⁵⁸¹ Там же. С. 174.

⁵⁸² Чубарьян А.О. Указ. соч. С. 121.

⁵⁸³ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. М.: АПН, 1989. С. 131–132.

Большая группа вопросов, заданных агитатору из г. Красный Луч, касались внутренней и внешней политики нацистского режима и характеристики его вождей:

«Германия заключила договор с Японией и Италией. Не нападет ли Германия на СССР с запада, а Япония с востока весной 1941 года?»;

«Почему коммунисты Германии не берут Гитлера за глотку и его Геббельсов [так в тексте. – С.Е.], или они лижут теперь пятки Гитлера?»;

«Не надует ли Гитлер СССР, и каким же образом теперь в Германии и когда образуется советская власть?»;

«В каких условиях работают компартии Германии и Италии? И почему нет обществ дружбы с Советским Союзом в Германии и Италии?»;

«Скажите, сколько Гитлер и Муссолини выдают хлеба в сутки рабочим и батракам?»;

«Допустим, Гитлер и Муссолини разбили Англию и США – ведь границы СССР и дальше на Запад должны расти. Не придется ли тогда после 10 лет [имеется в виду срок действия советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. – С.Е.] воевать с фашистами Германии и Италии?»;

«Будет ли советская власть в Германии и Италии, и когда и что будет тогда с Гитлером и Муссолини, а?»;

«Гитлер и Муссолини, разделяя по плану Европу новую – для СССР отводит сферы – как это понимать, неужели Гитлер и Муссолини думают этим не пустить никогда советскую власть в Германию и Италию?»;

«Выгодна ли вторая империалистическая война для нашей революции. Чем и в чем и как Гитлер будет бороться с коммунизмом? Является ли Гитлер политиком или демагогом?»;

«Скажите, любят ли воевать германские рабочие и батраки, и весь народ. Если не любят, то как заставили фашисты воевать народ Германии, и выгодно ли это компартии Германии?»;

«Почему и отчего Гитлер кричит, что, якобы он тоже за пролетариат, орет против империалистов, а в Германии издевается над трудовым народом, а Круппов поддерживает?»;

«Скажите, как же советское правительство и компартия будут свергать Гитлера и его шайку, и когда там организуют советскую власть?»;

«На самом ли деле Гитлер любит СССР или двурушничает, а?»

Из содержания приведенных выше вопросов следует, что задававшие их явно стремились поставить агитатора в неудобное положение. Неслучайно в своем сопроводительном письме, адресованном в редколлегию журнала «Спутник агитатора», К.А. Гудок-Еремеев констатировал: «Я увлекательно остро и со всей страстью большевика отвечаю на вопросы, детально готовясь к их ответам, но на многие вопросы я очень затрудняюсь им ответить».

Знаменательна реакция заведующего отделом агитации Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) П. Лященко, который ознакомился с письмом агитатора из г. Красный Луч. Лященко переправил полученное письмо в НКВД со следующим комментарием:

«Ввиду того, что большинство вопросов носит явно враждебный, антисоветский характер, просим заинтересоваться их авторами»⁵⁸⁴.

В новых политических условиях, когда советскими лидерами был выдвинут лозунг дружбы с нацистской Германией, и они выступили с осуждением войны ради «уничтожения гитлеризма», руководящие органы советской цензуры действовали в полном согласии с этими установками. По указанию Главлита изымалась печатная продукция, в которой встречались формулировки с прямым осуждением нацистского режима Гитлера либо просто с намеками на критику гитлеровской внутренней и внешней политики.

В конце 1939 – начале 1940 гг. в началось изъятие из библиотечных фондов изданных ранее в СССР книг и брошюр, содержащих критику в адрес нацистского режима и нацистских лидеров. Начальник Главлита Н.Г. Садчиков 10 февраля 1940 г направил заместителю начальника УПА ЦК ВКП(б) список книг, подлежащих изъятию из продажи и из библиотечного оборота.

Цензура изъяла из обращения сборник Э. Тельмана «Боевые речи и статьи» и уже упоминавшуюся выше книгу С. Вишнева «Как вооружались фашистские поджигатели войны», поскольку нацистские деятели характеризовались в них не иначе, как «террористы и бандиты»⁵⁸⁵. В списке книг, составленном Начальником Главлита, фигурировала и «Третья империя в лицах», принадлежавшая перу Н. Корнева. Автор «очень остро» говорил «об изуверстве германского фашизма» и непрочности той базы, на которой держался А. Гитлер. Вывод руководства Главлита: «В условиях настоящего времени описываемое содержание книги не соответствует нашей внешней политике»⁵⁸⁶.

Цензоры Главлита обратили внимание и на труды академика Е.В. Тарле. Не был пропущен в печать журнал «Литературный современник» (1939. № 7-8) со статьей этого известного ученого «Антифашистская фальсификация исторической науки в Германии». Помимо прочего, цензор обратил внимание на то, что Е.В. Тарле давал нелицеприятные характеристики нацистским «вождям» (А. Гитлеру, Й. Геббельсу и другим). В результате названная статья Е.В. Тарле не была пропущена в печать⁵⁸⁷.

Одновременно в Москве был прекращен показ антифашистских фильмов «Семья Оппенгейм» и «Профессор Мамлок»⁵⁸⁸.

В Ленинграде агитаторам-докладчикам были заданы вопросы, ответы на которые было найти не так легко: «Как могло получиться, что основной очаг войны, центр агрессии [Германия. – С.Е.] и вдруг заключает договор о ненападении? Как будет реагировать рабочий

⁵⁸⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны ... С. 79.

⁵⁸⁵ Зеленов М.В. Главлит в 20–30-е годы // Вопр. истории. 1997. № 3. С. 33.

⁵⁸⁶ ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 19. Л. 112.

⁵⁸⁷ Zenzur in der UdSSR ... Примеч. 1. С. 286.

⁵⁸⁸ Такер Р. Сталин у власти: История и личность, 1928–1941. М.: Весь мир, 1997. С. 542–543.

класс Германии, если мы заключим договор о ненападении с фашистским правительством?»⁵⁸⁹.

В разговорах и беседах советские люди проявляли явное недоверие к официальной пропаганде, поскольку привычные антифашистские установки были без всяких объяснений отвергнуты. Так, коммерческий директор фабрики «Скорород» (г. Ленинград) говорил: «Мы люди пожилые и привыкли при советской власти к очень многому. Мы научились ничему не удивляться. Но молодежь не только удивляется, но и возмущается. В демонстрации дружбы с погромщиками она видит просто измену со стороны руководства партии. Молодежь учили ненавидеть фашизм и вдруг СТАЛИН встал рядом с погромщиками»⁵⁹⁰.

Между тем советское политическое руководство сочло необходимым вновь напомнить о приверженности выбранному им курсу на сближение с Германией. В докладе о внешней политике Советского Союза на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. В.М. Молотов заявил, что «в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии»⁵⁹¹.

В августе 1940 г. были подготовлены передовые статьи для газет «Правда» и «Известия», приуроченные к первой годовщине подписания советско-германских договоренностей о ненападении и о дружбе и границе, редактирование которых осуществляли лично И.В. Сталин и В.М. Молотов⁵⁹².

В печатных материалах, которые появлялись после подписания пакта Риббентропа–Молотова в советской прессе, внутренняя политика нацистского руководства перестала подвергаться критике. Если ранее центральные газеты утверждали, что фашистский режим привел Германию на грань экономического кризиса, а достижения германской и мировой культуры попираются варварскими действиями нацистов, то начиная с 1940 г. их тематика резко изменилась. Так, редколлегия газеты «Правда» предлагала своим читателям информацию, из которой следовало, что в Третьем рейхе хорошо развита индустрия, она обладает мощной техникой, базирующейся на собственной машиностроительной и химической промышленности. Излюбленными темами при описании ситуации в Германии становятся успехи и достижения науки и техники в стране⁵⁹³.

Сообщения о нацистском терроре, различных формах дискриминации, антисоветских провокациях, росте рабочего движения и т. д. исчезли со страниц газеты «Известия». В 1939–1941 гг. из газеты «пропадают эмоционально окрашенные статьи или заметки, способные пролить свет на истинное состояние дел» при нацистском режиме. Те материалы, которые все-таки появлялись и касались экономических или политических реалий этого режима,

⁵⁸⁹ Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945. (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб.: Европ. дом, 1996. Док. № 1.

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ Правда. 1940. 2 авг.

⁵⁹² СССР – Германия, 1933–1941. Док. № 195.

⁵⁹³ Григорьева О.И. Образ Германии на страницах газеты «Правда» ... С. 224.

ограничивались либо перепечаткой отдельных примеров трудового законодательства, либо констатацией нацистской статистики. Подобные материалы, как правило, не комментировались и были лишены негативной нагрузки.

В целом временный политический выигрыш от договоренностей с Германией августа–сентября 1939 г. сопровождался политико-идеологическими издержками. То, что советская пропаганда нацелилась на обоснование «дружбы» с Третьим рейхом, оставив критические выпады в адрес внешней и внутренней политики нацистского руководства, вызывало у некоторых советских граждан раздражение и недовольство, хотя степень распространения подобного рода настроений в обществе с трудом поддается анализу ввиду явного недостатка репрезентативных источников по данному сюжету.

Литературные и публицистические произведения, периодическая печать, кинопрокат по цензурным соображениям уже не выполняли роли «обличителей» нацистского руководства. Из тактических соображений советская пропаганда была настроена на обеспечение лозунга о «расцвете дружбы» с Германией. Это вводило в заблуждение и закономерно воспринималось в обществе как своеобразное «отклонение» от прежней антифашистской линии. Трудные времена наступили для тех, кто был задействован в сфере внешнеполитической пропаганды. Требовалось политическое чутье, чтобы не допустить чреватых самыми негативными последствиями ошибок в этот ответственный, поворотный период в предвоенных советско-германских отношениях.

Глава 10. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА «КУЛЬТУРНОГО СБЛИЖЕНИЯ» С ТРЕТЬИМ РЕЙХОМ

Советская пропаганда после заключения Договора о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г. была вынуждена изменить образ недавнего врага в лице нацизма на диаметрально противоположный либо существенно скорректировать его. Однако в основном идеологическом арсенале не находилось ни соответствующих терминов, ни выразительных средств, с помощью которых можно было бы в данном случае создавать позитивный образ Германии. Причина состояла в том, что наличие в этой стране нацистского режима являлось «идеальным», жизненно необходимым для создания, подкрепления и воспроизводства собственной идентичности.

В период, предшествовавший сближению с Германией, в условиях экономического кризиса был взят новый курс на развитие идеи «мировой революции». Однако после появления в Германии, самой «революционной стране» (как считали идеологи Коминтерна), враждебного нацистского режима, показавшего к тому же свою жизнеспособность, развитие курса в данном направлении вызывало большие сомнения. Идеологические доминанты в советской пропаганде под влиянием событий 1933–1939 гг. уступили место сугубо прагматическим: сталинское руководство выдвинуло лозунг строительства социализма в отдельно взятой стране, то есть в СССР. Классовая составляющая и в большевистской идеологии, и в пропаганде не исчезла, однако постепенно отошла на второй план. На первое место в дипломатии и в пропаганде временно вышли «коллективная безопасность», «борьба за мир», против германского национал-социализма и итальянского фашизма, что наглядно показало причастность Советского Союза к событиям, происходившим во время Гражданской войны в Испании. Казавшиеся к началу 1930-х годов периферийными такие политико-идеологические аспекты, как историческая традиция и достижения в области культуры, оказались теперь в центре внимания пропаганды. Причина состояла не только в том, что сталинское руководство стремилось в условиях борьбы за коллективную безопасность и появления Народных фронтов в европейских странах (Испании и Франции) как-то сгладить собственную классовую ортодоксию на международной арене. Важно было другое – советская держава строилась по имперскому принципу: внутри – жесткая централизация, вовне – отсутствие реальных союзников при наличии лишь временных партнеров (например, Франция и Чехословакия после дипломатических соглашений 1935 г.).

Начался процесс оформления новой идеологической доктрины⁵⁹⁴. Так, в периодической печати СССР в 1930-е годы стала постепенно «исчезать» революционная риторика⁵⁹⁵.

Следует отметить, что новый поворот в советской пропаганде, который был призван идеологически обосновать сближение с нацистской Германией, оказался возможным при одном важном условии. Как и ранее, ставка делалась не на идеологический «центр», а на

⁵⁹⁴ Бордюгов Г.А. Указ. соч.; Иголкин А.А. Указ. соч.

⁵⁹⁵ Иголкин А.А. Указ. соч. С. 75, 77.

идеологическую «периферию». После подписания Договора о ненападении «упрощенная антифашистская агитация» (выражение В.М. Молотова) была свернута. Объявлялось, что различия в мировоззрениях и социальных системах не являлись помехой для сближения народов СССР и Германии. В советской прессе прекратились все выпады против нацистского режима, события внешней политики в ней освещались с германской точки зрения, а антифашистская литература оказалась изъятой из книжного оборота.

Напротив, в периодической печати стало указываться на то, что «германский народ традиционно с нами связан»⁵⁹⁶. Обличительный термин «фашист» исчез из нее, сменившись более нейтральным «член национал-социалистической партии». Если до августа 1939 г. советская пропаганда обвиняла Германию в развязывании новой войны, то после подписания пакта Риббентропа–Молотова главными «обвиняемыми» вновь (как и после Гражданской войны) стали Англия и Франция. Что касается Германии, то утверждалось, что она «претерпела больше несправедливости, чем творила сама».

Постепенно СССР начал проводить курс на *культурное сближение* с нацистской Германией. Возникла реальная возможность использования благоприятной ситуации с целью возобновления советско-германских культурных связей, которые начали прерываться, по существу, сразу после прихода к власти в Германии национал-социалистов. Так, уже 13 октября 1933 г. Л.М. Хинчук сообщал из Берлина о тех объективных трудностях, с которыми приходилось сталкиваться советским дипломатам и представителям ВОКСа в попытках сохранения этих связей⁵⁹⁷. А 11 марта 1936 г. в своем письме, адресованном руководству ВОКСа, представитель Общества в Берлине В. Поздняков прямо констатировал: «Ясно, конечно, что при существующей обстановке в Германии систематически и хорошо поставленная воксовская работа невозможна»⁵⁹⁸. Исполнявший обязанности председателя правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей Л. Чернявский вполне разделял вывод своего подчиненного. 2 апреля 1936 г. он, в частности, писал В. Позднякову: «С 1933 г. вся работа ВОКСа с постоянными корреспондентами – отдельными лицами и организациями – прекратилась, сохранился только книгообмен»⁵⁹⁹.

В связи с этим примечательно, что в августе 1939 г., еще в ходе дипломатических контактов по вопросу о возможности политического сближения именно немецкая сторона зондировала почву относительно возобновления культурных связей. 8 августа временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов, в том числе, писал народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову о том, что немцы «готовы были бы пойти на некоторую форму «культурного соглашения» в виде договора <...> об обмене книгами (с оговоркой, конечно), музыкальными произведениями, научными новинками и т. п.». «Взаимное участие на спортивных состязаниях, научных конференциях, выставках

⁵⁹⁶ Невежин В.А. Синдром наступательной войны ... С. 166–167.

⁵⁹⁷ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 218. Л. 43–43 об.

⁵⁹⁸ Там же. Д. 300. Л. 3.

⁵⁹⁹ Там же. Л. 4–4 об.

международного значения, – констатировал Астахов, – также мыслится ими как возможное»⁶⁰⁰.

Начиная с сентября 1939 г. культурные связи между СССР и Германией постепенно реанимировались. Через Литературное агентство при Всесоюзном объединении «Международная книга» в Германию направлялись статьи, очерки, художественные произведения советских авторов. Увеличился объем книгообмена. ВОКС планировал пригласить в Москву на гастроли известного немецкого дирижера В. Фуртвенглера, организовать в Берлине гастроли советского дирижера Е. Мравинского и балерины Г. Улановой.

Из Германии от Общества им. И. Гуттенберга (г. Майнц) при посредничестве ВОКСа были получены материалы, которые использовались для экспозиции, организованной в июле 1940 г. Государственной Публичной Библиотекой СССР им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Выставка в Ленинграде была приурочена к 500-летию изобретения книгопечатания в Европе выдающимся немецким деятелем культуры эпохи Возрождения И. Гуттенбергом⁶⁰¹.

Периферийные аспекты советской тоталитарной идеологии едва ли не полностью исчерпывались термином «культура». Неслучайно для создания позитивного образа врага в лице нацистского режима в 1939 г. были взяты на вооружение именно характеристики, связанные с культурой. «Центральные» ресурсы советской идеологии также могли быть отчасти привлечены и косвенно использованы для создания позитивного образа нацистской Германии. Например, ведшаяся ею война против Англии и Франции могла рассматриваться советской пропагандой как исторически прогрессивная, поскольку она должна была способствовать крушению мировой колониальной системы.

В целом «периферийный» поворот в советской пропаганде, начавшийся в августе 1939 г., давал толчок для создания позитивного культурного имиджа бывшего заклятого врага.

Однако по причинам прежде всего идеологического характера использовать ожидавшиеся преимущества от этого политического сближения с целью развития культурных связей в полной мере не удалось.

А. Гитлер разослал секретный циркуляр полицейским управлениям и руководителям СС, в котором приказывал использовать коммунистов для специальной военной пропаганды под лозунгом «Пролетарские государства против капиталистических стран». Фюрер заявил также, что необходимо подчеркивать перед массами сходство правительств Германии и СССР. В то же время в германской прессе стали подчеркиваться выгоды от *экономического сотрудничества* с Москвой: «Советская Россия и Германия отстранены демократией от строительства новой мировой экономики на здоровом, современном практическом базисе, потому что эти демократии хотят искусственно сохранить мировую экономику, несмотря на ее крах. Старая мировая экономика так же, как устаревшие демократии, не может

⁶⁰⁰ Документы внешней политики. Т. 22. Кн. 1. Док. № 455. С. 586.

⁶⁰¹ Невежин В.А. Специфика советской культурной дипломатии в условиях сближения СССР и Германии (1939–1941 гг.) // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2010. Вып. 10. С. 215.

воспрепятствовать тому, что обе страны строят собственное народное хозяйство, причем между ними происходит сильный, необходимый обоим странам товарообмен»⁶⁰². Другими словами, с германской стороны также использовались «периферийные» тезисы о близости *экономических интересов* обеих стран и отчасти о сходстве большевистского и нацистского *политических режимов*. Однако эти установки были далеки от «твердого ядра» («центра») идеологической системы. В обосновании нацистской идеологией своей идентичности классовая аргументация («пролетарские государства против буржуазных»), как и аргументация экономическая, играли незаметную роль.

В начале февраля 1940 г. редакторы берлинских газет получили указание со стороны цензуры по возможности не печатать сообщений о культурной жизни в СССР. 8 марта 1940 г. Министерство народного просвещения и пропаганды предписывало германской печати ни в коем случае не создавать впечатления, «будто речь идет о каком-то масштабном культурном обмене» с Советским Союзом⁶⁰³.

За три недели до наступления первой годовщины подписания советско-германского договора о ненападении, 31 июля 1940 г., А. Гитлер сообщил главнокомандующему вермахта о своем твердом решении покончить с Советским Союзом, уничтожив его жизненные силы. Германское пропагандистское ведомство продолжало «закручивать гайки», стремясь ограничить культурные связи с СССР. В начале сентября 1940 г. редакторы печатных изданий Третьего Рейха получили новое «разъяснение» на этот счет. В документе подчеркивалось, что политическое сотрудничество «с каким бы то ни было из народов земли не является автоматически стартовым сигналом к началу культурного обмена». Далее Министерство народного просвещения и пропаганды недвусмысленно предостерегало против использования немецкой прессой своей печатной площади, «чтобы информировать сегодня о результатах, достигнутых Россией за 20 лет»⁶⁰⁴.

Между тем на этапе сближения с Германией обнаружилась важная точка соприкосновения с нацистским режимом в области культурной политики: стремление большевистских идеологов использовать его опыт ведения политической пропаганды в собственных конъюнктурных интересах.

В предшествовавший период, когда в СССР полным ходом шла антифашистская пропагандистская кампания, подобные попытки представлялись явно абсурдными. Так, 14 мая 1937 г. на совещании актива ВОКСа было решительно отвергнуто предложение, поступившее от одного из сотрудников, о возможности изучения методов нацистской пропаганды. В ответ на это заместитель председателя правления Общества В. Смирнов заявил, что «никогда фашисты не обладали теми знаниями из практики в пропаганде и агитации, какими обладала наша [большевистская. – С.Е.] партия», и что вообще применять «методы фашистской пропаганды» большевикам «не к лицу»⁶⁰⁵. Подытоживая неожиданно

⁶⁰² *Vilkischer Beobachter*. 1939. 24 авг.

⁶⁰³ Шафганс Б. Указ. соч. С. 202–203.

⁶⁰⁴ Там же. С. 203.

⁶⁰⁵ Голубев А.В., Невежин В.А. ВОКС в 1930–1940-е гг. Примеч. 25. С. 318.

возникшую дискуссию, А.Я. Аросев заключил: перенимать у фашистских пропагандистов нечего и учиться у них нечему⁶⁰⁶.

После подписания Договора о дружбе и границе с Германией, в условиях, когда начался процесс восстановления советско-германских культурных связей, советским пропагандистам представилась удачная возможность, не оглядываясь особо на идеологические расхождения с нацистами, проанализировать организационные и содержательные аспекты функционирования германских пропагандистских органов, прежде всего документального кинематографа и радиовещания, и попытаться извлечь из этого анализа пользу.

Кинематограф Третьего рейха был призван оказывать необходимое воздействие на массовое сознание, являясь важным инструментом идеологического обеспечения внутривнутриполитических и внешнеполитических акций нацистского руководства. В частности, германское документальное кино было призвано прославлять военную мощь вермахта, который был поставлен на службу захватнических устремлений Гитлера. В начале 1939 г. советская печать позитивно отреагировала на то, что в США были запрещены к показу хроникальные германские ленты, во всех подробностях фиксировавшие действия войск вермахта в ходе занятия Судетской области, которая по условиям Мюнхенского соглашения 1938 г. отошла к Германии⁶⁰⁷.

В 1940 г. уже в новой политической ситуации, когда в результате советско-германских секретных договоренностей и вооруженных действий вермахта и Красной армии Польское государство потеряло свою независимость, Комитет по делам кинематографии при СНК СССР организовал закрытый просмотр фильма, отснятого германскими кинодокументалистами, под характерным названием «Поход на Польшу». Картина снималась многочисленным коллективом кинооператоров Министерством пропаганды Й. Геббельса по заказу военного ведомства Германии. Присутствовавший на этом кинопросмотре писатель и драматург В.В. Вишневский спустя четыре дня (25 июня 1940 г.) в своем выступлении на совещании, созванном Оборонной комиссией ССП, редколлегией журнала «Знамя» и «Красная звезда», дал общую высокую оценку хроникально-документального фильма «Поход на Польшу». Более того, Вишневский предлагал организовать демонстрацию этой картины в СССР на широком экране, поместить рецензию на нее на страницах «Красной звезды».

Руководство Комитета по делам кинематографии при СНК СССР в своем информационном издании 15 июля 1940 г. подчеркивало, что в Германии уделялось большое внимание производству «нужных фильмов» о войне. В этом документе был также приведен материал из германской газеты о работе немецких кинематографистов во время новой военной кампании (теперь уже против Франции)⁶⁰⁸.

⁶⁰⁶ Там же. С. 319.

⁶⁰⁷ Правда. 1939. 13 янв.

⁶⁰⁸ Неvejeин В.А. Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды в 1939–1941 гг. // Россия и Европа в XIX–XX веках. М., 1996. С. 132–133.

Без внимания руководства советских пропагандистских органов не осталась и деятельность германского радиовещания. В упоминавшейся докладной записке Д.З. Мануильского на имя А.А. Жданова (27 ноября 1940 г.) было высказано предложение о необходимости изучения форм и методов подачи радиоинформации за рубежом. Так, Мануильский информировал Жданова о постановке дела иностранного радиовещания в Англии и Германии. При этом автор документа сообщал: «Было бы нелишне, если бы этот опыт изучили руководители нашего инорадиовещания»⁶⁰⁹.

Говоря о германском радио, Д.З. Мануильский отмечал, что его иностранный отдел «по своему размаху почти соответствует английскому», а по форме подачи информации «отличается особенно тем, что его передачи вызывают у слушателей впечатления непосредственных переживаний». Германское радио, согласно его сведениям, практически не использовало в своих передачах статейный материал. Если статьи из газет и цитировались, то это делалось это «в рамках хроники, кратких обзоров печати, в полемике с иностранными радиопередачами» либо когда ставилась задача «информировать радиослушателей о точке зрения германское прессы по какому-либо вопросу».

Далее Мануильский подробно останавливался в своей докладной записке на специфике подачи материала, характерной для германского радиовещания: «Широкая программа германского радио отличается особенно наглядным и легко запоминаемым распределением. По определенным дням, в одни и те же часы, одни и те же лица выступают по тому или иному определенному циклу. Германское радио передает, например, ежедневно «Эхо Германии», которое во время войны состоит преимущественно из репортажа с фронта, с месторасположения зенитных батарей, с бортов судов, причем дикторы германского радио стараются находиться с микрофонами на месте событий, т. е. как можно меньше в самой студии. Ежедневно дается обзор важнейших политических событий под заголовком «Информация о Германии». Каждые 2-3 дня по Инорадио выступает представитель министерства пропаганды, ответственный за руководство германской прессой советник министерства доктор Фриче, который дает «обзор газет и радио» (в течение передачи 15 минут). Он дискутирует с иностранной печатью и в полемической форме излагает точки зрения, которые выдвигаются в германской пропаганде.

Как в английском, так и в германском радио выдающуюся роль играют инсценировки. При этом они даются в высококвалифицированной художественной форме. Отдельные германские радиостанции имеют твердую, заранее составленную программу таких инсценировок с крупными именами исполнителей. Инсценировки, которые, по мнению руководства германского радио, являются наиболее эффективными, включаются в центральную программу».

Д.З. Мануильский считал: далеко не все, что применяли в передачах на иностранных языках зарубежные радиостанции, и в особенности радиостанции воюющих стран, можно применить в советских условиях. Однако он предлагал внимательно изучать опыт всего

⁶⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 68, 70–71.

заграничного инорадиовещания, в том числе германского, для нахождения собственных удачных и эффективных форм работы в этой области.

В упомянутой докладной записке на имя Г.Ф. Александрова от 25 декабря 1940 г. Я.С. Хавинсон также настаивал на необходимости тщательного изучения опыта ведения пропаганды соответствующими германскими органами с целью выявления полезных для советского пропагандистского аппарата тенденций. В частности, Хавинсон приводил известные ему сведения об организации Имперского министерства пропаганды и отдела печати имперского правительства. Он указывал на то, что всей пропагандой на территории Третьего рейха руководил Й. Геббельс. В ведении Геббельса находились различные отделы и управления: «начальник штаба, отдел “активной пропаганды”, отдел радиовещания, отдел связи, отдел культуры, отдел кино, управление национал-социалистской пропаганды и агитации, отдел пропаганды в печати, отдел информации, отдел художественной пропаганды»⁶¹⁰.

Я.С. Хавинсон констатировал в докладной записке на имя начальника УПРА ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова: «при национал-социалистской партии имеется имперский шеф печати национал-социалистской партии (Дитрих). При нем существуют следующие отделы: 1) отдел кадров печати; 2) политический отдел; 3) отдел информации; 4) референтура по вопросам иностранной печати; 5) журнал по вопросам национал-социалистской печати».

В этом же документе перечислялись основные структурные подразделения Министерства пропаганды Германии, которое к тому же разместило «свои филиалы во всех провинциях Германии». Обобщая представленные в его докладной записке сведения об организации руководства устной и печатной агитацией и пропагандой, существовавшие за границей, в том числе в Германии, Хавинсон отметил следующие общие для них черты:

- а) централизация всего дела пропаганды;
- б) объединение в едином центре оперативного руководства устной и печатной организацией и пропагандой внутри страны и за границей.

На этом фоне, как указывал Я.С. Хавинсон, отсутствие в СССР централизованного оперативного руководства в сфере устной и печатной агитации и пропаганды отрицательно сказывалось на работе всего советского внешнеполитического пропагандистского аппарата.

В.С. Кеменов в своей докладной записке на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова от 4 января 1941 г. сосредоточил внимание на основных задачах советской культурной пропаганды за рубежом. Противопоставляя советскую пропаганду пропаганде, проводимой за границей другими странами, Кеменов отметил большой размах, целеустремленность и организованность иностранной пропаганды, которая в ряде стран была строго централизована. В данной связи он счел необходимым особо указать и на «так называемую культурную пропаганду», которую развернула за границей Германия.

Так, в Румынии в апреле 1940 г. был открыт «Немецкий научный институт». Его цель сводилась к пропаганде немецкой культуры в этой стране. В Болгарии, как отмечал

⁶¹⁰ Там же. Д. 57. Л. 31–32.

В.С. Кеменов, Германия имела «широко организованную сеть активно работающих обществ»: Германско-Болгарское общество, крупный филиал национал-социалистической организации «Сила в радости», а также различные клубы (Херри-клуб, Турнферейн).

17 июня 1940 г. Германия подписала культурную конвенцию с Болгарией. С этого времени, как отмечал в своей докладной записке В.С. Кеменов, участились массовые поездки немцев с «культурной целью» в Болгарию. Возник Германский научный институт в Болгарии и соответствующий институт в Берлине. В болгарских высших учебных заведениях вводились кафедры немецкого языка и литературы, а в пяти университетах Германии началось преподавание болгарского языка. Немцы подарили софийской радиостанции несколько тысяч грампластинок с записями немецкой музыки. Они устраивали экскурсии студентов и болгарских учителей в Германию, посылали немецких профессоров и студентов с ответными визитами в Болгарию.

С момента начала Второй мировой войны пропагандистские органы Германии «били в одну точку», стремясь «оторвать Францию от Англии». С этой целью, как отмечал В.С. Кеменов, Германия использовала различные пропагандистские методы: проводила радиопередачи на французском языке, разбрасывала листовки в рабочих кварталах Парижа, издавала брошюры, открытки и т. д. Тематика большинства материалов сводилась к следующей мысли: пока французы гибнут в окопах, английские союзники развлекаются с их женами в кабаках.

После капитуляции Франции, по словам В.С. Кеменова, перед немецкой пропагандой была поставлена новая цель: вовлечь ее в войну против Англии. Этой задаче были подчинены все средства: от использования произведений Ч. Диккенса и Т. Карлейля как «обличителей английского капитализма» до «философских» построений нацистского идеолога А. Розенберга.

Кеменов в своей докладной записке также привел примеры успешной пропагандистской деятельности Германии в оккупированных ею странах, в первую очередь, в Норвегии и Бельгии.

«Вся эта «культурная» пропаганда, – констатировал В.С. Кеменов, – ведется планомерно и централизованно». При этом германское правительство не скупилось на затраты по ее проведению. Вообще, по признанию Кеменова, германская пропаганда в военных условиях смогла служить примером «целеустремленности и планомерности»⁶¹¹.

Подобные попытки изучения советскими идеологическими функционерами опыта внешнеполитической пропаганды зарубежных стран, в первую очередь Германии, предпринимались в условиях сближения с ней, что было негативно воспринято на Западе. Престиж СССР на международной арене, и без того подорванный после получения известий о массовых политических репрессиях 1937–1938 гг., еще более упал в результате таких внешнеполитических акций Сталина, как «освободительный поход» против Польши осенью

⁶¹¹ Там же. Д. 76. Л. 22–25.

1939 г. и война СССР против Финляндии 1939–1940 гг., которая получила название «Зимней войны».

В период, предшествовавший этим событиям, сформировалась ключевая задача советской внешнеполитической пропаганды: стремление поддерживать имидж СССР как последовательного борца за дела мира и социальной справедливости, опираясь на поддержку извне. В этой деятельности большая роль отводилась Коминтерну. Подписание советско-германского пакта о ненападении осложнило положение зарубежных компартий, вызвав широкую антисоветскую кампанию. Поначалу Г.М. Димитров поспешил отрапортовать И.В. Сталину, В.М. Молотову и А.А. Жданову о том, что компартии Франции, Великобритании, а также ряда других европейских стран и США расценили этот пакт как громадный внешнеполитический успех СССР, являвшийся вкладом в дело мира, способствовавший срыву замыслов поджигателей войны, как удар по агрессивной политике Гитлера в Восточной Европе⁶¹². Однако в действительности неожиданный поворот СССР к соглашению с нацистским агрессором оказался мучительным для многих коммунистических активистов. Руководство Коминтерна стремилось преодолеть возникшее замешательство⁶¹³.

В условиях начавшейся Второй мировой войны, в которую оказались втянутыми в качестве противников Германии Великобритания и Франция, компартии этих стран в соответствии с прежними установками выступали за решительное противодействие фашистским агрессорам, в поддержку эффективных усилий в борьбе против нацистской Германии, в защиту Польши, которая стала первой жертвой германского нападения⁶¹⁴.

В то же время руководство Коминтерна, осознавая всю сложность ситуации, возникшей в результате начала Второй мировой войны, сочло необходимым обратиться к И.В. Сталину за разъяснением того, как именно следует на нее реагировать. В ночь с 7 на 8 сентября 1939 г. Сталин (в присутствии Молотова и Жданова) имел беседу с Димитровым. Советский лидер утверждал, что возникшая война ведется за передел мира, за мировое господство. По мнению Сталина, было бы хорошо, если бы обе воюющие стороны «подрались хорошенько и ослабили друг друга». Неплохо, – продолжал он свою мысль, – если бы «руками Германии» было бы «расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)». Гитлер, по мнению Сталина, «сам того не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему». Большевицкий вождь высказал убеждение, что существовавшее ранее условное разделение стран на демократические и фашистские с началом военных действий в Европе утратило свой смысл. По его утверждению, коммунисты за рубежом должны решительно выступить против своих правительств, ведущих войну. В то же время И.В. Сталин в упомянутой беседе с Г.М. Димитровым, вопреки своим же утверждениям, назвал Польшу фашистским государством, которое угнетает украинцев и белорусов. Сталин заявил, что уничтожение этого государства в создавшихся условиях означало бы, что стало меньше «одним

⁶¹² Коминтерн и Вторая мировая война ... Док. № 4, 5.

⁶¹³ Там же. С. 7.

⁶¹⁴ Там же. С. 8–10.

буржуазным фашистским государством». Он считал полезным разгром Польши, в результате которого социалистическая система распространилась бы «на новые территории и население».

Говоря о позиции СССР в условиях начавшейся войны, И.В. Сталин определил для советского руководства принцип свободы рук: «Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»⁶¹⁵. Признавая, что наличие пакта о ненападении с СССР на руку Германии, Сталин не скрывал намерения «подталкивать» ее против других воюющих стран⁶¹⁶.

Дальнейшие события развивались таким образом, что сталинский тезис о Польше как о фашистском государстве оказался недейственным, поскольку подрывал основы советско-нацистской «дружбы», закрепленной позднее (28 сентября 1939 г.) соответствующим дипломатическим соглашением. В ходе развернувшейся политико-идеологической антипольской кампании основной упор делался на разоблачение непрочности польского государства, несостоятельности внешней и внутренней политики его руководства⁶¹⁷.

В то же время советское руководство не скрывало, что падение Польши было обеспечено совместными боевыми действиям германского вермахта и Рабоче-Крестьянской Красной армии. 31 октября 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР В.М. Молотов заявил: оказалось достаточно лишь короткого удара со стороны вермахта, а затем со стороны РККА, чтобы не осталось ничего от Польского государства⁶¹⁸.

Что же касается позиции руководства Коминтерна в отношении польской кампании 1939 г., то она была полностью подчинена директивам, данным И.В. Сталиным в упомянутой беседе с Г.М. Димитровым. Сталин предлагал отказаться от лозунга единого народного фронта. Коммунисты зарубежных, прежде всего воюющих стран, должны были решительно выступать против собственных правительств, против войны. В данной связи он настаивал на том, что необходимо всячески разоблачать виновников войны, а также те страны, которые, выступая за нейтралитет, якобы поддерживают войну в других странах исключительно «в целях наживы»⁶¹⁹.

Прогерманская ориентация советского руководства была изложена в упомянутом докладе В.М. Молотова 31 октября 1939 г. Из выступления главы Советского правительства следовало, что «Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру», в то время как ее противники, Англия и Франция, «вчера еще ратовавшие против агрессии», якобы наоборот, «стоят за продолжение войны и против заключения мира»⁶²⁰.

Острые пропагандистской деятельности германских коммунистов, в полном соответствии с задачами развернутой Кремлем политико-идеологической кампанией по

⁶¹⁵ Коминтерн и Вторая мировая война ... С. 10.

⁶¹⁶ Там же. С. 11.

⁶¹⁷ Небезин В.А. Синдром наступательной войны ... С. 67–81; Он же. «Если завтра в поход...» ...

⁶¹⁸ Правда. 1939. 1 нояб.

⁶¹⁹ Коминтерн и Вторая мировая война ... Док. № 11.

⁶²⁰ Правда. 1939. 1 нояб.

обеспечению курса на сближение с нацистским режимом, направлялось не против его агрессивного внешнеполитического курса, а против англо-французского блока.

Более того, в документах Коминтерна недвусмысленно утверждалось, что «мероприятия по германизации и ограблению народов в аннексированных странах <...> льют воду на мельницу воинствующей агрессии английского и французского империализма»⁶²¹.

В период советско-финской («Зимней») войны 1939–1940 гг. антибританский и антифранцузский пафос пропаганды Коминтерна, руководствовавшегося сталинскими указаниями, достиг пиковой точки, поскольку Англия и Франция встали на сторону Финляндии. На Западе развернулась активная антисоветская кампания, поскольку в этой войне СССР рассматривался как агрессор. После окончания боевых действий и подписания 12 марта 1940 г. мирного договора между СССР и Финляндией ИККИ направил компартиям директивы с указанием пропагандировать «новую победу миролюбивой политики Советского союза», решительно выступать против антисоветской и антикоммунистической кампании, развернутой на Западе. При этом на первый план выдвигалась задача противодействия замыслам «англо-французских империалистов», их попыткам «втянуть Скандинавию в войну и разжечь мировую войну»⁶²².

В полном соответствии с указаниями Сталина и руководства ИККИ коммунистическое и рабочее движение Запада было ориентировано на борьбу против «империалистической войны», что означало противодействие военным усилиям Англии и Франции, а на деле означало поддержку демагогической кампании нацистского руководства, содействие фашистским агрессорам⁶²³.

Прогерманский нейтралитет СССР поставил в сложное положение Компартию Германии. В конце мая 1940 г. был составлен документ «Германские коммунисты о последних событиях»⁶²⁴. Несмотря на то, что А. Гитлер в апреле-мае развернул агрессивные боевые действия, захватив Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург и вступил на территорию Франции, в упомянутом документе вообще не упоминалось о нацистском режиме в Германии, ничего не говорилось о фашистской агрессии, угрожавшей народам Европы. Подобная позиция объяснялась расчетами сталинского руководства на использование сложной ситуации, в которую попали Великобритания и Франция в собственных политических интересах при сохранении и расширении сотрудничества между Москвой и Берлином⁶²⁵.

Это сотрудничество с Германией советское руководство решило подкрепить демонстративной акцией в области музыкальной культуры. В 1940 г. возникла идея

⁶²¹ Там же. Док. № 52

⁶²² Коминтерн и Вторая мировая война ... Док. № 76–78.

⁶²³ Там же. Док. № 75

⁶²⁴ Там же. Док. № 92.

⁶²⁵ Коминтерн и Вторая мировая война ... С. 25–26.

постановки на сцене Большого театра оперы Р. Вагнера «Валькирия», осуществление которой было поручено кинорежиссеру С.М. Эйзенштейну.

Подтверждением того, что в Москве уже не испытывали прежней эйфории от сближения с нацистской Германией, стал перенос премьеры оперы Р. Вагнера «Валькирия» в Большом театре в постановке С.М. Эйзенштейна, назначенный на конец сентября 1940 г. Тревожные предчувствия с каждым днем все больше одолевали знаменитого режиссера. Он записал в своем дневнике 28 сентября 1940 г: «Сегодня, в назначенный день премьеры «Валькирии», [в Большом театре] идет «Иван Сусанин». И, кажется, навсегда... Вина за Германией: военный союз и провоз войск по Финляндии [...]»⁶²⁶.

Но опасения режиссера по поводу судьбы его театральной работы оказались преждевременными. 12–13 ноября 1940 г. состоялся официальный визит советской делегации во главе с В.М. Молотовым в Берлин для переговоров с А. Гитлером, Й. фон Риббентропом и другими представителями нацистского руководства. В этих условиях премьера оперы «Валькирия» могла рассматриваться как своеобразное приветствие возвратившейся из Берлина делегации⁶²⁷.

Театральная постановка С.М. Эйзенштейна как социальный заказ руководства оказалась в целом неудачной. Присутствовавшие на ней немецкие дипломаты оценивали интерпретацию Вагнера Эйзенштейном как нечто «сенсационное и очень своевольное». Лишь германский посол В. фон Шуленбург пытался ослабить подозрительность по отношению к СССР и немецкую критику «Валькирии» в постановке С.М. Эйзенштейна. В своей заметке, предназначенной для прессы Германии, он, в частности, подчеркивал: «Сам факт постановки оперы Вагнера, а также режиссура, оркестр и пение в общем заслуживают похвалы. У режиссера С. Эйзенштейна случались счастливые озарения... хотя они не всегда находились в согласии с музыкой»⁶²⁸.

Политические договоренности о советско-германском сближении так и не были дополнены соответствующими договоренностями о культурном обмене. Определенный выигрыш от пакта Риббентропа–Молотова омрачали идеологические издержки. Официальные установки советского руководства не давали возможности их преодолеть.

Советское руководство путем советской культурной пропаганды стремилось с максимальной пользой для себя использовать те узкие каналы, которые открылись в короткий период политического сближения СССР и Германии. Использовалась любая возможность для популяризации русской и советской культуры в Третьем Рейхе. Но противодействие политико-пропагандистских структур и нацистского руководства не позволило использовать данную возможность в полной мере.

⁶²⁶ Эйзенштейн С. Заметки к постановке «Валькирии» Рихарда Вагнера: (Из дневников периода постановки «Валькирии») // Киноведческие записки. 1998. № 39. С. 190–191.

⁶²⁷ Шафганс Б. Указ. соч. С. 204, 205.

⁶²⁸ Веринг К.Д. ван. Фридрих-Вернерг граф фон дер Шуленбург: человек и дипломат // Граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург. Дипломат и участник Сопротивления. М., 2012. С. 35.

Глава 11. АНТИНАЦИСТСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КАМПАНИИ МАЯ–ИЮНЯ 1941 г.

Начиная с лета 1940 г. советско-германские отношения начали ухудшаться. Это сказалось на характере деятельности пропагандистских структур. Внимание советской цензуры стали привлекать печатные материалы, излишне позитивно оценивавшие усилия нацистского режима во Второй мировой войне. Так, в «Вестнике иностранной военной и военно-технической информации ТАСС» с лета 1940 г., как отмечали сотрудники УПА ЦК ВКП(б), стали превалировать немецкие пропагандистские статьи об «абсолютной непобедимости» вермахта. Некоторые материалы, перепечатанные «Вестником» из немецкой периодики, сводились к доказательству отличного снабжения германской армии. Все это вызвало нарекания со стороны руководства Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)⁶²⁹.

В упомянутой докладной записке В.С. Кеменова (4 января 1941 г.), наряду с констатацией организационных и содержательных преимуществ германской пропаганды, содержался и явный критический выпад в ее адрес: «По поводу «английского империализма», «плутократических разбойников и эксплуататоров» во время второй империалистической войны немцами написаны тысячи статей, которые зачастую метко критикуют теорию и практику английского империализма. Разумеется, все это переходит в бесстыдную демагогию, как только немцы начинают излагать «социальные цели» войны, обещая земной рай в «перестроенной» Европе для трудящихся. Ради этого рая и ведется «революционная война», которая якобы дает народам «освобождение от господства международного капитала». Одна из статей Лея называлась «Пролетарии всех стран, соединитесь!», – в ней доказывалось, что «бедные» страны должны объединиться против Англии»⁶³⁰.

Руководство журнала «Интернациональная литература», считавшегося традиционно антифашистским, в условиях советско-нацистского сближения уделяло много внимания воспроизведению на своих страницах позитивных откликов о советской литературе и искусстве, появлявшихся в германской периодике. Для решения данной задачи оно регулярно выписывало из Германии необходимые материалы (газеты, журналы и другие печатные издания). Наряду с этим в нем публиковались сведения о культурной жизни в нацистской Германии⁶³¹.

В январе 1941 г. специальная комиссия УПА ЦК ВКП(б) проверяла содержание публикаций в журнале «Интернациональная литература». Как оказалось, за 1940 г. в этом

⁶²⁹ Небезин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 28–29.

⁶³⁰ Там же. С. 131.

⁶³¹ Интернациональная литература. 1940. № 3–4. С. 289, 345; № 5–6. С. 344–345; № 7–8. С. 321–322; № 9–10. С. 274–275; № 11–12. С. 343; 1941. № 1. С. 203; № 2. С. 192–196; № 3. С. 188; № 6. С. 199.

немецкоязычном издании журнала были помещены материалы 85-ти немецких и лишь 30-и советских авторов, что вызвало порицание. Скорее всего, в связи с работой этой комиссии была составлена справка НКВД на Й.Р. Бехера, являвшегося ответственным редактором упомянутого журнала. В справке, в частности, утверждалось, что после подписания советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Бехер высказывал намерение «переехать в Германию»⁶³².

Члены комиссии УПА ЦК ВКП(б) совершенно неуместным посчитали появление в «Интернациональной литературе» публикаций о праздновании в Германии 500-летия изобретения европейского книгопечатания. Между тем юбилей европейского книгопечатания широко отмечался в СССР. По сведениям Управления пропаганды и агитации, ЦК ВКП(б), в Германии к началу 1941 г. насчитывалось 2800 книжных издательств, работало 27000 книготорговцев, имелось 40000 библиотек⁶³³. Немцы, несомненно, имели все основания для того, чтобы отметить 500-летие изобретения книгопечатания, у истоков которого стоял их великий соотечественник И. Гутенберг, и умалчивать об этом юбилее немецкоязычное издание «Интернациональной литературы» не могло.

Советское руководство, несмотря на нежелание идти на открытую идеологическую конфронтацию с Германией, весной 1941 г. все-таки решило предпринять некоторые завуалированные антигерманские акции. Сталинской премии удостоились создатели художественного фильма «Александр Невский», снятого с проката после подписания известных соглашений между СССР и Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 г. Присуждение картине высокой награды было воспринято как антигерманская акция⁶³⁴.

Обращает на себя внимание ещё один интересный факт. Несмотря на обвинения некоторых современных исследователей в прогерманском духе публикаций в центральной советской прессе, контент-анализ публикаций «Правды», «Известий» и «Красной звезды» наглядно доказывает нейтральный тон большинства материалов, посвященных Третьему Рейху. Так, в статьях «Известий», связанных с Германией, уже в 1940 и 1941 гг. остается только подчеркнуто нейтральная информация о дипломатических переговорах и сотрудничестве. Абсолютное большинство публикаций в этот период было связано с военными действиями на Западе (Приложение. Табл. 2). Основное содержание статей составляет описание боевых действий с фронтов «Войны между Англией и Германией». Информация максимально нейтральная, оценок практически нет, только немецкие сводки на газетной странице помещаются, как правило, первыми.

Симптоматичной была встреча И.В. Сталин с британским послом в Москве сэром Стаффордом Криппсом 1 июля 1940 года, на которой генеральный секретарь говорил о возможности улучшения отношений советско-британских отношений⁶³⁵.

⁶³² «Верните мне свободу!» ... С. 362.

⁶³³ Неужин В.А. Культура Третьего рейха ... С. 137.

⁶³⁴ Баграмян И.Х. Так начиналась война: Мемуары. М.: Воениздат, 1971. С. 55.

⁶³⁵ Сергей Кудряшов. Битва за Британию // Родина 5/6-2003. С. 116

«Красная звезда» в номере за 2 августа 1940 года поместила пространный анализ ситуации в театре военных действий. Военный эксперт газеты полковник Н. Журавлев пришел к выводу, что Германии и Британии предстоит период долгих и упорных сражений.

12 августа в «Правде» появилась похожая статья, в которой исключалась возможность быстрой победы для обеих сторон.

Оба издания продолжали детально информировать аудиторию о ходе военных действий на британском направлении: в период между 1 августа 1940 года и 22 июня 1941 года «Правда» опубликовала более 300 материалов, а «Красная звезда» почти 240. Причем если «Правда» чаще придерживалась лаконичного стиля, то «Красная звезда» напечатала 14 аналитических статей. Война в небе постоянно называлась необходимой прелюдией к наземной кампании⁶³⁶.

Советские комментаторы и аналитики указанных изданий чаще всего избегали давать оценку какой-либо из воюющих сторон, предоставляя читателю возможность самому сделать выводы. По мнению авторов публикаций, Германия все еще удерживала инициативу, но упорное сопротивление противника заставило немцев ввязаться в продолжительную борьбу с неясными результатами.

Общий тон публикаций с марта-апреля 1941 г. заметно меняется в пользу Соединенного Королевства, окончательно это произошло уже после нападения нацистской Германии на СССР.

В марте–апреле 1941 г. ТАСС начал непосредственную подготовку к пропагандистской войне против ведомства Геббельса. Были собраны соответствующие материалы (выдержки из книги «Майн кампф» Гитлера, статьи о нацистском «новом порядке» в Польше и Югославии и т. д.). В составе ТАСС была создана секретная редакция пропаганды во главе с Я.С. Хавинсоном. Однако эта редакция развернула свою работу на всю мощь лишь после нападения Германии на СССР⁶³⁷.

22 апреля 1941 г. И.В. Сталин выступил на приеме участников декады таджикского искусства с небольшой речью, в которой, в частности, он акцентировал внимание на особенностях большевистской политики в области национальных отношений. По его словам, Ленин создал партию, которая придерживалась совершенно «новой идеологии» дружбы и равенства народов, противостоящей «старым, отжившим идеологиям расовой и национальной вражды»⁶³⁸.

1 мая в газете «Правда» появилась передовая статья, в которой утверждалось: «Советский Союз – это страна, где <...> выброшена на свалку истории мертвая идеология, делящая людей на «высшие» и «низшие» расы»⁶³⁹.

Определенный резонанс среди представителей интеллектуальной элиты произвел сталинский телефонный звонок писателю И.Г. Эренбургу. 24 апреля 1941 г. Сталин позвонил

⁶³⁶ Там же. С. 118

⁶³⁷ Краминов Д.Ф. Указ. соч. С. 169.

⁶³⁸ Невежин В.А. Застольные речи Сталина ... С. 260.

⁶³⁹ Правда. 1941. 1 мая.

Эренбургу, поинтересовался, будут ли изображены в его новом романе «Падение Парижа» немецкие фашисты. Узнав, что писатель хотел бы показать начало военных действий Германии против Франции и первые недели оккупации немцами французской столицы, но беспокоится за негативную реакцию цензоров, вождь пообещал ему свое содействие.

Телефонный звонок Сталина Эренбургу послужил своеобразным сигналом, свидетельствующим о решении большевистского руководства вновь взять на вооружение в пропаганде антифашистские мотивы⁶⁴⁰.

5 мая 1941 г. на официальной церемонии выпуска слушателей военных академий РККА И.В. Сталин выступил с большой речью. Вождь в своем выступлении перед выпускниками военных академий РККА дал понять, что следует переходить от мирной политики «к военной политике наступательных действий», Германия отныне рассматривается как потенциальный военный противник. В этой речи было немало положительных эпитетов в адрес Красной Армии. В то же время И.В. Сталин стремился показать отставание вермахта от требований времени, заключавшееся, по его мнению, в проявлении «зазнайства, хвастовства, самоуспокоенности»⁶⁴¹. Эта работа не была доведена до конца. Перестройка партийно-политической работы в Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны отличалась неоднозначностью и противоречивостью⁶⁴².

В развернувшейся политико-идеологической кампании под лозунгом «наступательной войны» большая роль отводилась радиовещанию. Еще в январе 1941 г. В.А. Гончаров, являвшийся заместителем председателя Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, переживал, что в сложившейся международной обстановке тематика радиопередач ограничена в связи с нежеланием оказывать «медвежью услугу», давать повод «друзьям» за рубежом (имелось в виду в первую очередь германское политическое руководство) для их клеветнических заявлений против Советского Союза. Поэтому по радио пересказывалась информация, заимствованная из официальных сводок воюющих держав, то есть Англии и Германии.

31 мая 1941 г. в докладной записке на имя А.А. Жданова, А.А. Андреева и Г.М. Маленкова председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию Г.И. Стуков обратил внимание на недостатки в подаче ТАСС информации, от которой, полностью зависело советское радио, так как не имело собственных корреспондентов за рубежом⁶⁴³. ТАСС, по мнению Стукова, обходил «полнейшим молчанием положение в Италии и Германии, а также в оккупированных Гитлером странах». В результате информация принимала «однобокий, объективно прогерманский характер». Между тем умело составленные обзоры печати нейтральных и невоюющих стран (Швеции, Швейцарии, Финляндии, Турции), а также материалы германских средств массовой информации

⁶⁴⁰ Невежин В.А. Синдром наступательной войны ... С. 160.

⁶⁴¹ Невежин В.А. «Если завтра в поход ...» С. 276.

⁶⁴² Ипполитов Г.М. К вопросу о перестройке партийно-политической работы в Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны (22 июня – июль 1941 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 6. С. 72–82.

⁶⁴³ Невежин В.А. Синдром наступательной войны ... С. 243.

позволили бы, как считал председатель Всесоюзного радиокомитета (ВРК), очень многое «рассказать миллионам советских и зарубежных радиослушателей о положении трудящихся Европы», что не противоречило бы политике нейтралитета, провозглашенной СССР⁶⁴⁴.

Для ликвидации недостатков в организации радиопропаганды Г.И. Стуков предлагал осуществить следующие мероприятия: 1) передать руководство политикой радиовещания в СССР секретарю ЦК ВКП(б) по пропаганде, который бы еженедельно на специальных совещаниях с руководящими работниками ВРК давал «направление в работе»; 2) перестроить работу ТАССа, переложив на него не только обеспечение информацией периодической печати, но и радиовещания. Для этого Стуков считал необходимым укрепить корреспондентскую ТАССовскую сеть за границей; 3) создать мощную группу прослушивания иностранных радиопередач, которая могла бы снабжать срочной информацией ЦК ВКП(б), составлять специальный бюллетень, используемый в качестве источника для передач «Последних известий». Все это, помимо прочего, давало возможность изучать зарубежный опыт радиопередач; 4) обязать наркомат связи усовершенствовать техническую базу радиовещания⁶⁴⁵.

Эти предложения были приняты к сведению в ЦК ВКП(б), их планировали учесть при реорганизации ТАСС.

Руководство ТАСС также начало активно перестраивать свою работу, уже ориентируясь на пропагандистское противоборство с Германией. 9 мая 1941 г. На имя Г.М. Маленкова ответственным руководителем ТАСС Я.С. Хавинсоном была направлена справка о структуре зарубежных организаций, ведающих вопросами пропаганды и агитации.

Я.С. Хавинсон развил активную деятельность, которая порой выходила за рамки его компетенции. 11 июня 1941 г. сотрудник секретного отдела Телеграфного Агентства Советского Союза обратился с личным письмом к А.С. Щербакову. Как оказалось, Я.С. Хавинсон сообщил своим подчиненным о срочном задании: подготовить для ЦК ВКП(б) материал об антисоветской направленности зарубежной, в том числе германской, пропаганды.

Представленная им 30 мая 1941 г. на имя А.С. Щербакова докладная записка об организации приема зарубежных радиовещательных станций по рекомендации последнего 18 июня была рассмотрена на Секретариате ЦК. Секретариат принял решение передать материалы К.Е. Ворошилову, считая вопрос важным⁶⁴⁶.

Таким образом, в мае 1941 г. в СССР начала разворачиваться политико-идеологическая кампания под лозунгом «наступательной войны». Отправной точкой к ее проведению стали речь И.В. Сталина в Кремле перед выпускниками военных академий РККА, а также его тосты и реплики, провозглашенные на банкете по этому поводу (5 мая). Сталин сформулировал в директивной форме новые задачи, стоявшие перед пропагандистскими

⁶⁴⁴ Там же. С. 244.

⁶⁴⁵ Там же. С. 244.

⁶⁴⁶ Там же. С. 213.

структурами. К их разрешению были привлечены политико-пропагандистские органы большевистской партии, печатные средства массовой информации, ТАСС и радиовещание.

Если в период потепления отношений с нацистской Германией 1939–1941 гг. в советской пропаганде классовая парадигма была временно заменена на другую, национальную, или же культурно-историческую, то развернувшаяся в мае–июне 1941 г. политико-идеологическая кампания имела явно антигерманский и завуалированный антинацистский характер.

Однако эта кампания так и не приобрела широкого размаха. Она оказалась периферийной по ряду причин. Во-первых, в условиях сложнейшей международной обстановки, когда, несмотря на активизацию внешнеполитических акций А. Гитлера, продолжал действовать пакт о ненападении между Германией и СССР, Москва была вынуждена сдерживать активность пропагандистских органов. Во-вторых, развернуть упомянутую кампанию не удалось по причине ее кратковременности. С нападением Германии на СССР 22 июня 1941 г. она была прервана, и сталинскому руководству в условиях начавшейся нацистской агрессии пришлось сменить лозунг «наступательной войны» на другой, сугубо оборонительный.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Формирование советской пропагандой образа Германии, её военно-политического руководства и нацистского режима шло в 1933–1941 гг. в русле внешнеполитического курса, позиции И.В. Сталина и высшего партийно-политического руководства СССР и состояния советско-германских отношений. При этом оперативное реагирование запаздывало. Так, первые полтора года после прихода к власти в Германии национал-социалистов во главе с А. Гитлером прошли у И.В. Сталина в поисках определения позиции по отношению к этому событию, которое коренным образом не только изменило политическую ситуацию в Европе, привело к ухудшению отношений с Берлином, но и стало своеобразным толчком для изменения характера советской пропаганды.

В создавшейся ситуации Сталин колебался и не смог до конца определиться в выборе этой позиции. С одной стороны, он поощрял антифашистские пропагандистские акции Коминтерна, принял непосредственное участие в разрешении «журналистского конфликта». С другой стороны – внутренне признал факт того, что нацисты победили, а Гитлер является легитимным правителем Германии. Последнее обстоятельство в дальнейшем вынужденно предопределило двойственность сталинской позиции в тех случаях, когда руководство наркомата иностранных дел выступало с инициативами о принятии практических шагов в области пропаганды, направленных на пресечение антисоветских акций нацистского руководства.

М.М. Литвинов и другие сотрудники НКВД действовали решительно, защищая права и интересы советских граждан, работавших в Германии, от посягательств германской стороны. Особенно наглядно эта принципиальная позиция проявилась при разрешении германо-советского «журналистского конфликта». Различие в подходах И.В. Сталина и М.М. Литвинова к определению роли пропаганды как одного из инструментов влияния на общественное мнение в условиях нарастающей напряженности во взаимоотношениях между нацистской Германией и Советским Союзом не могло не снизить потенциальные возможности советских пропагандистских органов в идеологическом противоборстве с нацистским режимом.

Критика и разоблачение нацизма к середине 1930-х годов заняли в советской пропаганде одно из ключевых мест. При этом идеология и практика нацизма анализировались с позиции ленинско-сталинской классовой доктрины и истолковывались в пропаганде исключительно с классовых позиций (нацизм – продукт крупной германской империалистической буржуазии), что существенно сужало научное понимание этого феномена.

Советская пропаганда в 1933–1939 гг. сосредоточила основные усилия на создании негативного образа нацистского режима. Главным лейтмотивом ее было подробное описание обострения внутривосточного и экономического кризиса, причиной которого объявлялась милитаризация и политика автаркии, проводимая А. Гитлером. Приводившиеся в научных публикациях и пропагандистских статьях статистические данные должны были

убедить общественное мнение в СССР и за границей, что экономический крах Третьего рейха – лишь вопрос времени, а вслед за ним последует и крушение самого нацистского режима. Этот подход был не просто ошибочен, а дезориентировал население СССР, военных, аналитиков, специалистов промышленности, которые вынужденно принижали военную опасность Германии.

На практике экономика «Третьего рейха» не только не рухнула, а своим бурным развитием способствовала милитаризации Германии. Утверждения советской пропаганды о неизбежности экономического краха нацистского режима вызывали сомнения части советской интеллигенции и студентов, однако истинный характер и масштабы этих критических настроений определить сложно из-за недостатка источников.

Советская пропаганда активно использовала периферийные с классовой точки зрения моменты: в периодической печати СССР широко освещалась культурная политика нацистского режима, которая характеризовалась едва ли не как триумф иррационализма и мракобесия. Политика нацистов в области культуры интерпретировалась как фактическое возвращение к средневековому варварству, а на первый план выдвигалось обличение гонений на либеральную интеллигенцию вообще и на еврейскую в частности. Германия при гитлеровском режиме была представлена как страна, где преданы забвению великие достижения культуры, истребляются на костре книги мастеров мировой художественной литературы. Данный подход в значительной степени отражая реальное нацистское мракобесие, своим пропагандистским накалом препятствовал получению объективного представления о реальных причинах и движущих силах этих процессов.

Культурная катастрофа в Германии ошибочно объяснялась как одно из закономерных следствий всеобщего кризиса империализма и вообще буржуазного классово-эксплуататорского строя. С этой точки зрения не казалось удивительным, что весь пласт культурных достижений, завоеванных в свое время буржуазией, был так быстро уничтожен. При этом вина за уничтожение культуры фактически перекладывалась с нацистов на буржуазию и империалистов.

Средства массовой информации СССР (до 1939 г.) выступали с критикой нацистских репрессий, в то же время дифференцируя коммунистов и социал-демократов. В меньшей степени в советской пропаганде отражался начинающийся в Германии расовый геноцид в отношении евреев и других «не арийцев».

Правящему режиму в лице главных представителей (А. Гитлер, А. Геринг, Й. Геббельс) с его репрессиями против инакомыслящих, милитаризацией и ущемлением основных прав граждан Германии в советской пропаганде противопоставлялся германский народ, который представлялся в СССР униженным и задавленным нацистским режимом, ожидавшим того часа, когда после неспровоцированного нападения нацистов на СССР, ему на помощь придет с востока могучая Красная армия и когда восстание германского пролетариата в совокупности с ее наступательными действиями даст, наконец, возможность свергнуть ненавистный режим.

Классово-идеологическая предопределенность советской пропаганды в то же время была эластична, если того требовали политический прагматизм и/или геополитические выгоды. Именно он проявлялся в поведении И.В. Сталина при принятии окончательного решения по вопросу о разворачивании антинацистских пропагандистских кампаний, на которых в 1935–1936 гг. неоднократно настаивал нарком иностранных дел М.М. Литвинов. Сталин не хотел лишиться раз обострять отношения с нацистской Германией, рассматривая ее как одного из основных торговых партнеров. Подобные настроения вождя разделяли его ближайшие соратники по Политбюро (В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян), которые в условиях развернувшихся в СССР политических репрессий демонстрировали свой конформизм и преданность.

Берлин всегда болезненно воспринимал антигерманскую и антинацистскую риторику советской пропаганды. Германские дипломаты (К. фон Нейрат, Г. фон Дирксен, Ф. фон Твардовский) неоднократно протестовали по поводу критических публикаций советских СМИ о внутренней политике нацистского режима.

Внешнеполитическая пропаганда в СССР также была призвана создать в общественном сознании населения зарубежных стран отрицательный, враждебный образ нацистского режима, который к концу 1930-х годов после многократного нарушения А. Гитлером статей Версальского договора и его откровенно агрессивных действий (Испания) и захватнических действий (Австрия и Чехословакия) стал реально угрожать геополитическим интересам СССР.

Сам факт признания советской пропагандой агрессивного и реваншистского характера внешней политики нацистского режима, представлявшей несомненную опасность не только для пограничных с Германией стран, но и для СССР, заставлял подвергать сомнению ее же утверждения о предкризисном состоянии германской экономики. Очевидные противоречия в пропаганде маскировали рост и реальную опасность для СССР экономической и военной мощи Германии.

В августе-сентябре 1939 г. между СССР и Германией были подписаны договоры о ненападении, а также о дружбе и границе. Однако декларируемый временный политический выигрыш от этих договоренностей сопровождался существенными политико-идеологическими издержками. Переориентация советской пропаганды на обоснование «дружбы» с Третьим рейхом, заставила свернуть критику и разоблачения внешней и внутренней политики нацистов, что неизбежно вызывало у части советских граждан недоумение, а то и раздражение и недовольство. Отсутствие в то время научной социологии, соответствующих исследований и адекватных современных методик ретроспективного анализа, уозость источников, к сожалению, не позволяют достоверно оценить степень распространения подобного рода настроений в советском обществе.

После заключения Пакта 1939 г. литературные и публицистические произведения, периодическая печать, кинопрокат по цензурным соображениям перестали выполнять роли «обличителей» нацистского руководства, а свободной прессы в СССР не было.

Советская пропаганда выполняла тактическую задачу обеспечивать лозунг о «расцвете дружбы» с Германией, что вводило в заблуждение и означало существенное отклонение от прежней четкой антифашистской линии. Внешнеполитическую пропаганду стало вести крайне сложно. Требовалось политическое чутье, чтобы не допустить чреватых самыми негативными последствиями ошибок в этот ответственный, поворотный период в предвоенных советско-германских отношениях.

ИСТОЧНИКИ

Архивы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
Ф. 17.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283 и Ф. 9425.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631 и
Ф. 1397.

Периодическая печать

Правда 1933–1941.

Известия 1933–1941.

За индустриализацию 1933–1941.

Красная газета 1933–1941.

Экономическая жизнь. 1933–1941

Социалистическое земледелие. 1933–1941.

Красная звезда. 1933–1941.

За индустриализацию. 1933–1941.

Советская торговля. 1933–1941.

Интернациональная литература. 1940–1941.

Vilkischer Beobachter. 1939.

Документы и материалы

Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923–1939. М.:
Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001.

Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 гг. М., 2005.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919–1952. В 3 т. Т. 2. 1930–
1939: каталог. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001.

Документы внешней политики СССР. Т. 16.

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет.

Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920-1941: сб. док. в 3 т. Т. 1. 1920–
1926 / РАН, Отд-ние ист.-филолог. наук, Науч. совет по истории соц. реформ, движений и
революций, Архив президента РФ; отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2011. 1031 с.

О международном положении. М.: Партиздат, 1937. 221 с.

О международном положении. В 2 вып.: сб. материалов. Курск: Курск. обл. изд-во,
1937–1938.

О международном положении: сб. материалов/ сост. Я.А. Серов. Курск: Курск. обл.
изд-во, 1939. 104 с.

О международном положении. Вып. 6. Октябрь 1938 / Отдел партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Таджикистана. Сталинабад: Таджикпартиздат, 1938. 28 с.

О международном положении: [сб. материалов]. Челябинск: Челябингиз, 1939. 64 с.

Международное положение: сб. материалов. Воронеж: Воронеж. обл. кн. изд-во, 1939. 48 с.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5.

Оглашению подлежит: СССР – Германия, 1939–1941: Док. и материалы. М., 1991.

Россия и Германия в XX веке. В 3 т. Т. 2.

Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945. (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб.: Европ. дом, 1996. Док. № 1.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // <https://clck.ru/R3fRF>

Путин В.В. Выступление на Заседании Российского организационного комитета «Победа» 20 мая 2021 г. // Президент России. Официальный сайт: <https://clck.ru/Xxqra>

Литература

1. Абезгауз Б. Упадок внешней торговли Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. № 7.

2. Абрамов Н.А., Безыменский Л.А. Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4/5. С. 144–156.

3. Агде Г. Искусство в эмиграции и фильм «Борцы» // Киноведческие записки: (Нем. номер). 2002. № 59. С. 163.

4. Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2001. С. 120.

5. Антонцева В. А., Цветков А. В. Устная советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Вестник Омского университета. 2021. № 1. С. 8-15. Сер. «Исторические науки».

6. Аржанов М.А. Расовая теория германского фашизма // Революция и национальности. 1935. № 3.

7. Атлас 3. Финансовая политика германского фашизма // Мировое хозяйство и мировая политика. 1938. № 8.

8. Баграмян И.Х. Так начиналась война: Мемуары. М.: Воениздат, 1971. С. 55.

9. Бать Л. В трудный год // Всегда по эту сторону: Воспоминания о В. Кине. М., 1966. С. 232.

10. Беймлер Г. В лагере коричневых убийц. 1933. 42 с.

11. Белковец Л.П. Ликвидация дипломатической изоляции СССР (от признания де-факто к признанию де-юре) // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. Т. 6. № 8-1. С. 9–24.

12. Бернардинер Б.М. Очерки о фашизме // Подъем. Воронеж, 1933. Кн. 4-5, 7, 10;
13. Вольфсон С.Я. Расовые теории фашизма и классовая борьба // Под знаменем марксизма. 1934. № 3.
14. Бонвеч Б., Кудряшов С. Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг.: Док. из Архива Президента России// СССР–Германия: 1933–1941. М., 2009. С. 8.
15. Бонюшкина Л.Е. Опыт изучения становления профессиональной советской элиты (СНК 1937–1941 гг.) // Мир России. 1995. № 3-4. С. 108.
16. Бордадын А. Абсолютное обнищание рабочего класса // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 3.
17. Бордюгов Г.А. Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства, 1933–1934 годы // Отечеств. история. 1999. № 2. С. 28–29.
18. Борков А.В. Создание и деятельность основных советских органов внешнеполитической пропаганды и информации (1917–1945 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 1997. 41 с.
19. Бросчат М. Тысячелетний рейх: Триумф НСДАП и рождение империи. М.: Эксмо–Яуза, 2004. С. 127–128.
20. Бурные порывы и надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. М.: АИРО–XXI, 2010. 894 с.
21. Варга Е. Современное экономическое положение Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1937. № 9.
22. Варга Е.С. Германский фашизм у власти // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 4.
23. Варга Е.С. Истинное лицо германского фашизма // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 9.
24. Варга Е.С. Германский фашизм в тупике // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 11-12.
25. Варга Е.С. Итоги и перспективы германского фашизма у власти // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 5-6.
26. Варьяш И. Положение рабочего класса в Германии под фашистской диктатурой // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. 1936. № 1.
27. Веринг К.Д. ван. Фридрих-Вернерг граф фон дер Шуленбург: человек и дипломат // Граф Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург. Дипломат и участник Сопротивления. М., 2012.
28. Вернадский В.И. Дневник 1940 года // Дружба народов. 1993. № 9. С. 172–177.
29. Верченко А.Л. Роль вокс в формировании образа СССР в Дунбэе после окончания Второй мировой войны// Современные востоковедческие исследования. 2019. Т. 1. № 1. С. 50–55.
30. Вишневу С. Экономическая подготовка фашистской Германии к войне // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. № 8.
31. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. М.: АПН, 1989.

32. Волынец А. Н. Жданов. ЖЗЛ. Вып. 1636 (1436). М.: Молодая гвардия, 2013. 618 с.
33. Вольфсон С.Я. Расовые «теории» германского фашизма // Против фашистского мракобесия и демагогии. М., 1936.
34. Воронин В.П. Пакт Риббентропа-Молотова преступление или гениальность Сталина? // Место и роль России в мировом хозяйстве. XIV Международная научно-практическая конференция (посвящается 90-летию ФГБОУ ВО «ВГУИТ» в 2020 г.). 2020. С. 300–304.
35. Гаврилов Л.А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. №2. С. 89–98.
36. Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма (1920-е годы – первая половина 1990-х годов). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 134–135.
37. Гард Д. Расовая теория и практика фашизма // Сов. государство. 1934. № 2.
38. Гасюк А.Г. Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 199 с.
39. Гейден К. История германского фашизма. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 434 с.
40. Гернле Э. Военные приготовления германского фашизма в области сельского хозяйства // Аграрные проблемы. 1934. № 7-8.
41. Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М.: Ин-т российской истории РАН, 2004.
42. Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику...».
43. Голубев А.В. «Часовой, вооруженный карандашом»: Германия и немцы в советской политической карикатуре (1922–1939 гг.) // Россия и Германия в XX веке: в 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 85–105.
44. Голубев А.В., Невежин В.А. ВОКС в 1930–1940-е годы // Минувшее: Ист альм. М.; СПб., 1993. Вып. 14. С. 310–315.
45. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002.
46. Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997.
47. Григорьева О.И. Образ Германии в восприятии советских граждан накануне Великой Отечественной войны (по источникам личного происхождения) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: сб. статей. М., 2012. Вып. 6 (II).
48. Григорьева О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 28 с.
49. Гришаева Л.Е. Начало и итоги Второй мировой войны: спорные вопросы // Дипломатическая служба. 2019. № 6 (87). С. 15–41.
50. Громов Ф. Аграрные «теории» германского фашизма // Аграрные проблемы. 1935. № 1. С. 60–69.
51. Гуревич А. Аграрное перенаселение в Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1937. № 1.

52. Гуревич А. Урожай и цены в фашистской Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. 1935. № 11-12.
53. Датт Р.П. Фашизм и социалистическая революция. М., 1935.
54. Денгель Ф. Пять лет фашистской диктатуры в Германии // Большевик. 1938. № 3.
55. Дзенис О. Фашизм и противоречия в лагере германской буржуазии // Большевик. 1938. № 11-12.
56. Донгаров А.Г. Пакт Молотова – Риббентропа: запланированный экспромт // Труды по Россияведению. 2016. № 6. С. 320–352.
57. Драбкин Я. Наш человек в XX в. // Гитлер над Европой? Гитлер против СССР / Э. Генри. М., 2008. С. 473–483.
58. Дымшиц Н. Антифашистское кино в изгнании. К теме // Киноведческие записки: (Нем. номер). 2002. № 59. С. 131–135.
59. Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2009.
60. Еремин С.В. Трансформация образа нацистского режима в советской пропаганде 1933–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.
61. Еремин С.В. Большевизм и нацизм: идейно-политическое противостояние и «оттепель» 1939–1941 гг. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, Москва, 2007, Вып. 20. С. 155–174.
62. Еремин С.В. Советская пресса и цензура в 20-е – 30-е годы (источниковед. аспект) // Науч. тр. Нижневарт. гос. пед. ун-та. Сер. «История». Нижневартовск, 1999. Вып. 1. С. 125–134.
63. Жуков Ю.Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2003. С. 49–50.
64. Залепеев В.Н. На пути к конфронтации: 1933 год в советско-германских отношениях // Реалии и иллюзии советского общества накануне Великой отечественной войны. Материалы международного научно-практического форума. 2018. С. 168–176.
65. Зеленов М.В. Главлит в 20–30-е годы // Вопр. истории. 1997. № 3. С. 33.
66. Зеленов М.В. ЦК ВКП(б) И Главлит: октябрь 1937 – февраль 1938 г // История книги и цензуры в России. Четвертые Блюмовские чтения. Материалы IV Международной научной конференции, посвященной памяти А. В. Блюма. науч. ред. М.В. Зеленов. 2018. С. 203–234.
67. Ипполитов Г.М. К вопросу о перестройке партийно-политической работы в Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны (22 июня – июль 1941 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 6. С. 72–82.
68. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938. С. 289.
69. Кантор Ю., Волос М. Треугольник Москва – Варшава – Берлин: Очерки истории советско-германских отношений в 1918–1939 гг. М.: Европ. дом, 2011. С. 139.

70. Каргапольцев С.Ю., Лапина И.Ю. Советско-германские отношения в 1939–1940 гг. // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 43–83.
71. Каро П. Ухудшение условий труда в Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. № 10, 11–12.
72. Кин Ц. Наша молодость // Всегда по эту сторону: Воспоминания о В. Кине. М., 1966.
73. Киселёва Н.В. Общество культурных связей с зарубежными странами (ВОКС) в борьбе за прорыв культурной блокады СССР // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVI Международной научной конференции: в 2 частях. 2017. С. 57–61.
74. Корелл Ф. Подготовка войны и ухудшение положения крестьянства в Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1937. № 4.
75. Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре. М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1933.
76. Корн Е. Экономические проблемы в Германии в 1935 г. // Мировое хозяйство и мировая политика. 1935. № 10.
77. Коровин Е. Фашизм и религия // Под знаменем марксизма. 1934. № 2; Эльвин И. Фашизм и церковь в Германии // Фронт науки и техники. 1933. № 7-8.
78. Куманев Г.А. Деятели культуры против войны и фашизма: Ист. опыт 20-х – 30-х годов. М.: Наука, 1987. 294 с.
79. Лаврентьева М.Ю. Особенности технологий и методов информационно-психологических войн СССР с Великобританией и США в период 1939–1953 гг.: дисс. ... канд. филол. наук 10.01.10. М., 2020.
80. Левина Р. Фашистские «четырёхлетки» – орудие обмана крестьянства // Мировое хозяйство и мировая политика. 1937. № 1.
81. Лейбзон Б.М., Ширина К.К. Поворот в политике Коминтерна (ноябрь–декабрь 1933 г.). М.: Мысль, 1975.
82. Лейпциг – грандиозная провокация кровавой фашисткой диктатуры // Коммунистический Интернационал. 1933. № 26.
83. Линке Х.Г. Общность судеб? Советский Союз политических расчетах германских послов в Москве с 1922 по 1941 гг. // Россия и Германия в XX веке: в 3 т. М., 2010. Т. 2.
84. Лиф Ж. Карательная политика фашизма в области промышленности // Проблемы экономики. 1935. № 1; Дворкин И. Некоторые экономические итоги фашистской диктатуры в Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1936. № 1.
85. Лицо врага. Рисунки Б. Ефимова. М., 1931.
86. Логрингер М. Аграрная политика правительства Гитлера // Коммунист. Интернационал. 1933. № 18.
87. Любимов Н.Н. Финансы фашистских государств. М., 1939.
88. Максименков Л.В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. М.: Юрид. кн., 1997.

89. Максимычев И.Ф. Дипломатия мира против дипломатии войны: очерк сов.-герм. дипломат. отношений в 1933–1939 годах.: Междунар. отношения, 1981.
90. Марголит Е. Как в зеркале: Германия в советском игровом кино между 1920–1930-х гг. // Киноведческие записки: (Нем. номер). 2002. № 59. С. 72–77.
91. Маркелов С.Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП(б), 1939–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 212 с.
92. Марченко А.Н. Эволюция государственного строя Германии в период нацистского господства 1933-1939 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014.
93. Миронова С.А. Советско-германские отношения в 1940–1941 гг. // Мировая наука. 2020. № 9 (42). С. 98–102.
94. Московичи С. Часть I. Век толп. Глава I. Индивид и масса // Социология власти. 2009. № 6. С. 205–217).
95. Наринский М.М. Миссия Д. Канделаки в Берлине и советско-германские отношения (1935–1937 гг.) // 200 лет МИД России: Третьи Горчаковские чтения (Москва, 25 апр. 2002 г.): Материалы и докл. М., 2003. С. 174–187.
96. Невежин В.А. Большие кремлевские приемы Сталина (1930-е – начало 1940-х гг.) // Отечеств. история. 2005. № 3. С. 62–66.
97. Невежин В.А. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М.: Эксмо–Яуза, 2007. 320 с.
98. Невежин В.А. Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды в 1939–1941 гг. // Россия и Европа в XIX–XX веках. М., 1996. С. 132–133.
99. Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 28–29.
100. Невежин В.А. Специфика советской культурной дипломатии в условиях сближения СССР и Германии (1939–1941 гг.) // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2010. Вып. 10.
101. Отвальт Э. Путь Гитлера к власти (история национал-социализма); Шерингер Э. Мой путь к красному фронту: Мемуары. Харьков: Укр. работник, 1933. 131 с.
102. Панин Е. Спорные вопросы советско-германских отношений: 1938–1939 гг. // Дипломатическая служба. 2020. № 6. С. 45–51.
103. Панкратова А.М. Фашизм и рабочий класс Германии // Борьба классов. 1933. № 6.
104. Пантелеев М.М. Репрессии в Коминтерне (1937–1938 гг.) // Отечеств. история. 1996. № 6. С. 161–162.
105. Пашева И.И. Биография и основные направления деятельности Н.Н. Крестинского на министерском посту // Качество в производственных и социально-экономических системах. сборник научных трудов 7-й Международной научно-технической конференции. 2019. С. 44–46.

106. Попова В. В. Изменение образа врага в сознании жителей советского Союза в первые месяцы Великой отечественной войны // *Universum: общественные науки*. 2016. № 11 (29). С. 1.
107. Прохорова С.В. История и перспективы развития иновещания // *Проблемы современного радиовещания. Материалы первой научно-практической конференции*. М., 2015. С. 93–97.
108. Пятницкий О. Итоги фашистской диктатуры в Германии // *Коммунист. Интернационал*. 1934. № 23, 24;
109. Пятницкий О. О фашистской диктатуре в Германии // *Коммунист. Интернационал*. 1934. № 25.
110. Россия и Запад: Формирование внешнеполит. стереотипов в сознании рос. о-ва первой половины XX века. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1998. 335 с.
111. Рубенс И. Крестьяне в «Третьей империи» // *Мировое хозяйство и мировая политика*. 1935. № 2.
112. Рубэ И. Современная Германия: (социально-экономический очерк) // *Западный очаг войны (Германия)*. Сталинград, 1937.
113. Сегал Я.С. Очерки экономической политики германского фашизма. М, 1934; Он же. Авантюристическая политика и идеология германского фашизма. М., 1939; Сегаль Н. Аграрная политика германского фашизма. М., 1938.
114. Сергей Кудряшов. Битва за Британию // *Родина* 5/6-2003. С. 116–118.
115. Сидоров А.Н. Фашизм и городские средние слои в Германии. М., 1936.
116. Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // *Отечеств. история*. 2005. № 1. С. 96–99.
117. Снетков Д.А. Пакт Молотова – Риббентропа: новые подходы к изучению // *Государство. право. война (К 75-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне)*. Мат-лы междунар. науч. конф. СПб университет МВД РФ. СПб, 2020. С. 614–618.
118. Соловьев А.Г. Тетради красного профессора (1912–1941 гг.) // *Неизвестная Россия. XX век: архивы, письма, мемуары*. М., 1993. Вып. 4. С. 178.
119. Стрелец М.В., Малашук И.Н. Советская пропаганда: некоторые размышления свидетелей советской и постсоветской эпох // *1917 г. в судьбах народов России*. Сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием. М., 2017. С. 351–354.
120. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975. С. 120–121.
121. Такер Р. Сталин у власти: История и личность, 1928–1941. М.: Весь мир, 1997. С. 542–543.
122. Тишлер К. Радио в оковах. Немецкое радиовещание из Москвы: от революционного воодушевления к государственной регламентации (1929–1941) // *Россия и Германия в XX веке: в 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 831–832.*
123. Токарев В.А. Польская тема (1939) за пределами «Правды»: Советская сатирическая графика в столичных и провинциальных изданиях // *Polacy i rosjanie:*

przewycieżanie uprzedzeń = Поляки и русские: преодоление преубеждений. Łódź, 2006. S. 287–300.

124. Трофимцева С.Ю. Пакт Молотова-Риббентропа: каким должно было быть прошлое, или причины «вечности» историко-политических мифов// Миф в истории, политике, культуре. Сб. материалов II Междунар. науч. конф. М., 2019. С. 269–276.

125. Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х – начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 23 с.

126. Фогараши А. Борьба фашистов против католической и протестантской церкви в Германии и ее причины // Мировое хозяйство и мировая политика. 1938. № 4.

127. Фогараши А.О. Внутренняя политика Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 1.

128. Фогараши А.О. О внутреннем положении Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1939. № 4.

129. Хавкин Б. Л. Германский национал-социализм // Берегиня.777.Сова. 2014. № 4 (23). С. 183–193.

130. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы.

131. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 195–196.

132. Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011. 608 с.

133. Чарный М. Виктор Кин в Париже // Всегда по эту сторону: Воспоминания о В. Кине. М., 1966.

134. Шарапов Ю.П. Лицей в Сокольниках: Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (1931–1941 гг.). М.: АИРО–XXI, 1995. С. 122–124.

135. Шваб С. Экономический баланс трех месяцев гитлеровской диктатуры // Коммунист. Интернационал. 1933. № 16. 24 мая.

136. Шириня К.К. Георгий Димитров – герой Лейпцигского процесса // Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. Первая крупная морально-политическая победа над фашизмом. М.: МГПУ, 2004.

137. Штейнберг Н. Земельная политика правительства Гитлера // Аграрные проблемы. 1935. № 3.

138. Щепетов К.П. Димитров против Геринга: (Крах фашистских измышлений Геринга против КПГ и Коминтерна) // Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. Первая крупная морально-политическая победа над фашизмом. М., 2004.

139. Эльвин И. Народный фронт в Германии и верующие трудящиеся // Антирелигиозник. 1938. № 4.

140. Эйзенштейн С. Заметки к постановке «Валькирии» Рихарда Вагнера: (Из дневников периода постановки «Валькирии») // Киноведческие записки. 1998. № 39. С. 190–191.

141. Юрганов А.Л. Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 200–221.
142. Berkhoff K. Motherland in danger: Soviet propaganda during world war II. Cambridge (Mass.): Harvard univ. Press, 2012. 407 p. (с. 2-3).
143. Charles Greig Cruickshank The Fourth Arm: Psychological Warfare 1938–1945. Oxford University Press, 1981.
144. Christian Whiton, Paula Dobriansky Smart Power: Between Diplomacy and War. Potomac Books, 2013.
145. Bolton John Failed State // Claremont Review of Books. Winter 2013–2014. № 14(1).
146. CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America. Center for Strategic and International Studies/ <https://www.csis.org/analysis/smarter-more-secure-america>
147. Cheng Guo, Yin Qun. Smart power as the factor in the sino-u. S. relations // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 2-5 (71). Pp. 4-7.
148. Delmer Sefton. «Black Boomerang»: An Autobiography, Vol. 2. Secker and Warburg, 1962. 119 p.
149. Deutsch Geschichte: Dokumente zur Innen und Außenpolitik. 1933-1945. Frankfurt a / M, 1993. S. 33.
150. Haffner, Craig; Lusitana, Donne E.; Paddor, Scott; Coughlin, Brian Tokyo Rose: Victim of Propaganda. Biography. Hollywood: Greystone Communications, 1995; Goldstein, Richard D'Aquino, Convicted as Tokyo Rose, Dies at 90 // The New York Times. 2006. September 27.
151. Hofer W. Der Nationalsozialismus: Dokumente, 1933–1945. Frankfurt a/M.: Fischer, 1959. S. 53–54.
152. Jeff Logue The power of psychological warfare in World War II // Thought Hub. 2018. October 24. <https://clck.ru/XxfFF>
153. Linebarger Paul M. A. Psychological Warfare: International Propaganda and Communications, 1948. Revised second edition. Duell, Sloan and Pearce, 1954. - 318 p.
154. McCann Kate, Farmer Ben Britain to launch counter-propaganda war against Russia as Theresa May unveils 'Fusion Doctrine' defence plan // The Telegraph. 2018. 27 march.
155. Michalka W. Deutsche Geschichte: Dokumente zur Innen und Außenpolitik, 1933–1945. Frankfurt a/M.: Fischer, 1993. S. 342.
156. Ministerialblatt für die Prussische innere Vier Verwaltung. 1933. № 1. S. 160–164.
157. Munch H. Arbeit und Brot durch Sowjetische Produktionsauftrge (1929–1932). Berlin, 1937. S. 23.
158. Nicklaus K. Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreiung. Eine studi uber die deutsch – sowjetischen Beziehungen der Jahre 1929 bis 1935. Bonn, 1966. S.20.
159. Non-state Threats and Future Wars, by Robert J. Bunker (Ed.). L.A., 2002.
160. Smith, Bruce L. Propaganda // Encyclopædia Britannica. <https://clck.ru/Xxf5Z>
161. Studer B., Unfried B. Der stalinistische Parteikader: Identitätsstiftende Praktiken und Diskurse in der Sowjetunion der Dreissiger Jahre. Koln; Weimar; Wien, 2001. S. 83.

162. Taylor John A. Bletchley Park's Secret Sisters: Psychological Warfare in World War II. The Book Castle, 2005. 160 p.

163. Taylor Philip M. Munitions of the Mind: War propaganda from the ancient world to the nuclear age. Patrick Stephens Ltd, 1990. 352 p.

164. William L. Hosch Psychological warfare (psywar) // Encyclopædia Britannica
<https://clck.ru/XxfE6>

165. Winkler Allan M. Politics of Propaganda, The Office of War information, 1942–1945. Yale University Press, 1978. 230 p.

166. Zeidler M. Reichwehr und Rote Armee 1920–1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. München, 1933. S. 286–287.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Статьи, посвященные нацистскому режиму в газете
«Известия» (январь 1933–22 августа 1939 гг.).

		1933			1934 15 июня – 15 июля	1935 август	1936 сентябрь	1937 Август	1938 Сентябрь	1939 1–22 августа	Итого
		январь	15 июня - 15 июля	сентябрь							
Политическая жизнь	Политические процессы, перестановки, выборы*	29	9	2	4	3		3	1	4	55
	Идеология фашизма		14	5	5	20	62	1			107
	Выступления против фашизма	4**	4	10	3+8	10	13	6	3+6	3	70
	Репрессии	2	7+28	63+21	10+29	3+12	1	11	3	7	197
	Противоречия среди фашистов	2	4	3	50	7	2		1	2	71
	Коммунисты в Германии	2	9			1					12
Экономическая жизнь	Успехи, развитие				1	3	1				5
	Трудности, социальные проблемы	17	13	8	10	5	21	4	3	6	87
Внешняя политика	Переговоры	2	2	2	9	1	2	1			49
	Сотрудничество	2	8	1	3	3	4	4	3	3	31
	Колониальные претензии, агрессия	4	31	16	10	12	18	19	123	44	273

Примечание: * – Здесь и далее выделены темы, статьи по которым наиболее часто публиковались в газете «Известия»;

** – Красным цветом отмечено количество упоминаний о коммунистах в контексте данной тематики.

Таблица 2

Статьи, посвященные нацистскому режиму в газете «Известия»
в период действия пакта Риббентропа–Молотова (23 августа 1939–1941 гг.).

		1939 23–31 августа	1940 ноябрь	1941 январь	Итого
Политическая жизнь	Политические процессы, перестановки, выборы	0	0	2	2
	Идеология фашизма	0	0	0	0
	Выступления против фашизма	0	0	0	0
	Репрессии	0	0	0	0
	Противоречия среди фашистов	0	0	0	0
	Коммунисты в Германии	0	0	0	0
Экономическая жизнь	Успехи, развитие	4	2	0	6
	Трудности, социальные проблемы	0	0	0	0
Внешняя политика	Переговоры	6	19	5	30
	Сотрудничество	23	8	11	42
	Колониальные претензии, агрессия	0	1	2	3
	Фашизм в других странах	0	1	0	1
	Экономические конфликты	0	0	0	0
Военные усилия	Армия	2	2	1	5
	Экономика	1	0	1	2
	Шпионаж	0	1	1	2
	Военные действия	0	72	79	151

Научное издание

Еремин Сергей Владимирович

**НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ 1933–1941 гг.**

Монография

ISBN 978-5-00047-615-4

9 785000 476154

Редактор: Е.Е. Солдатова
Технический редактор: Д.В. Вилявин
Обложка: Р.Н. Шайхулов

Дата выхода: 12.10.2021
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. листов 10,33
Электронное издание. Объем 4,69 МБ. Заказ 2184

Издательство НВГУ
628615, Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, 4
Тел./факс: (3466) 24-50-51, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru